

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. I.

П Р О З А.

Праздникъ Рождества Христова въ Римъ.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien.)

Приближеніе сего торжественнаго дня возвѣщается въ Римѣ, за нѣсколько недѣль еще, радостными пригопвленіями всякаго рода. Прежде всего появляются пасхухи изъ Аbruццо, извѣстныя здѣсь подь именемъ Pifferagi: они ходящъ попарно по улицамъ Римскимъ и оспанавливаясь предъ каждымъ образомъ Богоматери, поющъ и играющъ духовныя пѣсни. Остроконечная Неаполишанская шапка и короткій плащъ темнаго цвѣща придающъ симъ пасхухамъ видъ чужеземцовъ, пришедшихъ изъ страны опдаленной. Музыка и пѣніе ихъ довольно просшы, но имѣющъ какую-то особенную пріятность. Хозяева домовъ и лавокъ не оспавляютъ ихъ безъ награды и сіи спранспвующіе Пѣснопѣвцы, по окончаніи праздниковъ, возвращающся въ свои горы, вообще довольные Римомъ и щедрыми его жишелями.

Между шѣмъ продавцы съѣстныхъ припасовъ (Piz-zicagnoli) наполняютъ лавки свои корзинками плодовъ, коихъ изобиліе спорить съ разнообразіемъ. Въ кофейныхъ домахъ выставлены на продажу прекрасныя конфекты и пирожное всякаго рода. Но шоль же достопримечательное, какъ и пріятное зрѣлище представляетъ *Навонская площадь*. Вокругъ оной устроены аркады изъ лавровыхъ и миршовыхъ вѣтвей, соединенныя гирляндами изъ прелестныхъ цвѣтшвъ и благоухающей зелени. Здѣсь-шо, въ спротогъ симметрическомъ порядкѣ, возвышаются необозримыя груды плодовъ и прочихъ жизненныхъ припасовъ. Пріятное смѣшеніе цвѣтшвъ и искусственное расположеніе сихъ громадъ, все служило доказательствомъ шого изящнаго вкуса, кошорый въ Римѣ господствуетъ и между людьми нисшаго Сословія.

Въ первый день праздника надобно слушать заупрешю въ Соборной церкви S-ta Maria Maggiore. Чшобы зашашъ начало, отправился я шуда съ моими соотечественниками въ 3 часа ушра. Церковь была уже наполнена народомъ, а жаръ и дымъ ошъ восковыхъ свѣчъ казался несноснымъ. Въ Ризницу, гдѣ выставлена была шакъ называемая *Святая колыбель* (la Sacra Culla), въ великолѣпномъ ковчегѣ изъ серебра и хрустала, шикакъ не могли мы проникнуть. Народъ, собравшійся сюда еще съ вечера и ожидавшій на лѣшницѣ и подѣ галереями ошкрытія церкви, восплѣдовавшаго въ 2 часа ушра, ошдыхалъ, шо большой часши въ живописныхъ группахъ,

вокругъ стѣнъ и колоннъ огромной церкви. Вся внутренность оной обита была шелковою матеріею малиноваго цвѣта. Пѣніе, происходившее отъ главнаго Олшаря, едва было слышно: шумъ и жужжаніе народа заглушали оное совершенно. Тѣсноша сія понудила насъ, поспѣшивъ на свѣжій воздухъ. Еще не было 5-ти часовъ, когда мы вышли изъ церкви. Глубокая тишина царствовала на седми холмахъ. Двери своего дома нашли мы запертыми и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только прохаживаться по уединеннымъ и темнымъ улицамъ. Наконецъ отворился кофейный домъ въ Корзо; мы вошли въ оный и подкрѣпивъ свои силы чашкою вкуснаго кофе, дожидались разсвѣта.

Въ первые дни большихъ праздниковъ: Пасхи, Сочесствія Св. Духа и Рождества Христова, Папа служилъ обѣдню въ Соборѣ Св. Петра, во всемъ блескѣ своего величія. Мы пошли туда заранѣе, какъ для того, чтобы видѣть сіе торжественное Богослуженіе сколько можно лучше, такъ и съ тѣмъ, чтобы походить по сему храму и здѣлать, такъ сказать, новыя открытія въ семъ единственномъ зданіи. Повѣрите ли, что чѣмъ чаще бываешь въ Соборѣ Св. Петра, тѣмъ величественнѣе и огромнѣе является исполненное его устройство? Ни одинъ храмъ, ни древнихъ, ни новѣйшихъ временъ, не можешь похвалиться подобнымъ пространствомъ, подобною красотою и великолѣпіемъ! Нѣтъ ни одного храма, къ украшенію коего содѣйствовали бы столь

многіе знаменитѣйшіе Художники. И все они, начиная отъ *Браманта* до *Бернини*, соединили изящнѣйшія произведенія своего Генія въ семь святыницъ, коему по праву принадлежишь первое мѣсто между памятниками благочестія и Искусства. Пусть знапки съ основательностію осуждаютъ нѣкопорыя, отдѣльныя части онаго! Пусть говорятъ, что оный болѣе походишь на дворець, нежели на церковь; что порядокъ колоннъ и расположеніе храма, по послѣднему плану Кавалера *Бернини*, не совсѣмъ правильны; что помѣщенныя надписи здѣсь не у мѣста! Пусть иные желали бы видѣшь во внутренности сей церкви не пиластры, но колонны; пусть другіе хотѣли бы найши въ ней приличнѣйшія статуи, картины и украшенія! Какъ бы то ни было, все сознаюся, что Соборъ Св. Петра есть единственнѣйшій, величественнѣйшій храмъ на земли. — Самая прямая и ближайшая дорога къ сему колоссальному зданію ведетъ чрезъ мостъ С-тъ Анжело. Перешедъ оный, вступаемъ мы на полукруглую площадь, на коей возвышается *Берниніева* колонада. При семь видѣ, нѣкопорый священный шепель объемлетъ душу: невольно чувствуешь себя перенесеннымъ въ область изящнаго и высокаго. Взоры постепенно возносящяся: сперва на обелискъ, воздвигнумый посреди площади; потомъ на водометъ *Двухъ дель*, коего струи высоко поднимающяся и шумящя въ воздухъ; наконецъ, на самую церковь и ея могущественный куполь. Мы вступа-

паемъ въ припворъ и нажепся, что находимся уже въ богашомъ храмѣ. Но это одно полько его преддверіе, украшенное пякью величешвенными Поршиками. Опсюда преникаемъ мы въ сумрачную внушрениосшь церковныхъ припворовъ, кои предшавляющъ взорамъ безконечную, единшвенную Перспективу. Золошой сводъ блиспаенъ надъ головою зришеля, между шѣмъ какъ подъ ногами его неспрѣшъ разноцѣпный и красивый мраморъ. Съ каждой спорошы видны прекрасныя сшапуи Ангеловъ, держащихъ въ рукахъ мраморные сосуды со Свяшою водою. Мы приближаемся къ нимъ и — они сшаповяшся исполинами, на коихъ нельзя сморѣшь безъ нѣкошораго невольнаго шрепеша. Пойдемъ далѣ! Здѣсь восхищающъ насъ высокіе и богашо украшенныя сполпы Коринѣскаго Ордена; шамъ — легко усшроенныя аркады, какъ бы унизанныя сшапуями, кои кажутся взирающими долу, на спеченіе благоговѣйныхъ посѣшшителей. Повсюду возвышающъ богашые придѣлы, великолѣпные Олшари и Мавзолеи, кошорыхъ слабое и какъ бы шайншвенное освѣщеніе шѣмъ болѣе обворожаетъ душу и возбуждаешъ въ ней священныя, шоржешвенныя чувшпованія. Наконецъ достигаемъ мы главнаго Олшаря и гробницы Апосшоловъ. Здѣсь 112 лампадъ горяшъ день и ночь предъ богашымъ придѣломъ: по великолѣпной мраморной лѣспницѣ сходише Вы внизъ, до самой гробницы, окруженной искусно здѣланною рѣшеткою. Съ удивленіемъ взираете Вы на главный Олшарь,

надъ купъ, высоко въ воздухъ, повѣшенъ великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый 4-мя огромными излучистыми колоннами изъ позолоченной мѣди. Но какое высокое чувство объемлетъ душу, когда Вы возводите взоры къ огромному куполу, коего Мозаическія картины представляють сонмъ блаженныхъ, предстоящихъ престолу Предвѣчнаго и съ благоговѣніемъ Ему поклоняющихся; когда обозрѣваете столпы, на коихъ покоится сей куполь, съ досшойною надписью: „*На семь камни созижду церковь Мою! (*)*“; когда наконецъ достигнете того мѣста, гдѣ четыре великіе Свяшителя поддерживають каедрю Св. Петра!

Огромный сей храмъ, въ коемъ лѣпомъ найдете пріятную прохладу, а зимою умѣренную теплоту, во всякое время опверстъ для посѣщителей. Каждый можетъ здѣсь безпрепятственно молиться или усладить взоры разнообразіемъ величественныхъ предметовъ. Я не въ силахъ выразить того высокаго воспора, который чувствуешь, когда ходишь, одинъ или въ небольшомъ обществѣ, по сему обширному зданію, и, почти на всякомъ шагу, ошанавливаешься для наблюденія и созерцанія. Нельзя описать того впечатлѣнія, которое производятъ сумерки, постигающія здѣсь посѣщителя. Ощѣльные предметы мало по малу сливаются въ одно могуще-

(*) Около фрива, надъ столбами, изображена слѣдующая надпись: Tu es Petrus et super hunc petrum aedificabo ecclesiam Meam, et tibi dabo claves regni Coelorum.

сшвенное цѣлое; живописный сводъ купола болѣе и болѣе затмѣвается и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ изъ глазъ. Между стѣмъ уединенные богомольцы споятъ на колѣняхъ вокругъ гробницы Апостоловъ, а умилищельные звуки Organa и сладостныя пѣнія Хора разносятся по необозримоу храму.

Сегодня, въ первый еще разъ, видѣлъ я церковь Св. Петра, наполненную народомъ. Нѣсколько сошьъ челоуѣкъ, кои обыкновенно собираются здѣсь по воскресеньямъ, едва бывають примѣшны въ безконечныхъ ея пришворахъ. Надобно, чшобы она вмѣщала многія тысячи людей, дабы произвешти нѣкоторую живость и движеніе. — Долго собравшійся народъ съ нешерпѣніемъ ожидалъ Папы. Наконецъ, въ 10-ть часовъ утра, всеобщее желаніе исполнилось и Глава Римской Церкви появился во всемъ блескѣ своего величія. Вы мнѣ позволите, описать съ нѣкоторою подробностію сіе торжественное зрѣлище.

Великолѣпная процессія вступила въ церковь чрезъ среднія двери, между двумя рядами Швейцаровъ, кои были въ богатой древней одеждѣ. Она приближалась къ Олшарю медленными шагами. Впереди шель одинъ изъ Камергеровъ, кошорый несъ большой Папскій Кресль. Двое другихъ, шешествовавшихъ по споронамъ, держали въ рукахъ горячія восковыя свѣчи. За ними слѣдовали: Прелаты; Кардиналы, сопровождаемые своими Капелланами и Аудишорами; Епископы, между коими

отличался Греко-Уніанскій, съ длинною сребристою бородою; Сенаторъ города Рима; шакъ называемые *Консерваторы*, въ златопшканныхъ маншіяхъ и наконецъ всѣ особы, принадлежащія къ высокому Духовенству. Наконецъ является самъ Папа, въ великолѣпныхъ креслахъ, несомыхъ 20-ю Швейцарами. Глава его украшена Тіарою, а на раменахъ воздѣта богашая маншія изъ золотой парчи, коей длинныя полы ниспадающъ большими складками и прикрываютъ кресла и несущихъ оныя. Папѣ предшесвующъ разныя особы его свишы, кои несущъ въ рукахъ отличительные знаки его досшесшва, равно какъ и шакъ называемую *Флабеллу* или великолѣпное онахало изъ шпроусовыхъ перьевъ. Предъ Олшаремъ воздвигнушъ для него нѣкошораго рода прешоль, по правую шпорону коего находится мѣша для Кардиналовъ, Епископовъ и Прелатовъ. Обширные Хоры пригошвлены для Пѣвчихъ, а богашо драпированная каөдра для Проповѣдника.

Папа, носясь шакъ сказашъ надъ головами колѣнопреклоненнаго народа, благословляль его во всѣ шпороны и наконецъ ошановился предъ Олшаремъ, у возвышеннаго мѣша, для него предназначеннаго. Здѣсь сложилъ онъ съ себя Тіару, сшалъ на колѣна и надѣвъ мишру, провозгласилъ Псалмы и молишвы, предшесвующія обрядамъ шоржешвеннаго Богослуженія. Совершивъ сіе, взошелъ онъ на пронъ и занялъ свое мѣшо. Тогда ближайшая его свиша еосшавила около его кругъ и пошепенно возложила

на него все знаки Папскаго достоинства, въ томъ числѣ и Тиару. Засимъ Его Святейшество, сопровождаемый двумя Діаконами и такимъ же числомъ Поддіаконовъ, приближается къ Олтарю и преклонивъ колѣна читаетъ молитвы, употребляемыя при исповѣди. По совершеніи уже сего обряда, восходитъ онъ на престолъ свой, во всемъ блескѣ и величіи своего сана. Между тѣмъ, какъ Хоръ поетъ: *Kyrie-Eleison* и *Gloria in excelsis*, Папа слагаетъ Тиару и привѣтствуетъ народъ словами: *Dominus vobiscum*. За симъ произноситъ онъ, тихимъ и непринужденнымъ голосомъ, такъ называемую *Сборную молитву* (*Collecte*).

Апостолъ читается въ сей день на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. По прочтеніи онаго и по окончаніи избранныхъ для пѣнія Псалмовъ, Папа благословляетъ Діаконовъ, кои, стоя предъ нимъ на колѣняхъ, держатъ Евангеліе. Оно читается также на двухъ языкахъ. Засимъ Папа, выслушавъ *Символъ Вѣры* и слѣдующіе за нимъ Псалмы, сходитъ съ своего престола и въ многочисленномъ сопровожденіи, приближается къ Олтарю. Здѣсь совершаетъ онъ священное жертвоприношеніе (*Offertorium*), а потомъ кадитъ во все стороны изъ золотыхъ курильницъ; засимъ, обращаясь къ народу приглашаетъ его къ тихой молитвѣ, словами: „*Orate, fratres!*“ Самъ Папа, древнимъ напѣвомъ, провозглашаетъ высокую духовную Пѣснь, называемую *Prefatione*. Можно сказать, что она составляетъ

поржеешвеннѣйшую часть сегодняшнихъ обрядовъ. Последнія слова оной: „Sanctus, Sanctus, Sanctus etc.“, произносясь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и повшоряются всею Хоромъ, громкими, но умильшными голосами. Наконецъ пѣніе сіе умолкаешъ: священная пишина водворяешся повсюду; одинъ только Папа продолжаешъ молишву свою, понизивъ голосъ. Совершивъ оную, снова привѣстшвуешъ онъ народъ словами: Dominus vobiscum! и между пѣмъ какъ Хоръ, шрогашельными голосами, воспѣваешъ: Agnus Dei, Папа возвращаешся на свой престоль: Тогда два Діакона подносящъ ему Св. Тайны, предъ коими онъ сперва преклоняешъ колѣна, а пошомъ причащаешся, занявъ свое мѣсто. Хоръ поешъ между пѣмъ приличныя духовныя пѣсни. Діаконы и Поддіаконы приобщаюшся также Св. Тайнъ, и припомъ въ обоихъ видахъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ опускаешъ народъ словами: „Itè, missa est!“ Папа, помолившись еще разъ у подножія Олшаря, важно и медленно удаляешся изъ церкви, въ шакомъ же порядкѣ, въ коемъ вступилъ въ оную.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Поэмы: *Искусства и Науки.*

(Пѣснь IV.)

(Сія Пѣснь посвящена изложенію важныхъ услугъ, оказанныхъ Релігіи Наукамъ и Художествами. Говорится объ истребленіи пышекъ, о терпимости Вѣрь, объ улучшеніи шюремъ, уничтоженіи торговаго невольничества; исчисляются великіе успѣхи Медицины и Хирургіи, Богоугодныя заведенія, училища глухо-нѣмыхъ и слѣпо-рожденныхъ, воспитательныя учрежденія, Библейскія Общества, проповѣданіе Евангелія дикимъ народамъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта и пр. и пр.)

Давноль въ несповспѣвѣ свирѣпаго усердья,
 Во имя Господа щедрошь и милосердья,
 При пѣніи Псалмовъ, съ Распяшіемъ въ рукахъ,
 Жгли брашьевъ и опцовъ невѣжды на коспрахъ?
 Давно ли видѣли на ложахъ раскаленныхъ
 Среди несносныхъ мукъ младенцевъ въ свѣшъ
 рожденныхъ,
 Въ огонь ввергаемыхъ рукою палача?
 Давноль, по прихоши опѣ Царсшва оплуча,
 Первосвященники Монарховъ изгоняли
 И подданныхъ опѣ кляпівъ на вѣрносш разрѣшали? (*)
 Давноль невѣжесшво пресшупное Судей,
 Средь раздробляемыхъ подъ пышкою коспей,
 Средь членовъ медленно исперзанныхъ, въ шемницѣ
 Подземной и сырой и мрачной, какъ гробницѣ,

(*) Многіе Римскіе Папы по зло употребляли власть свою; довольно называю *Александра VI* и *Григорія VII*. — Въ Россіи никогда Начальники Духовенства не присвоивали себѣ Гражданской власти и не вмѣшивались въ дѣла свѣтскія. Наше отечество можетъ указать на Св. *Филиппа*, *Филарета*, *Гермогена*, *Авраамія*, Св. *Димитрія Ростовскаго*, *Феофана*, *Платона*, какъ на свѣщилъ, озарившихъ его свѣтомъ благочестія, высокихъ Христіанскихъ добродѣтелей, любви къ отечеству и приверженности къ Царямъ, Помазанникамъ Божиимъ. *Сок.*

Гдѣ часто препеналъ ошъ споа жершвъ палачъ,
 Гдѣ слабый виновашъ, гдѣ вѣчно правъ силачъ,
 Признанія вины несбыточной искали
 И правосудіемъ убійство называли? (*)

Давноль еще, давноль съ печалью видѣль свѣшъ,
 Богоугодное созданье древнихъ лѣшъ,
 Больныхъ свяшый пріюшъ и немощныхъ жилище,
 Преобращенное въ обширное кладбище,
 Незнающихъ Врачей злодѣйскою рукой,
 Гдѣ умирающій, и мершвый, и живой
 Въ плешворномъ воздухѣ лежали тѣсно рядомъ,
 Осправлены, о спрахъ! въ цѣлебной чашѣ ядомъ? (**)

Но просвѣщеніе, въ лицѣ Владыкъ земныхъ
 Возсѣло на прешоль — и вопль рабовъ зашихъ,
 Пошущены костры, свѣшъ осіяль шемницы,
 Ошъ люшыхъ варваровъ защищены границы,
 На плѣнникахъ уже не слышенъ звонъ оковъ; —
 И крѣпче шронъ Царей, и шверже Креспъ Христовъ!

Чшо вижу? Сколь сей храмъ величешвенъ и пышенъ!
 Безмѣрный куполь сей, какъ неба сводъ, возвышенъ;
 И въ цѣломъ и въ часяхъ краса сохранена!
 Не мраморнаяль по гора обгранена?
 Нѣшъ! Мишель-Анжемъ храмъ чудесный сей пошроенъ:
 Богашъ, изященъ, просшъ, Всевышняго достоинъ.

(*) Россія первая подала Европѣ примѣръ, первая уничтожила пышки и смертную казнь. — Александръ заключилъ Свяшый Союзъ и основалъ благотѣшельныя и образовашельныя заведенія, которымъ нѣшъ подобныхъ въ цѣломъ мѣрѣ. *Сос.*

(**) Довольно назвашъ прививаніе коровьей оспы и поправленіе воздуха, по системѣ Гюйтона-де-Морво, чшобъ увѣришся въ шревосходствѣ нынѣшней Медицины. *Сос.*

Войдемъ въ него. смопри, дивись, благоговѣй!

Съ пылающей горы нисходитъ Моисей:

Скрыжали на груди, чело въ лучахъ пылаешь

И славой Господа лице его сіяешь;

Предъидешь передъ нимъ Іеговы тайный спрахъ!

Тамъ въ ошдаленіи блеспишь Ливанъ въ снѣгахъ

И кедровъ къ небесамъ бѣгущія вершины.

Сыны Іакова, на черный прахъ долины

Съ покровомъ, на глаза накинущимъ, упавъ,

Просшерлись въ шрепешъ, подыашъ не смѣюпъ
главъ,

Боясь, да не пожрешъ во гнѣвъ преисподня

Узрѣвшихъ славы блескъ и свѣтъ лица Господня.

Вошъ Богоматери доспойныя чершы!

Всѣ опъ младенчества до дѣшества красомы

Въ семь хоръ Ангеловъ! Они, расправивъ крылья,

Паряшъ на небеса безъ всякаго усилья,

За Дѣвой чистою въ гошовый ей чершогъ,

Гдѣ ждешъ ее съ земли къ Себѣ на лоно Богъ.

Сколь непорочень ликъ, Успенъемъ просвѣплѣвшій;

Блаженствомъ влаженъ взоръ, для вѣчности про-
зрѣвшій.

Младенцы-Ангелы, одни другихъ милѣй,

Одни живѣй другихъ и мѣльче и рѣзвѣй,

Улыбкой ясною Марію привѣчаюшъ; —

Большіе маленькимъ ошставшимъ помогаюшъ.

Здѣсь видимъ внушренность небесъ и Божештво,

И Гвидо-Ренова искуштва шоржештво!

А здѣсь гора Ѡаворъ: Хришось преобразился;

Изчезлуль челоувѣкъ и свѣплый Богъ явился!

Ученики его не въ силахъ глазъ возвеспъ,
Ни бѣлизны одеждъ, ни блеска взоровъ снесшъ.
Поникли небеса, земля благоговѣшъ
Рафаель! Ни земля, ни небо не имѣшъ
Для образца того, что ты живописалъ:
Твой Геній силою своей его создалъ!

Пюжешова рѣзца достойное шворенье —
Свяшій Себастьянъ! Какое выраженъе!
Какъ спраждешъ мраморъ сей! Какъ угасаешъ
взоръ!

Съ святою Вѣрою спраданъе держишъ споръ!
И злодѣяніе въ нецшовсшвъ посмѣло
Прекрасное сіе пронзашъ стрѣлами шѣло,
Прекрасной сей душъ дни казнью сокращашъ,
Душъ, ниспосланной мѣрь дольній украшашъ;
Душъ, кошорая считаешъ всѣ мгновенья,
Чтобъ дострадавъ лешъ въ небесныя селенья!

Тамъ Моисей сѣдишъ: скрижали подъ рукою,
Другая на груди покоишся свяшой.
Сіе чело съ шрудомъ обширный умъ вмѣщашъ;
Сквозъ мраморъ, какъ сквозъ шкль, онъ шонкую,
сверкаешъ;

Ошверзлися ушпа, мысль слова шолько ждешъ;
Волнами бѣлыми брада его шечешъ
И разливаешся по персямъ величаво,
И взоръ Пророка полнь могущесшвомъ и славой.

На бѣломъ пологшѣ, по снятшмъ съ Креста,
Я вижу шѣло здѣсь просшершое Христа;
Ученики его глубокой скорби полны,
Съ поникшею главою и бѣдны и безмолвны,

Стояшь, держа края священной пелены:

Три Мвроносицы въ печаль погружены

И Матерь Божія безгласна, бездыханна,

Упала на руки Свяшаго Іоанна.

Россія! Гдѣ спрана, въ какомъ краю чужомъ

Великолѣпнѣе и съ большимъ поржешвомъ

Богослужebные свершающся обряды?

Изъ чистаго сребра сосуды и лампы,

Изъ злата скованы оклады образовъ,

Вѣнцы ихъ снизаны изъ крупныхъ жемчуговъ;

На ризахъ, на Крестахъ, на митрахъ зримъ алмазы;

Рубины, яхонты, опалы и топазы.

Кадильницъ сладкій дымъ, Левишовъ спройный

Хоръ —

Все возвышаешь духъ, все восхищаешь взоръ:

Сердца распроганы, въ благоговѣнны чувства!

Приносяшь Вѣрѣ дань — Науки и Искусства;

Холодная Сибирь чрезъ нихъ дары ей шлешь,

Перу и Индія сокровища несетъ.

И въ храмахъ ли однихъ? Нѣтъ, даже на кладбищѣ!

Тамъ для чувствительныхъ любимое гульбище.

Тамъ ушѣщительный внимаемъ Вѣры гласъ,

Что гробъ есть колыбель безсмертія для насъ

И что воздвигнушы на мѣстѣ номъ гробницы,

Гдѣ міра дольнаго и горняго границы.

Жизнь къ смерти крѣпко шамъ прикована: супругъ,

Мать, дочь, родитель, сынъ, сестра, любовникъ,

другъ

На пепель угаснувшихъ приносяшь вопль и слѣзы.

Сюда и кипарисъ и мирръ, и лавръ и розы!

Сюда зовушь они Поэзію, Рѣзбу,
Увѣковѣчишь скорбь у милыхъ на гробу.
Художникъ въ мраморъ сей влилъ живошворный
пламень :

Внемли! звучишь труба.... распался гробный камень,
Съ младенцемъ на рукахъ воскреснувшая мать
Привсчала . . . силился сей камень приподнять ;
Свергаешь плѣніе, къ неплѣнью воскресаешь
И внемля спрашный зовъ, покорная вѣщаешь :
„Се азъ и давное Тобою чадо мнѣ!“

А здѣсь прикованный поскою Гименей (*)
Къ гробницѣ милья, и блѣдный и безгласный,
Трепещущей рукой свѣспильникъ гасишь ясный.
А шамъ — на памятникъ младенца посмотри
„Покойся, милый прахъ, до упренней зари!“ (**)
Рука родителей на ономъ начерпила.

Здѣсь — спишь красавица: шиха ея могила (***);
Для жизни и любви едва лишь расцвѣла
И Ангель красоты и скромности была.
Надъ ней младая жизнь, склонивъ главу, рыдаешь
И розу пышную въ печали обрываешь.

Воейковъ.

1823-го года.

(*) Башюшковъ.

(**) Карамзинъ.

(***) Жуковский.

Печаташь позволяешя: Января 18-го днл, 1824 года.

Цензоръ А. *Вируковъ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. II.

П Р О З А.

Праздникъ Рождества Христова въ Римъ.

(Окончаніе.)

При сихъ священныхъ обрядахъ должно присутствовать съ некоемъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, дабы объять въ полной мѣрѣ всю важность и, такъ сказать, сверхъестественность оныхъ. Тогда только можно понять слова *Мортимера*, который съ восторгомъ сказалъ: „Празднество сіе не суть опъ міра сего!“ Здѣсь все обворожаетъ взоры, воспаляетъ воображеніе и возноситъ духъ въ горня. Святость самаго мѣста, достопочтенный ликъ собраннаго Духовенства, богашая его одежда, разнообразіе и шашественная значительность совершаемыхъ обрядовъ, глубокая тишина и непрерывный порядокъ, въ коемъ послѣдуютъ оныя одинъ за другимъ, наконецъ усердное благоговѣніе Папы, начальствующаго при семъ священнослуженіи, — все производитъ на душу глубокое, неописанное впечатлѣніе. Прибавше къ сему сладостное благоуханіе кадила и бла-

рогашельное дѣйствіе древняго пѣснопѣнія, которое кажется здѣсь голосами Херувимскими. Вспомните, что вскорѣ пройдушь два тысячелѣтія, съ пѣхъ поръ, какъ обряды сіи сущесствують во всемъ ихъ блескѣ. Сообразивъ все сіе, Вы легко поймете, что каждый Христіанинъ, безъ всякаго различія Вѣроисповѣданій, приводится здѣсь въ живѣйшее умиленіе и какъ бы неволь-но увлекается къ благочестивымъ чувствованіямъ.

Къ обѣду пригласила меня хозяйка, еще за нѣсколько дней до праздника, сими прекрасными словами: „*Pasqua con Dio, Carnevale chi vuoi, Ma Natale con i tuoi*“ (ш. е. Пасху съ Богомъ, Масляницу съ кѣмъ угодно, но Рождество со своимъ.) Мы провели вмѣстѣ цѣлый день, который безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу пріятнѣйшихъ дней моихъ въ Римѣ.

Въ Католическихъ земляхъ есть обыкновеніе, во время праздника Рождества Христова, соорудить въ домахъ такъ называемые вершены (*Praesepe*), ш. е. представляющъ въ лицахъ и съ приличными декораціями, Рождество Спасителя, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ и другія происшествія изъ Исторіи младенчества Христова. Въ Мюнхенѣ видѣли мы нѣкогда таковой вершеть въ домѣ одного знашнаго человека; оный былъ предначертанъ и украшенъ съ истиннымъ великолѣпіемъ. Въ Римѣ устроивающъ также вертели, показывающіе высокой шпиль и глубоко вкорененной вкусъ жителя ко всему изящному. Оныя по большей части распо-

лагаются такимъ образомъ, что на декорации изображается прекрасный ландшафтъ, а предъ онымъ славящаяся развалины, живописныя группы деревъ и приличныя фигуры. Все сіе дѣлаютъ изъ картона или другихъ подобныхъ веществъ и своею прекрасною Перспективою и прелестнымъ расположеніемъ производятъ чудеснѣйшее дѣйствіе. Такъ не могли мы довольно наглядѣвшись на вершныя, усмотренныя во дворцахъ *Vincognani* и *alla Regola*. — Въ самыхъ даже игрушкахъ, кои дѣлаются и продаются въ Римѣ, есть что-то тонкое и замысловатое, меланхолическое и величественное.

На другой день праздника пошли мы въ церковь *Ara Coeli*. Предъ входомъ въ оную представилось намъ весьма пріятельное зрѣлище. Шестеро слѣпыхъ обоюга пола сидѣли въ кружку и пѣли пасхушескія и колыбельныя пѣсни на Рождество Христова, аккомпанируя себя мандолинами, шреугольниками и флейшами, въ пріятныхъ, но крошечныхъ и выразительныхъ мелодіяхъ. Голоса ихъ были вообще звучны и пріятны. Не помню, чтобы что-либо произвело на душу мою такое впечатлѣніе, какъ сіи слѣпые, но преисполненные нѣкотораго священнаго восторга стихи, слышавшіяся съ лица повѣряемые:

Dormi, dormi nel mio seno,
 Dormi, o mio fior Nazareno,
 Il mio cuor culla sarà
 Fa la ninna nanna na!

Тарелочка, споявшая предъ ними на столикъ, вскорѣ наполнилась; почти никто не проходилъ хладнокровно мимо поющихъ слѣпцовъ.

Послѣ обѣда, при самой прекрасной погодѣ, пошелъ я одинъ прохаживаться къ Виллѣ-Маттеи (Villa Mattei). Она находится на горѣ Целиусъ Монс Соеліусъ), слѣдовательно въ самомъ прелестнѣйшемъ мѣстѣ древняго Рима. Здѣсь-то представляется рѣдкое, пещинно-восторженное зрѣлище. Съ одной стороны древній Форумъ, Колизей, монастырь Св. Юанна и Павла, окруженный гордыми пальмовыми деревьями; съ другой стороны развалины Каракалло-выхъ бань, городскія стѣны, водометы, поля и дальнія горы доставляютъ неописанный и безирѣдѣльный видъ. Тамъшнее Кассино по большей части пусто, но теперь приутошовляется для приѣма Герцога Алькудіа, купившаго сію Виллу. Расположеніе сада прекрасно. Особенно показалось мнѣ привлекательнымъ то мѣсто, гдѣ, подъ стѣнью кипарисовъ, поставлена колоссальная голова Александра или, вѣроятнѣе, Августа. Умѣренный свѣтъ солнца и шопоть вѣтерка, играющаго здѣсь листьями, какъ посреди весны,—заславили меня перенесшесъ мысленно въ климатъ моего опечесшва, который показываетъ Вамъ теперь однѣ пустыня, стѣгомъ покрытыя поля и заславляютъ собирашесъ вокругъ пылающаго камина.

Послѣдній вечеръ спараго года провели мы съ многими сошечесшвенниками нашими, за пріятель-

скимъ ужиномъ и круговою чашею. Живѣйшее удовольствіе одушевляло все общество; мы оспавались до полуночи съ опворенными окнами, а шупки и пѣсни наши разносились далеко по безмолвному Риму.

Съ Нил. М. Магазнеръ.

Три письма знаменитыхъ Художниковъ.

Какъ въ прежнія, такъ и въ новѣйшія времена, перѣдко спорили о вопросѣ: копорому изъ Изящныхъ Искусствъ принадлежишь первенство? Споръ сей не рѣшенъ еще донынѣ и вѣроятно навсегда оспанется нерѣшеннымъ. Но оный имѣлъ свою пользу въ другомъ отношеніи; ибо подалъ поводъ ко множеству сравнительныхъ наблюдений—о свойствахъ и границахъ, о выгодахъ и невыгодахъ каждаго Искусства въ особенннсти. Сему вопросу одолжены мы однимъ изъ лучшихъ, глубокомысленнѣйшихъ сочиненій по части Художества: просвѣщенные Чипашели безъ шруда ошгадаютъ, что мы говоримъ о *Лессинговомъ Лаокаонтѣ*.

Нѣкошорые ограничивали помянутый споръ двумя только Искусствами: *Жизописью* и *Ваяніемъ*; ибо оныя имѣютъ многія общія свойства и сходны по Эстетической своей цѣли, хотя весьма различествуютъ въ Механическихъ и собственнохудожественныхъ средствахъ. Любопышно видѣть: какъ разсуждали о семъ предметѣ въ славный вѣкъ *Мишель-Анжа* и *Бенвенуша Челлини*? Ученый совре-

менникъ ихъ, Бендешино *Варка*, предложилъ помянутый вопросъ знаменитѣйшимъ Художникамъ своего вѣка и опечесства. Всѣ они отвѣчали ему писменно и всѣ сип отвѣшы, болѣе или менѣе, достойны примѣчанія. Извѣстный *Боттари* помѣспилъ оныя въ своемъ собраніи *Писемъ Италіянскихъ Живописцовъ*. Сообщаемъ отвѣшы Бенв. *Челлини*, М. А. *Буонаротти* и *Вазари*, кои находимъ мы любопытнѣйшими, какъ по именамъ Сочинителей, такъ и по самому содержанию:

I.

Флоренція, 28-го Января, 1546.

Мнѣ казалось бы гораздо легче разсуждать объ Изящномъ Искусствѣ словесно, нежели писмено: не будучи ошличнымъ Орапоромъ, я еще живѣе чувствую, что я дурной Писатель. Впрочемъ я говорю изъясняю свои мысли, какъ только умѣю. Мнѣ казалось, что Ваяніе въ семь кратъ превосходитъ всѣ прочія начертательныя Искусства; ибо сташуа можешь быть размашриваема съ семи споронъ, кои всѣ должны бытъ одинаково совершенной красоты. Часно случается, что Ваятель съ посредственнымъ талантомъ довольствуется красивою опдѣлкою одной или двухъ споронъ; но сіе происходитъ еще того, что онъ недовольно обдумалъ свой предметъ, который требовалъ большаго размышленія и бсльшей шцательности. Опъ сего по сташуа его не имѣешь согласія во всѣхъ своихъ частяхъ и заслуживаешь общее порицаніе. *Мишель-*

Анж показалъ въ семь верхъ своего искусства; ибо онъ чувствовалъ, сколько потребно размышленія, чтобы произвести что-либо совершенное. Должно ли удивляться, что онъ вмѣстѣ былъ и величайшимъ Живописцемъ, какой только существовалъ когда либо въ древнія и новѣйшія времена? Всѣ картины его писаны съ составленныхъ имъ же моделей, которыхъ сполни ему продолжительнаго изученія. Я не знаю ни одного Художника, который бы изображалъ предметы съ такою истиною, исключая развѣ ученаго *Андрея Брескиано*. Другіе работаютъ на удачу, смѣшивая краски безъ разбора; это хорошо только для того, чтобы прельстить проспой народъ.

Когдажъ обратимся къ великому искусству Ваянія; то удостоверимся опытно въ сей истинѣ, даже при составленіи проспой статуи или вазы, кои впрочемъ принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ произведеніямъ сего Художества. Возьмемъ на примѣръ статую или вазу, сдѣланную съ рисунка; положимъ, что въ нихъ соблюдена вся точность, а также пріятность и соразмѣрность. При всемъ томъ увидимъ, что работа Ваятеля не соотвѣтствуетъ рисунку; но кажется отвратительною и неправильною. Если же снять рисунокъ съ помянутой статуи или вазы, въ томъ же или другомъ размѣрѣ; то рисунокъ сей будетъ конечно хорошъ.

Дабы подтвердить сказанное мною великимъ примѣромъ, представлю знаменитаго *Мишель-Анжа*,

кошорый желая описать своимъ камнесъщяжь иъ-кошорый новый родъ оконъ, вѣсно того, чшобы прибѣгнушь къ рисуцку, сдѣлалъ модель изъ глинны. Такъ и всѣ превосходныя его произведенія, какъ то столпы, арки, фасады и пр. воздвигнуты по сосставленнымъ имъ прежде того моделямъ.

Всѣ обыкновенныя Архитекторы сначала дѣлають малые чершежи для своихъ произведеній, а потомъ уже съ оныхъ сосоставляють модели. Опъ сего-то всѣ они такъ далеко ошсшаютъ опъ *Мишель-Анжа*.

Ипакъ скажу еще разъ, что Ваянiе есть машь всѣхъ начерпашельныхъ Искусствъ; ибо великiй Ваяшель легко можеть сдѣлаться и великимъ Живописцемъ. Ему неспрудно узнать Перспективу и превзойти въ Живописи всѣхъ тѣхъ, кошорые не совершенно знаютъ Искусство Ваянiя.

Живопись есть ничто иное, какъ отраженiе зданiя, человека или какого либо другаго предмета, въ шихомъ, прозрачномъ источникѣ. Слѣдовашельцо, различiе между Живописью и Ваянiемъ сколько же велико, какъ и разность между пiтьню и пѣломъ, ее отбрасывающимъ.

Я поспѣшилъ опвѣчать Вамъ, съ шакимъ же усердiемъ, съ какимъ я Вамъ преданъ душою; но поспѣшность сiя была конечно причиною многихъ ошибокъ. Пребываю и проч.

Бенвенуто Челлини.

II.

Римъ,

М. Г! Получивъ, дня за два предъ симъ, небольшое Ваше сочиненiе, буду я опвѣчать на вопросъ

Вашъ въ горошкнхъ словахъ и не спрашася изблнчнш присемъ свое невѣжеснво.

Инакъ скажу Вамъ, что Живопись кажешя мнѣ шѣмъ совершеннѣе, чѣмъ она ближе подходитъ къ выпуклой работѣ (рельефу); а сія напротивъ шѣмъ хуже, чѣмъ ближе къ Живописи. Что касается до меня; шо я привыкъ было думать, что Ваяніе естѣ свѣшнльннкъ Живописи и что оба Искусства сіи одно ошѣ другаго такъ далеки, какъ солнце ошѣ луны. Но прочнпавъ Вашу книжку, въ кошорой Вы говорнше, что въ Философическомъ смыслѣ всѣ вещи, имѣющія одну главную цѣль, имѣють и одинаковое достоинство, я перемѣннлъ свое мнѣніе и скажу теперъ, что бѣльшее изученіе, препншствія и трудность работы не доказываютъ еще преимущества одного Искусства предъ другимъ. Изъ сего и должно заключнш, что Ваяніе и Живопись имѣють одинаковую цѣну. Но въ такомъ случаѣ, Живописецъ споль же хорошо долженъ знатъ Ваяніе, какъ и самъ Ваятель, а сей послѣдній долженъ бышъ также корошко знакомъ съ Живописью. Въ Ваяніи вижу я Искусство, кошорое шворнш *отнимал*, между шѣмъ какъ Живопись занимается *присоединеніемъ*. Но оба Художества должны исходить изъ одной почки, если хотянъ жить мирно; въ противномъ случаѣ заведущя споры, кошорые займуть гораздо бѣлье времени, нежели сколько нужно для пригошвенія картинъ и спашуй.

Еще многое, о сень многое можно бы сказать объ обоихъ Искусствахъ; но сіе пребуешь, какъ я уже выше замѣпилъ, свободнаго времени. У меня мало его оспаешся; ибо я не шолько спарь, но почпи уже нахожусь въ Царствѣ мершвыхъ. Ишакъ прошу извинишь крашкосшь моего ошвѣша и благодарю, сколько могу и умъю, за оказанную мнѣ честь, кошорой я совсѣмъ не заслуживаю.

Мишель-Анжело Буонаротти.

III.

Флоренція, 12-го Феврала, 1546.

Вы хошите, М. Г., знашь мое мнѣніе: кошорому Искусству ошдашь преимущештво, Живописи или Валяню? Мнѣ не хотѣлось бы ошказашь Вамъ въ сей, первой еще ко мнѣ прозьбѣ; посему и охотно гошовъ я исполнишь Ваше желаніе, хопя весьма сомнѣваюсь, буду ли имѣшь въ томъ успѣхъ.

Начну происешествіемъ, случившимся въ бышность мою въ Римѣ. Два Придворные Чинovníка Кардинала *Фарнезе*, племянника *Павла III*, завели однажды споръ о томъ же самомъ предметѣ и избрали меня посредникомъ. Будучи приведенъ еще въ большее замѣшательство, нежели шеперь, когда пишу къ Вамъ, пошелъ я посовѣшовашься о семъ къ знаменишному *Мишель-Анжу*, какъ опличнѣйшему во обоихъ сихъ Искусствахъ Художнику. Онъ опвѣчалъ мнѣ съ улыбкою: „Валяніе и Живопись имѣють одну главную цѣль, кошорой, какъ въ томъ, шакъ

и другомъ Искусствѣ, трудно достигнушь.“ Болѣе я ничего не могъ оиъ него узнать.

Еслибъ я не спрaвился навлечь Ваше погодованіе; но, клянусь, прислалъ бы Вамъ листъ бѣлой бумаги, дабы Вы, какъ человекъ, столь обогащенный свѣденіями, написали на ней свое мнѣніе; ибо Вы лучше можете о семъ судить, нежели я и всѣ прочіе наши Художники. Но Вы, какъ кажется, расположены надо мною позабавиться. Ипакъ я расскажу Вамъ, что я думаю и чувствую при собесѣдвенныхъ своихъ занятіяхъ. Разумѣется, что всякое Художество, итъмъ ближе къ первоначальному своему источнику, чѣмъ оно ближе къ совершенству Природы. Ипакъ изученіе оной должно быть первою для насъ Наукою; а украшеніе или содѣйствіе самой Природы, умсвеннымъ или вещественнымъ образомъ, главною цѣлью. По сему то мы и находимъ, что Художникъ, который достигнулъ сей цѣли, совершеннѣе всякаго другаго. Оисюда слѣдуешь, что Архитектура беретъ преимущество предъ Ваяніемъ и Живописью; ибо она болѣе приближалась къ главной цѣли Искусства, которая состоитъ въ усовершенствованіи и украшеніи Природы.

Я не берусь судить о Ваяніи; ибо это завлекло бы насъ въ безконечные споры. Но Вы мнѣ позволите говорить о своемъ Искусствѣ, что есть, о предпочтительности и совершенствѣ онаго. Прежде всего замѣшимъ, что о вещахъ, коихъ Механическое изученіе кажется легкимъ, вообще думаешь, что оиъ не требуютъ особеннаго искусства.

Возьмите на примѣръ кусокъ глины. Здѣлайте изъ онаго человѣческую голову, живописное или чтонибудь другое. Образуя сей кусокъ, Вы не заботитесь ни о краскахъ, ни о свѣтѣ и тѣни. Давъ ему форму, снимите съ него рисунокъ, кислѣю или чѣмъ Вамъ угодно. Попомъ начинайте оштѣплять, подбирая краски, наводитишь разныя степени свѣта. Тогда Вы можете судить, которое изъ сихъ двухъ Искусствъ превосходнѣе и легче. Но то, въ которомъ оштѣлка показалась бы Вамъ менѣе трудовъ, было бы менѣе совершенно. Въ Живописи всего мудренѣе хорошо рисовать и хорошо означать тѣни. Опъ того-то и видимъ многихъ Художниковъ, которые дѣлають превосходные абрисы, но все поршая, когда начнутъ оштѣплять оныя. Другіе напрошивъ дурно рисуютъ, но чудеснымъ образомъ располагають дѣйствіе тѣни и свѣта. Тотъ не можешь владыи нашимъ Искусствомъ, кто не усовершенствовался въ рисованьи и не соединяеть съ симъ нѣкоторой особенной проницаемельности. Иначе, какъ бы могъ опъ произвести на пространствѣ одного фуша такую фигуру, которая кажется въ шесть разъ болѣе занимаемаго ею мѣста? Искусство сіе производить еще болѣе: оное на самой гладкой поверхности представляеть шѣла живыми и круглыми и каждой вещи придаетъ принадлежащій ей видъ, между шѣмъ какъ Ваяніе всѣ дѣйствія свои заключаеть въ себѣ самомъ и естъ въ самой вещи то, чѣмъ оно кажется.

Живопись имѣеть не только по общему свойству съ Ваяніемъ, что придаетъ чертамъ выразительность и можеть представить каждую спрашь; но сверхъ того, съ помощію красокъ, сохраняетъ она все опшѣки цвѣтновъ изображаемаго предмета, что немало способствуетъ къ очарованію. Искусство сіе подражаетъ Природѣ совершеннѣйшимъ образомъ: оно можеть представить воздухъ и воду, вѣтеръ и бури, дождь, облака, градъ, снѣгъ, ледъ, молнію, ночь, вечернюю зарю, лунный свѣтъ, сіяніе звѣздъ, различіе чистоты и туманной атмосферы и даже самое солнце съ его лучами. Живопись можеть означить все степени красоты или безобразія; представить цвѣтущій, свѣжій колоритъ молодости и здоровья, равно какъ и различныя болѣзни съ ихъ наружными признаками; смерть, копорая теперь только поразила жертву свою и трупъ, давно уже охладѣвшій; веселыхъ рыбокъ, кои плещутся въ прозрачной рѣкѣ; птицъ и прочихъ животныхъ со всеми опшѣчительными ихъ знаками; разнообразіе и нѣжность цвѣтновъ и расптій, съ безконечными ихъ опшѣчками; цвѣтъ и волнообразные кудри волосъ, когда ими играетъ вѣтеръ или когда они воздымаются опъ бури или ужаса. Можеть ли Ваятель, при всемъ своемъ искусствѣ, изобразить все таковыя предметы, посредствомъ одного только камня или мрамора?— Но любезный мой *Варки!* Что Вы со мною дѣлаете? Вы заманили меня въ такую бездну, изъ копорой мнѣ и вытпн прудно. Живописецъ объемлетъ все, что шворитъ

Природа, что имѣешь жизнь и цвѣтъ; а я еще не сказала Вамъ ни слова о чудесныхъ дѣйствіяхъ Перспективы, которая обольщаетъ зрѣніе и имѣешь тысячи способовъ для очарованія. Представьте мнѣ на примѣръ, посредствомъ Ваянія, извѣстную Басню о Саширь и креспыянинѣ. Какъ изобразите Вы паръ сельскаго обѣда, который поднимается съ его ложки! Какъ выразите старанія его, прохладить свое кушанье?

Живопись имѣетъ три различныя способа къ произведенію чудесныхъ своихъ дѣйствій: она раздѣляется на Живопись *Alfresco*, сухими и масляными красками. Если Художникъ дурно рисуетъ и худо колорисуетъ, то все время для него потеряно. Хорошій колорисуетъ, но не довольно искусный въ рисованіи, также не достигнетъ своей цѣли. Но если онъ и владѣетъ сими двумя существенными принадлежностями своего Искусства, но припомъ не имѣетъ Архитектурыныхъ свѣдѣній; то все еще не можетъ произвести правильной Перспективы. Чрезъ изученіе плановъ и фасадовъ познаются всѣ высоты и широты, равно какъ и всѣ сокращенія линій. Въ такомъ только случаѣ можно рисовать поршрешы, которые совершенно обманываютъ зрѣніе. Доказательствомъ сему служишь поршрешъ Папы Павла III, Тицановой работы. Когда оный высавленъ былъ на шеррасъ; то всѣ проходящіе почитали оный за самаго Папу и кланялись ему съ пощеніемъ. Случалось ли это хотя съ одною спашуею?

Словомъ, самый маловажный предметъ Живописи сопряженъ съ великою трудностію; Художники-Геніи всякой разъ открываютъ въ себѣ Искусствъ что-нибудь новое, прежде имъ неизвѣстное. Размышляя о себѣ предметъ, часто говорилъ я самъ себѣ: если бы ученіе, время и труды, коихъ мнѣ стоило сіе Искусство, въ коемъ я такъ мало еще успѣлъ, употреблены были мною для другой какой-либо Науки; то я увѣренъ, что заслужилъ бы безмерныя.

Я забылъ еще сказать, что хотя на древнихъ барельефахъ видѣлъ я бѣгство войскъ и быстрия ихъ движенія; но никогда еще не примѣчалъ ни блеска ихъ оружія, ни пыли и пѣны, коими покрывали успалые ихъ кони. Ваяніе никогда не могло изобразить шелкъ, бархатъ, золото, серебро или блескъ драгоценныхъ камней.

Извините, ежели я не удовлетворилъ Васъ въ полной мѣрѣ. Причина тому — перо мое, коимъ не умю такъ легко управлять, какъ кистью. Признаюсь, что я скорѣе и охотнѣе написалъ бы Вамъ картину, нежели это письмо. — Прощайте и любите меня по прежнему.

Дж. Вазари, изъ Ареццо.

СТІХОТВОРЕНІЯ.

М щ е н і е.

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійць завиденъ самъ Рыцаря былъ!

*

Свершилось убійство полною порой —
И шпуръ поглотенъ былъ глубокой рѣкой.

*

И шпоры и лапы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

*

И мостъ на конь проскакать онъ сѣвшишь;
Но конь поднялся на дыбы и хранишь!

*

Онъ шпоры воззаетъ въ крупые брка;
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока!

*

Онъ выплышь изъ вѣхъ напрягается силъ;
Но панцырь тяжелый его ушонилъ!

Журавль

Печашашъ позволяешся: Января 26-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Буруковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. III.

П Р О З А .

О новомъ изданіи Стихотвореній И. И.

Дмитріева. ()*

Хвала, нашъ Дмитріевъ! ты въ Одѣ, Пѣснѣ, Сказкѣ,
По плану, ходу пьесъ, завязкѣ и развязкѣ,
По строгой вѣрности и слога чистотѣ,
Игривости ума, огню и остротѣ —
Классическій Поэзъ! Ты смѣль безъ напряженій;
Блещашелень, но просишь; изящный вкусъ — швой
Геній!

Попечитель Высочайше утвержденного Санкшпербургскаго вольнаго Общества любителей Россійской Словесности, Иванъ Ивановичъ *Дмитріевъ*, предложилъ оному напечатать новое изданіе сочиненій своихъ, для обращенія вырученной шѣмъ суммы на благошвореніе, которое, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, составляетъ сугубую цѣль Общества.

(*) Полный титулъ сего изданія и краткое о немъ извѣщеніе помѣщены въ Р. И. на сей 1824-й годъ, №. 11-й.

Общество, съ своей стороны, желая соопвѣстствовать благородному сему намѣренію исправностию предпринимаго имъ изданія, напечатало оное и въ Типографическомъ отношеніи превосходнѣе всѣхъ прежнихъ: лучшими буквами и на лучшей Любской бумагѣ; украсило оное поршрешомъ почтеннаго Авшора, срисованнымъ извѣстнымъ Живописцемъ, Г. *Тонги* и присовокупило его Біографію, сославленную Членомъ Общества, Княземъ П. А. *Вяземскимъ*.

Кромѣ сихъ достоинствъ, новое изданіе предъ всѣми другими должно имѣть въ глазахъ просвѣщенныхъ любителей Словесности необыкновенную цѣну, какъ явленіе необыкновенное. Въ предисловіи знаменитый нашъ Писатель говоритъ: „Почти всѣ мои Спихопворенія писаны въ продолженіе моей Гвардейской службы, между спроевъ и карауловъ, или въ корошкѣ промежуткѣ свободы, между первою опсавкою изъ Гражданской службы и всупленіемъ оная въ оную.

„Тогда еще не было такихъ благопріятныхъ случаевъ къ соревнованію, какими пользуются нынѣшніе Поэты и Прозаисты: сочиненій нашихъ не читали въ собраніяхъ ученыхъ Обществъ, въ присутствіи Вельможъ, Ученыхъ, многочисленныхъ слушателей обоого пола. Я нѣсколько лѣтъ писалъ стихи, печаталъ ихъ въ Журналахъ и не зналъ, какъ объ нихъ судяшь, и не былъ знакомъ ни съ однимъ Поэтомъ, пока не приобрѣлъ, уже въ зрѣлой

молодости, пріязни незабвеннаго *Державина* и не ушвердилъ дружбы съ *Карамзиннымъ*. Съ того только времени я почувствовалъ, что такое талантъ и Авшорское искусство.

„Прислуная въ спаросши лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ, я могъ думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перечисашь все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ; попомъ многое исключишь изъ новаго изданія, въ помъ числѣ и девятнадцать *Басень*. Изъ прочихъ же стиховъ спарался нѣкошорые, сколько умѣлъ, исправишь и, такимъ образомъ, прежніе при шомъ приведены въ два шомика.

„Знаю, что въ Стихотвореніяхъ моихъ найдутся и шеперь многіе недосшанки. По крайней мѣрѣ, *Читашели* не похуляшь меня за то, что я избавилъ ихъ ошъ лишняго убышка и лишней скуки.“—

„Такимъ образомъ настоящее изданіе при жизни Авшора и самимъ Авшоромъ исправленное и уменьшенное, можно назвашь, (какъ изъясняешся почтенный *Біографъ*), явленіемъ рѣдкимъ и едва ли не первымъ въ своемъ родѣ. Оно драгоцѣнно, какъ прекрасный признакъ скромности *Писашеля* и спрогоспи его къ себѣ: любопышно и пріяшно видѣшь, какъ дарованіе судишь себя и, шакъ сказашь, начинаешь бышь для самаго себя безприсрасшнымъ и хладнокровнымъ попомсшвомъ.“

Общесшво не могло однакожь безъ сожалѣнія видѣшь спрогоспи, съ какою вкусомъ *Поэша* исключилъ

нѣкошорыя изъ Стихошвореній; спрогоспи, безъ сомнѣннѣя внушающей намъ новое уваженіе къ Писашелю, но кажешся, излишней: она похищала у памяти давно ея присвоенное. Стихошворенія, каковы *Чужой толкъ, сокращенный переводъ Ювеналовой Сатиры, Посланіе Стихошворца Попа къ Доктору Арбутноту, Стансы къ Н. М. Карамзину* — и еще нѣкошорыя, назначенныя къ исключенію, давно заучены многими Чисашелями. Такими убѣжденіями Общешва, почтенный Авшоръ преклонился включить въ сіе издание упомянушыя Стихошворенія.

Издавая шворенія Писашеля, по справедливоспи занимающаго ошличѣннѣе мѣсто въ Пантеонѣ Россійской Поэзій, Общешво ласкалось, что благосклонное вниманіе отечешвенной Публики къ сему изданію, будешъ равняшся шой признашельноспи, съ коею оно приняло сіе великодушное пожершвованіе, предназначенное для цѣли шоль благородной. (*)

Ншшь сомнѣннѣя, что просвѣщенныя любители отечешвенной Словесноспи искренно порадуются сему новому изданію Писашеля, въ Стихошвореніяхъ кошораго умъ и чувешво говорашъ чиспымъ, пріятнымъ, благороднымъ, но пришомъ проспымъ слогомъ. Стихосложеніе его легко и непринужденно, правильно и ясно. Сей Писашель поидешъ на ряду съ *Карамзинымъ*, въ числъ образовашелей Рускаго языка примѣрами изящнаго. (**) Они поблагодарашъ

(*) Сорешователь просвѣщенія и благотворенія, 1823, Кн. 11-я.

(**) Н. И. Грешъ, въ Исторіи Росс. Словесноспи, стр. 554.

Обществу за превосходныя пьесы, которыя слишкомъ сурогій Поэтъ приговорилъ къ забвенію, и въ особенності за *Чужой толкъ*. Сія Сашира написана въ истинно-Гораціанскомъ вкусѣ, и Римскій Саширикъ не постыдился бы признашь ее своею. Какая шонкая насмѣшка! Каждый стихъ Эпиграмма, пословица, правило! Всего же прекраснѣе то, что здѣсь нѣтъ стихъ насмѣшекъ наглоспи, презрѣнія и негодованія, заставляющихъ насъ ненавидѣть Саширика; нѣтъ эшой брани, выходящей за предѣлы благоприспойности. Она справедливо считаешся не только однимъ изъ превосходнѣйшихъ Спихошвореній нашего Поэта, но и изъ самыхъ полезнѣйшихъ: оно излѣчило нашихъ Авторовъ отъ высокопарной надушоспи и спасло насъ отъ наводненія, коимъ грозилъ нашему опечесиву безтолковыя торжественныя Оды. Но сіи любители изящнаго искренно пожалѣють о томъ, что Общество, для чести и славы Руской Поэзіи, не убѣдило знаменишаго Авшора, включишь здѣсь девятнадцать Басень, несправедливо имъ осужденныхъ. „У него ничего не было излишняго!“ говоритъ его Біографъ — и повпоряють всѣ знашюки Поэзіи.

Не распространяясь о другихъ Лирическихъ Спихошвореніяхъ, которыя всѣ имѣють великое достоинство, ошановимся на Гораціевыхъ Одахъ, изъ коихъ, къ величайшему сожалѣнію, нашъ Авшоръ Оду VII изъ книги XIII присудилъ исключишь. „Въ Одахъ Гораціанскихъ, подражаніе Одъ I изъ III книги можетъ

назваться классическимъ," говоришь Кн. Вяземскій; а намъ кажешся, что переводы всѣхъ прехъ Одъ Гораціевыхъ превосходны. Мы гошовы даже доказашъ эшо! Могъ ли славный Лирикъ Екашеринина вѣка не подражашъ удачно великому Пѣвцу вѣка Августова? Между шаланшами обоихъ Поэшовъ не шрудно бы было, найши даже нѣкоторыя отношенія со спороны пріятности, остроумія и совершенства шоновъ; но шакъ велико разнообразіе умовъ и шаланшовъ, копорые всегда измѣняющся по обшопшельствамъ времени и духу народовъ, что начершаніе параллели между двумя Писателями одного рода, но раздѣленными пространствомъ цѣлыхъ столѣтій, кажешся игрою ума и усиліемъ воображенія, болѣе или менѣе удачнымъ. (*)

Мы имѣемъ основательныя причины заключишь, что Г. *Дмитріевъ* переводилъ Римскаго Поэша не съ Лашинскаго подлинника, а съ Французскаго перевода. Тѣмъ удивительнѣе, что его переводы Одъ Гораціевыхъ несравненно лучше всѣхъ другихъ, сдѣланныхъ знашоками языка Лашинскаго, и что даже въ *исключенной имъ Одѣ*, онъ постигъ духъ Римскаго Лирика, сохранилъ ошличительный характеръ его Одъ, лучше И. М. *Муравьева-Апостола*, переложившаго шакже оную.

Муравьевъ-Апостоль, большой знашокъ языка Лашинскаго, обезобразилъ Оду Гораціеву; (**) *Дмитріевъ*,

(*) В. В. Измайловъ.

(**) У него ешъ ошибки непросишельныя не только прошивъ

руководимый Геніемъ, вкусомъ и хорошо владѣя Рускимъ языкомъ, не зная Лашыни, ошгадалъ Горація и заспавилъ говорить его по Руски шочно шѣмъ языкомъ, какимъ говорилъ бы сей Римлянинъ, еслибъ родился въ Москвѣ и былъ нашимъ опечесшвеннымъ Писашелемъ.

При появленіи въ свѣтъ прешьяго изданія сочиненій И. И. *Дмитріева* въ 1810-мъ году, мы сказали наше мнѣніе (*) объ его Сшихошвореніяхъ. И ше-

языка и Поэзіи, но даже противъ приличій, на примѣръ:

Спокойство всё хоняпъ найпишъ;
 Но, Гросфъ! его ни жемчугами,
 Ни багрянцей, ни *паргами*,
 Ни золотомъ нельзя купишь.

О *паргахъ* въ подлинникѣ не упоминается: въ Гораціево время не было слова для названія *парги* въ Латинскомъ языкѣ; ибо ж самая вещь была неизвѣсна.

Блаженъ, кто въ низкой, пихой долѣ
 Богатъ умѣеть мадымъ бышь;
Стяжать себѣ не хочетъ боль,
Какъ ѣсть лишь скромно вѣкъ прожить;
Хлѣбъ-соль простое угощеніе . . .

Всѣ эпи при стиха совершенно лишніе.

Ни ажность похестей, ни власти,
Ни жадность лихоимной страсти —

Вмѣсто *ажности похестей и власти*, надлежало бы поставивъ: *страхъ, безпокойство*. *Жадность лихоимной страсти* — выраженіе неправильное. Слова *ажность* и *жадность* можно переспавивъ одно на мѣсто другаго: слѣдшвенно, оба онѣ нешверды на мѣстахъ своихъ.

Коль настоящее пріяшно,
 О будущемъ не помышляй;
И знал, счастье сколь превратно,
 Весельемъ горесни смягчай.

Не условнымъ образомъ, но рѣшительно Горацій совѣтуетъ веселиться духомъ въ настоящее время. Одинъ стихъ и въ сей строфѣ лишній.

(*) См. Цвѣшникъ 1810, No. 10, стр. 106 и слѣдующія.

перь, по прошествіи чешыринадцати лѣтъ, оно не-
перемѣнилось.

И. И. *Дмитріевъ* принадлежишь къ малому кругу
шѣхъ Поэтовъ, коихъ называюшь классическими.
Молодой Россіянинъ, желая образовашь себя въ Сло-
весности, чувствуя въ себѣ даръ и охоту писашь
стихи, кого поставишь образцомъ своимъ? У кого
будешь учишься эшимъ законамъ тонкаго вкуса,
этой правильности въ выраженіяхъ, этой строгой
точности и нѣжной разборчивости въ употребленіи
словъ? У *Ломоносова* и *Дмитріева*. (*) Мы шакъ бѣд-
ны, что не имѣемъ даже Словаря Синонимъ, поше-
ряли корни словъ, на угадъ даемъ имъ вѣсь и зна-
ченіе и должны прислушиванься, какъ употребляюшь
слова въ лучшихъ нашихъ обществахъ; а въ
сихъ обществахъ, къ сожалѣнію, говоряшь всегда
по Французски. Священное Писаніе, Житіе Св. Ош-
цевъ и древнія Лѣтописи сущь сокровища языка
Славянскаго; но всегда ли можемъ заимствовашь
изъ нихъ слова и выраженія въ шомъ смыслѣ, въ ка-
комъ онѣ тамъ поставлены? Слова и выраженія,
говоришь Гораций, цвѣтушь и опадаюшь, какъ дре-
весныя листья: для нихъ есть своя весна и осень.
Ишакъ, ошалошь учишься у *Поэтовъ*, а ихъ у насъ
очень мало, хошя число *Стихотворцевъ* очень велико.
Надобно наконецъ говоришь правду: у *Хераскова*

(*) *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *А. Пушкинъ*, *Князь Вяземскій*, *Баратын-
скій*, и другіе ошличные нынѣшніе Писатели первоначально вос-
питали свой слогъ въ школѣ *Карамзина* и *Дмитріева*.

есть гладко написанные опривки, вообще же мало истинной Поэзии; краски его блѣдны и кисть слаба. У него можно только научиться Механизму или размеру Ямбическихъ стиховъ и зашвердить множество рифмъ: тайна же Поэзии и для него осталась тайною. Изъ Душеньки *Богдановича*, *Карамзинъ*, въ образцовомъ разборѣ своемъ его сочиненій, выписалъ все, что достойно бытъ выписано: остальные стихи такъ плохи, что могутъ только ввести въ заблужденіе челоуѣка, кошорый захоуѣлъ бы по *Богдановичу* образоватъ себя. Славные Лирическіе Поэты наши, въ помя числѣ *Державинъ*, *Петровъ*, *Капнистъ*, нашли языкъ неустановленный и, увлекаемые пылкостью дарованій и превожимые воспоргомъ, часто въ полетѣ своемъ пренебрегаютъ и сладкогласіе, и правильность выраженій, и выборъ словъ, и даже рифму, кошорая хотя не есть что-либо важное, однако, будучи принята въ стихахъ Ямбическихъ и Хорейхъ, должна бытъ пріятна, звучна и богата.

Тотъ, кто желаетъ писать Гимны, Оды, Диамрамбы, научись у Лириковъ нашихъ красности, силѣ и смѣлости выраженій, быспрошѣ переходовъ, но не правильности и точности въ выраженіяхъ. Тотъ же, кто чувствуетъ въ себѣ талантъ и склонность сочинять Комедіи, Посланія, Саширы, Элегіи, Сказки, Дидактическія, описательныя и Романщическія Поэмы, Мадригалы, Эпиграммы, — тотъ долженъ имѣть другія качества въ слогѣ, особенный языкъ; ему нужны другіе душеводители. И. И. Дми-

триевъ есть, безъ сомнѣнiя, одинъ изъ надежнѣйшихъ: въ его сочиненiяхъ вездѣ находимъ какую-то обрабошанность, какое-то совершенство, вѣрность въ картинахъ, точность въ подобiяхъ, каковыхъ нѣтъ въ другихъ Писателяхъ, и которыхъ однакожь никогда не заславляютъ его нисходящъ до обыкновеннаго языка прозы, разслаблять стихи и растягивать; погрѣшность, бывшая въ свое время почти общою во всѣхъ стихахъ, гладко и чисто написанныхъ.

Посланiя: *къ Карамзину, Къ друзьямъ, при первомъ свиданii послѣ отставки, Къ А. Г. С — ой* — будешь всегда почишься образцами.

Басни нашего Поэта были всегда принимаемы Публикою съ живѣйшимъ удовольствiемъ и чиняемы съ жадностию. Ихъ всѣ знаютъ наизусть, также какъ и Сказки его. Человѣкъ имѣешь природную склонность слушать Повѣсти. Баснь подспракаетъ его любопытство и пѣшишь воображенiе. Она родилась въ самой опдаленной древности. Кажется, во всѣ времена истина боялась людей, а люди истины. Баснь имѣешь шу выгоду, что прикрывая истину, мирить ее съ гордостью людей и гороками: опъ того она въ почтенii у всѣхъ народовъ. Главное дарованiе Баснописца — умѣшь хорошо рассказать, и сей талантъ имѣешь въ превосходной степени Писатель, котораго сочиненiя мы здѣсь разбираемъ. Глубокое и основательное знанiе языка соединяешь онъ съ просодушiемъ и съ

любезною оспрошу, кошорая у него, какъ будто сама собою, безъ всякихъ пригошовленій ошкровенно выливается.

Въ Одахъ нашъ Поэшь имѣеть соперниками *Ломоносова, Державина, Петрова*; въ Басняхъ *Крылова* (*); въ Посланіяхъ многихъ изъ молодыхъ Поэшовъ; въ Сказкахъ онъ единственъ, неподражаемъ. Его *Воздушныя башни, Картина, Модная жена* пронесушь славу его до самаго поздняго попомсшва. Сказка ешь бездѣлка, швердяшь суровые Кришки. Согласень! Но легкосшь кичши, живосшь красокъ, совершенсшво опдѣлки ешь для искусшва шрудная задача, а для шаланша великій опышь. Обманчивая наружносшь игрушки, бездѣлки, приводитъ болѣе къ искушенію, нежели къ успѣху, какъ эшо безчисленные примѣры доказывающъ.

Пригудница ешь вѣнецъ *Дмитріева*. Онъ побѣдилъ въ ней *Вольтера*, а шакая побѣда не бездѣлица. Въ эшой Сказкѣ *Дмитріевъ* превзошелъ самъ себя: веселосшь ума, совершенсшво слога, богатый блескъ описательной Поэзии, игривосшь воображенія, пштинно стихотворнаго, оспрыя шушки, не выходящія за границы благоприсшосши: все соединено въ ней!

(*) Многіе прошивопоставляють *Дмитріеву* въ басняхъ *Хемницера* и *Крылова*, Баснописцевъ славныхъ, коихъ сочиненія заслужили всеобщую похвалу и рукоплесканія; но досшойно замѣчанія, что вездѣ, гдѣ случалось имъ разсказывать одну и ту же Басню съ *Дмитріевымъ*, оба они всегда далеко ниже оставались. Сравните Басни: *Часовая стрѣлка, Совѣтъ стариковъ, Дубъ и трость, Два голубя, Левъ и комаръ* и проч.

Какъ живо описанъ въ началѣ характеръ Руской барыни-причудницы; какъ строго соблюдены всѣ черты мѣста и времени, въ кошоромъ Поэшь, поселилъ свою Героиню.

. Пригожеспвомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блиспала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власъ щелчки давашъ супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой песовой домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслища, карлицу, шушовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, кошорыя болшали
Такъ шочно, какъ она — однако меньше знали.

Испинная мѣра въ подробностяхъ, въ разсказѣ, въ піишической живописи, ешь важное условіе во всякомъ сочиненіи; но въ Сказкѣ и Баснѣ въ особенноти. Не всѣ великіе Писатели умѣли его выполнишь. Вѣрный вкусъ научилъ Рускаго Поэша, держашься правилъ спрогихъ, но здравыхъ. У другихъ ешь излишеспва и разсказъ ихъ шомишья. У *Дмитрїеса* все въ обрѣзъ, шакъ сказашь, и никто не разскажешъ въ меньшихъ словахъ шо, что онъ разсказаль. Примѣромъ сему служишь выше-приведенная масшерская картина, написанная кистью Живописца и Комическаго Поэша.

Обращеніе къ Роммиспру Брамарбасу написано Теньеровою кистью, шакже какъ и поршрешъ его; самъ онъ взяшь изъ того же времени Императрицы Анны или Елисаветы Петровны, въ кошоромъ жила наша причудница.

Волшебница *Всевьда*, крестная машушка нашей *Вьтраны*, перенесла ее за придевять земель въ шрдесяшое царство; оставила ее шамь, сама подослала коврикь-самолешь, спала на него, свиснула и помчалась къ сеспрѣ своей въ Колу, а опшуда къ брашу въ Камчашку

А удивленная *Вьтрана*

Оспалась между *Нимфъ*

Онѣ пошчась ее подь ручки подхвашили,

Помчали и за споль роскошный посадили,

Какого и *видомъ не видано* у насъ.

Вьтрана кушаеть, а дѣвушки прекрасны,

Изъ коихъ каждая почи, какъ шы мила;

Поджавши руки, вкругъ стола

Поюшь ей *Аріи* веселья и спрасшны.

.

Пошомь, она едва задумала вшавашь

Вдругъ дѣвушекъ, сполна не спало

И залы будшо не бывало:

Ужь спальней сдѣлалась она!

Вьтрана чувешвуешь пріятну шомность сна,

Слускаешся на пухъ изъ розъ въ сплешенномъ нишѣ;

И въ пошъ же мигъ смычокъ невидимый запѣль,

Какъ будшо бы самъ *Дицъ* за пологомъ сидѣль;

Смычокъ часъ опъ часу пѣль пише, пише, пише

И вмѣшпъ, наконецъ, съ *Вьтраною* уснуль.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихи въ Альбомъ.

(Изъ Бейрона.)

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ
Вниманье пушника невольно пробуждаешь, —
Пускай въ твоихъ лиспкахъ объ имени моемъ
Мой съшующій стихъ тебѣ напоминаетъ.
Пускай скажешь: „Брошенный на произволь Судьбѣ,
Подъ дальнимъ небомъ зришь онъ чуждое свѣшило;
Но все, что жизнью сердца было
И сердце самое оставилъ при тебѣ!“

Князь Вяземскій.

Э л е г і я.

Скажи: ворошишься ли пы,
Моя пыишельная радость?
Ужель моя погаснешь младость,
Мои не сбудуся мечты?

*

Еще не вѣдалъ я спраданій,
Еще я жизнь не разлюбилъ;
Былъ чистъ огонь моихъ желаній —
И онъ ли Небо оскорбилъ?

*

Не укорялъ бы я Судьбины,
Я ждалъ бы смерти въ пыищѣ;
Но шрепещу: ужасны мнѣ
Забвенья черныя пучины!

*

Дары Поэзіи святой,
Ужель вы были сновидѣнья?
Ты, жажда чести вѣковой
И пы, къ высокому спремленье?

Н. Языковъ.

Дерпшъ.

Двѣ звѣздочки.

(В. Д. Казначьева.)

„За чѣмъ все на небо пы сморишь,
Задумчивая машь?,,
— Давно я на небѣ привыкла
Моихъ опрадь искашь. —

*

„Но что жь пы на небѣ увидишь?
Туманы вокругъ лежашь.,,
— Взгляни, памь въ уголку лазурномъ
Двѣ звѣздочки горяшь. —

*

„Какъ мило ль шемношь сіянье
Ихъ мирной красошы;
Но маперь добрая, пы плачешь?
О чемъ же плачешь пы?,,

*

— Увы! подруга, двухъ младенцевъ
Прекрасныхъ, помню я,
Какъ эшъ звѣздочки прекрасныхъ,
Господь лишилъ меня.

*

И каждый разъ, когда въ мечтаньи
На небо я смопрю;
Мнѣ мнишся, вижу я малюшокъ
И съ ними говорю.

*

Они такъ непорочны были!
Опъ нашихъ бѣдъ и слезъ,
Конечно Богъ на эшъ звѣзды
Ихъ шихо перенесъ.

*

И вѣрю я, что маперь помняшь
Они на шѣхъ звѣздахъ;
Чшо на меня ихъ поцѣлуй
Спускаюшся въ лучахъ;

*

Чшо на земль, забышой ими,
Лишь мапери имъ жаль;
Чшо и въ блаженствѣ имъ пріятна
Любви моей печаль!

В. Туманскій.

Одесса.

Печашашъ позволяешся: Февраля 4-го дня, 1824 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. IV.

П Р О З А.

О новомъ изданіи Стихотвореній И. И.

Дмитріева.

(Окончаніе.)

*Вольтеръ, оспроумный Вольтеръ, упошребилъ
здѣсь неумѣстную шушку.*

On lui donna le soir une musique,
Dont les accords et les accens nouveaux
Feroient pâmer soixante Cardinaux.

И наконецъ,

On l'endormit au son des instruments.

Какая разница съ Рускимъ Поэтомъ! Какъ далеко
Вольтеръ ниже его! Чшо можешь бышь сладко-
гласнѣ спиха:

Смычокъ часъ опъ часу пѣлъ *тише, тише, тише!*

Какое прелесное описаніе ушра!

. Нашура пробудилась

Зефиръ вспорхнулъ

И жершва опъ цвѣшовъ душисныхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ; и голосъ соловья,
Сліянный съ сладоснымъ журчаніемъ ручья

И съ шумомъ рѣзваго фоншана,
Воспѣль: „Проснись, проснись, счастливая Въшрана!“

Она проснулась — уже не въ спальнѣ, а въ волшебномъ саду; но великолѣпіе, чудеса и красоты наскучили нашей *Пригудницѣ*.

„Но что это за мѣръ?“

Въшрана говоришь, гармоніи внимаю

Висящихъ по стѣнамъ золотоспрунныхъ лиръ:

„Все эдакъ, шакъ шоска возьмешь и среди рая!

Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь

И здѣсь *Вольтеръ* ошеспальонъ нашего *Дмитріева*:

La belle chaque jour fetoyée

Fut tellement de sa gloire ennuyée,

Que détestant cet excès de bonheur,

Le paradis lui fesoit mal au coeur.

У славнаго Французскаго Поэта нѣтъ ни одного стиха, равнаго съ слѣдующими:

Спремглавъ летитъ, летитъ, летитъ

Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *ку, ку!*

Тамъ лѣшій выславилъ изъ за деревьевъ роги;

То слышишься: *ау*; то веныхнулъ огонекъ;

То вѣдьма кошкою бросаешь съ дороги;

То по лѣсу раздался хохотъ,

То вой волковъ, то конской шопотъ;

Но сердце въ насъ вѣщуишь

Не даромъ и Въшрана плачешь!

Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачешь

Съ рогашиной въ рукѣ, съ пищалью за плечми.

Спой! Спой! онъ гаркаешь,

Берешь ее въ охапку

И поперегъ кладешь сѣдла.

Лешишь исполненный отваги

И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку

Сердце чашашеля упадаешъ въ *Клязьму* вмѣстѣ съ прелестною *Въспраною* и воскресаетъ въ слѣдующемъ стихѣ, единственномъ, превосходномъ:

Въспранажъ: *ахъ!* — и пробудилась.

Картина мужа, сестрицы, шешушекъ, колдуна и *Лькаря* изъ *Нѣмчинь*, сидящихъ вокругъ *Въспраниной* постели, написана въ *Теньеровомъ* вкусѣ. Ничего эшаго нѣтъ у *Вольтера*. У него просто *Пригудница* приходилъ въ хижину угольника, кошорый нашѣцпываетъ ей *Французскіе* каламбуры и комплименты.

Въ сей *Сказкѣ Рускій Поэтъ* одержалъ блистательную побѣду надъ *Вольтеромъ*. Можно сказать, что *Французы*, не смотря на множество прекрасныхъ своихъ *Сказокъ*, едва ли прошивопоставящъ что нибудь въ сравненіе съ *Пригудницею*.

Теперь, перейдемъ къ извѣстію о жизни и сочиненіяхъ *П. П. Дмитріева* и, не имѣя времени подробно разобрать его, скажемъ согласно съ *Издашелемъ С. О.*, что въ сей статьѣ находимъ именно то, чего, по справедливому мнѣнію *Г. Бестужева*, недостаетъ большей части произведеній нашей *Словесности* — находимъ мысли; повшоримъ написанное соприудникомъ нашимъ, *В. П. Козловымъ*, въ *Но. 11 Руск. Инв.* (1824), что „*сіе обозрѣніе, можетъ быть, столь же прекрасно въ своемъ родѣ, какъ и самая книга, которой оно предшествуетъ*“ — и предшавимъ почтеннымъ нашимъ *Чашашелямъ* образчикъ.

Отрывокъ

изъ *Извѣстія о жизни и сочиненіяхъ П. И. Дмитріева,*
 соч. К. П. А. Вяземскимъ.

Выраженіе: „Онъ человекъ, къ дѣламъ неспособный! Онъ Поэтъ!“ рѣже слышится, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, которое если не совершенно еще господствуетъ, то по крайней мѣрѣ довольно обжилося, чтобы налагать иногда совѣстное молчаніе на уста своихъ прошивниковъ. Блестящими опытами доказано (и нужны ли были шому доказательства?), что любовь къ изящному, утонченное образованіе ума, сила и свѣжесть чувства, склонность къ занятіямъ возвышеннымъ, искусство мысли и изъясняться правильно на языкѣ природномъ и другія душевныя и умственныя принадлежности Писателя, не вредятъ здравому разсудку, твердости въ правилахъ, числотѣ совѣсти, быстротѣ и точности соображеній и горячему усердію къ пользѣ общественной, требуемымъ отъ Государственнаго человека. Невѣжественная спѣсь не догадывается, что буде ея приговоръ окажется справедливымъ, то спрогосъ его падеть не на Поэзію и что предосудительнымъ и невыгоднымъ можетъ онъ быть только для пѣхъ, коихъ думаетъ она величать симъ ощущеніемъ отъ непосредственныхъ даровъ Природы и отъ достоинства неопъемлемыхъ и независимыхъ. Легко постигнуть, отъ чего успѣхи на поприщѣ службы Государ-

ешвенной могущъ пропивишься поспояннымъ заня-
 шіямъ Липпературнымъ и охолодишь сердце къ мир-
 нымъ наслажденіямъ пруда безкорыснаго; но ишь
 причины благоразумной, по коей заслуги Липперату-
 рныя должны бышь препяшствіемъ развишю
 Государственныхъ способностей (не говорю успѣховъ)
 въ Поэшѣ, коего чесшлюбіе вызываешъ изъ темной
 сѣни уединенія на блестящую чреду дѣйствующаго
 гражданина. Не имѣя нужды искашь примѣровъ у
 народовъ, давно опередившихъ насъ въ просвѣщеніи
 и образованности, мы можемъ высшавишь на ули-
 ченіе клеветы и невѣжества имена *Кантемира*,
Державина, (М. Н.) *Муравьева*, *Неклинскаго* и нѣ-
 сколько другихъ, которыя являющся, въ одно время,
 и еь чесшю на сшезѣ Государственной жизни и
 со славою при олшарѣ Музъ. Ншь сомнѣнія, что
 Царшвованіе Екатерины II облагородило въ Россіи
 званіе Писателя. Иные Государи покровитель-
 ствовали дарованіямъ, но дарованій не любили.
 Екатерина умѣла ихъ опличашъ, пошому что лю-
 бишь ихъ умѣла. Благоразуміе въ любви своей
 Фридриха II, который, пренебрегая языкомъ своего
 народа, писалъ на чужомъ и усердшвовалъ къ
 успѣхамъ однихъ иностраннхъ Писателей, Екате-
 рина Великая, при уваженіи своемъ къ Философамъ,
 непосредшвенно дѣйшвовавшимъ тогда на разви-
 шіе умовъ въ Европѣ, не была равнодушна къ
 совершенствованію языка народнаго, ободряла по-
 кровительшвомъ и примѣромъ опышны опечесшвени-

ныхъ Писателей, и чтобы болѣе приохотить Дворъ, а посредствомъ Двора и общества, къ Рускому языку, упражнялась сама въ Руской Словесности. Нерѣдко заказывая Храповицкому Государственную работу, ошъ коей зависѣли судьба Европы или благоденствіе Россіи, заговляла Она вмѣстѣ съ нимъ сцену для Комедіи или поручала ему написать куплетъ для Оперы, Ею сочиняемой. Конечно Ея Авторскія произведенія не обогатили Словесности нашей, равно какъ и бошикъ, Пешромъ Великимъ сооруженный, не усилилъ нашего флота; но поощреніе Царское и Царскій примѣръ, всегда дѣйствительные, принесли много пользы Словесности нашей. Друзья просвѣщенія, цвѣтущаго въ Ея Царствованіе, обязаны равно со всеми Рускими признашельностію Екашеринѣ. Народная благодарность помнишь будешь завсегда, сколь живо, сколь горячо любила Она Рускую славу, ошъ коей своей собственной не ошдѣляла и сколь неушомимо и разнообразно заботилась о ея успѣхахъ.

Сему счастливому сочешанію заслугъ Государственныхъ съ Лиццерашурными заслугами, должны мы шѣмъ, что Біографія Чиновника не заключается иногда въ одной сухой лѣпописи о прехожденіи его изъ чина въ чинъ, а Біографія Поэша удовлетворяешь любопытству не однихъ любителей Поэзіи, но и людей, шребующихъ ошъ Стихотворца заслугъ еще другаго рода. Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Ивана Ивановича *Дмитріева* можешь заслужишь

вниманіе Чисашелей, къ кошорому бы изъ упомянутыхъ разрядовъ они ни принадлежали.

Взглянемъ бѣгло на первые годы его жизни и поприще заслугъ гражданскихъ, кошорыя довели его до высокихъ почестей и побережемъ вниманіе свое для обозрѣнія заслугъ Лишперашурныхъ, кошорыя если и не вознаграждаются такимъ блестящимъ и наличнымъ образомъ, какъ первыя, то по крайней мѣрѣ чаще бывающъ долговѣчнѣе въ памяти современниковъ и потомства. Имена хорошихъ Правителей, если событія необыкновенныя не возносятъ ихъ на степенъ высшую, съ коей могутъ они подѣйствовать непосредственно на жребій Государства и загошовишь себѣ мѣсто въ Испоріи народа, должны довольствоваться и пользою и мольвою временною; имена хорошихъ Писашелей, незапшѣваемые блескомъ событій современныхъ, разливающія сіяніе благодѣтельное на эпохи блѣдныя и скудныя, всегда сохраняющя признашельно у народовъ просвѣщенныхъ, какъ лучшее ихъ достояніе, какъ неоспѣмлемая собственность! Слава Писашелей, залогъ священный, ввѣренный гордости народной, можешъ испрѣбнись только вмѣстѣ съ нею, въ народѣ, униженномъ пороками Правительства или подъ бременемъ собственнаго развраша уронившемъ величіе предковъ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Орденовъ Свяшаго Александра Невскаго, Свяшья Анны и Свяшаго Князя Владиміра первой степени, Членъ

Россійской Академіи, Почетный Членъ Московскаго и Харьковскаго Университетовъ и многихъ ученыхъ Обществъ, Иванъ Ивановичъ *Дмитріевъ*, родился въ 1760-мъ году въ Симбирской Губерніи, въ деревнѣ отца своего.

Способы тогдашняго воспитанія были весьма ограничены; нынѣ оно содѣйствуетъ Природѣ въ развитіи дарованій и перѣдко искусственными прививками замѣняетъ первобытную скудость. Такъ искусство и попечительность плодотворяетъ почву лѣтнюю и черствую! Тогда Природа одна и нераздѣльно насаждала и образовала въ любимцѣ своемъ умственные способности и склонности душевныя. Еще, къ счастью своему, Ив. Ив. *Дмитріевъ* имѣлъ въ родителѣ человека умнаго, образованнаго и чуждаго предразсудковъ, которые господствуютъ въ городахъ, отдаленныхъ отъ средоточія просвѣщенія и встрѣчаются иногда и въ самыхъ столицахъ. — Симбирскъ отличался всегда предъ прочими Губернскими городами, успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности. Съ самаго дѣтства, вниманіе Ив. Ив. *Дмитріева* было обращено на предметы досужные любопытства. Новости Политическія, Придворныя и Липшерашурныя скоро доходили изъ Пенсербурга до семейнаго его общества и выводили разговоръ изъ обыкновеннаго круга мѣлкихъ сплетней городскихъ, сужденій о пикетѣ и рокамболѣ и шумныхъ преній о псовой охотѣ. Съ самаго дѣтства научился онъ, примѣромъ родителей, любить

ищеніе и слѣдственно уважашь званіе Писателя. Но что служило въ то время пищею ума? Какія книги были въ ходу и въ чести у Рускихъ чита-телей? Нѣкоторые романы, убійственные переводы, которые искажали масшерскія произведенія ино-странной Словесности; и молодые воспитанники должны были, такъ сказать, на шрупахъ изувѣчен-ныхъ, пробуждашь въ себѣ духъ жизни и по гру-бымъ швореніямъ учиться искусству, правильно мыслить и изясняться!

До двѣнадцатилѣтняго возраста обучался онъ въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ, въ частныхъ училищахъ. О томъ образованіи, которое можно было получить въ сихъ заведеніяхъ, легко соста-вить себѣ понятіе, смотря на многія изъ нынѣш-нихъ воспитательныхъ заведеній и предполагая, что образованность и у насъ идетъ поспешенно къ возможному усовершенствованію. Смущенія общо-ящельства Низоваго края, при мяшежѣ *Пугаева*, не позволили ему пользоваться долго и шѣми скуд-ными способами. Отець его со всемъ семействомъ былъ принужденъ покинуть родину, убѣгая отъ ужаса, распространяемаго неистовымъ и безразсуд-нымъ мяшежникомъ. На 14-мъ году возраста, П. И. *Дмитріевъ* былъ посланъ родителемъ въ Пешербургъ, явившись въ Гвардейскій Семеновскій полкъ, въ кошо-ромъ онъ еще съ малолѣтства былъ записанъ въ солданы, по тогдашнему обыкновенію, угождавшему шщеславію родителей, но вредному для молодыхъ

людей и пользы Государственной. Не успевъ еще не только образовавъ ума Воинскими Науками, но и физически и нравственно образовавшись, не испытавъ способностей и склонностей своихъ, евшили опроки, какъ будшо по какому-шо невольному объшу, въ военное званіе, подобно какъ въ прежней Франціи меньшіе братья обречены были до рожденія званію Духовному. Пробывъ нѣсколько мѣсяцовъ въ полковой школѣ, гдѣ обучали только первымъ правиламъ Рисованья, Математики, Исторіи и Географіи на Рускомъ языкѣ, всупилъ онъ въ дѣйствительную службу. Призовише иностранцевъ, легкомысленныхъ въ сужденіяхъ своихъ о Россіи, и пригласише ихъ вывести изъ предлагаемаго здѣсь обозрѣнія первоначальныхъ лѣтъ жизни, сихъ лѣтъ, такъ сказать, пригошовительныхъ, гадательное заключеніе о будущей судьбѣ такого юноши? Какъ неосновательны и какъ далеки отъ истины будущъ ихъ гаданія! Какой неисчерпимый запасъ душевныхъ силъ должно имѣть въ себѣ, чптобы при несовершенствѣ образованія, не поддашься губительной силѣ обстоятельствъ, всегда стремящихся уравнивать преимущества природныя и задерживать въ рядахъ толпы благородныхъ честолюбцевъ, порывающихся выпустить изъ обыкновенной среды! Въ Россіи слѣды къ успѣхамъ ума не могли еще быть твердо проложены; каждый шагъ впередъ есть побѣда и завоеваніе; но за шо и каждый побѣдитель есть исполинъ. Рядовому дарованію, не увлекаемому движеніемъ об-

щимъ, нельзя ожидать успѣховъ, соразмѣрныхъ его достоинству. Не имѣя въ себѣ довольно силы, чтобы утвердился самобытно, оно, вызываемое честолюбіемъ изъ толпы, въ которой ему душно и неловко, по тщетномъ бореніи, по усиліяхъ похвальныхъ, по бесполезныхъ, поглощается пучиною, тогда, какъ при другихъ обстоятельствахъ, при общемъ стремленіи достигнуло бы оно цѣли, не быспрыми, но твердыми, не блестящими, но вѣрными средствами. Опъ того и умственные способности наши, не разлившіяся еще по разнымъ степенямъ общества, сосредоточиваются въ нѣсколькихъ лицахъ, которые, подобно опкупщикамъ, завладѣвшимъ нераздѣльно всеми опрастями и выгодами народной промышленности, опвѣчаютъ частными капиталами за толпу немущую и живущую ихъ подаченіемъ.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Семеновскомъ полку, былъ онъ, по желанію своему, опшавленъ Полковникомъ, при вступленіи на престолъ Императора Павла. Военное ремесло, которое становится столь блестящимъ званіемъ, когда событія призываютъ война на защиту или прославленіе опечества, не можешь въ мирныхъ обстоятельствахъ удовлетворять вполне потребностямъ души пылкой и дѣятельнаго ума. После нѣсколькихъ мѣсяцевъ опшавки, И. И. *Дмитріевъ* вступилъ въ службу Гражданскую; въ продолженіе перваго ея періода занималъ онъ, между прочимъ, мѣста: Товарища Министра въ Департаментѣ Удѣльныхъ имѣ-

ній и Оберъ-Прокурора. Снова вышедъ въ отставку съ чиномъ Тайнаго Совѣтника и пенсіономъ, поселился онъ въ Москвѣ, гдѣ провель нѣсколько лѣтъ, посвященныхъ занятіямъ Литтературнымъ и тихимъ наслажденіямъ жизни изящной и Философической. Москва была тогда истинною столицею Руской Литтературы и удовольствій общежитія образованнаго. Памятники блестящаго Двора Екатерины доживали свой вѣкъ въ тихой приспани и придавали Московскому обществу какую-то Испорическую фізіогномію, равно какъ и Кремлевскія спѣны придаютъ ее самому городу. Многіе открытыя дома, куда съѣзжались на хлѣбосольство хозяевъ образованныхъ и досташочныхъ, собесѣдники умные, женщины любезныя и просвѣщенные путешественники, доставляли людямъ, чуждымъ честолюбія и удаленымъ отъ дѣлъ, пріятныя наслажденія утонченнаго общежитія, признаки несомнительныя и плоды образованности зрѣлой. Знаменимый Творецъ Россіады, Патріархъ Московской Словесности, доживаль тогда, среди друзей и почишелей, славу долготѣпную и безмяшежную. Успѣхи цвѣтушіе и успѣхи разцвѣтающіе искали въ его благосклонномъ добродушіи и одобреніи и прощреніи. Слѣды 1812-го года, въ отношеніи къ вещественному разоренію, споль быспро изглаженные дѣяшельноспію Правительсшва и похвальнымъ щеславіемъ Московскихъ жителей, еще разительсно означающя въ отношеніи къ нравственному опустошенію. Цвѣтуцій возрастъ Московскаго

общества миповаль и самыя Московекія Музы какъ-то не опомнились еще ошъ ужаса и шревогъ военныххъ.

Въ 1806-мъ году дѣяшельность благородная снова вызвала И. И. *Дмитріева* на поприще службы Государшвенной. Ему повелѣно было присушествовать въ Сенашѣ, въ семь высокомъ Государшвенномъ мѣстѣ, одаренномъ Великимъ Основашелемъ своимъ споль значительными преимуществами и прославленномъ въ памяти народной великодушною смѣлостію *Долгорукаго* и безсмертными спроками, писанными Петромъ I съ береговъ Пруша, къ собранію Мужей именишыхъ. Въ продолженіе засѣданія своего въ Сенашѣ, И. И. *Дмитріевъ* былъ шри раза удошпоенъ Высочайшею довѣренностію и посыланъ, по особеннымъ порученіямъ, въ разныя Губерніи. Въ 1810-мъ году получилъ онъ блиспашельнѣйшую награду за ревностное исполненіе обязанностей своихъ по званію Сенашора и вызванъ изъ Москвы, занявъ мѣсто Министра Юспиціи. Общешвенное уваженіе къ заслугамъ, пробившимъ себя спезю къ высокому назначенію на пуши пользы и усердія къ службѣ Государшвенной, безъ инаго предшашельства и покровишельства, кромѣ личныхъ достопиншвѣ, оказалось съ выборомъ Правишельства въ совершенномъ согласіи, коимъ всегда дорожипъ попечишельная и прозорливая Власть. Между прочими законодашельными пошановленіями, послѣдовавшими во время управления его Миниспершвомъ Юспиціи,

замѣчашелень по Государственнѣй важности Указы, въ силу коего запрещалось личнымъ Дворянамъ, приобрьшати крестьянъ и дворовыхъ людей. Благомыслящїе люди съ признашельностью и радостїю увидѣли въ сѣмъ благонамѣренномъ распоряженїи Правительствѣ ошъсченїе одной изъ опраслей бѣдственнаго злоупотребленїя и надежду на совершенное искорененїе зла. Пробывъ въ званїи Министра въ продолженїе важной эпохи войны народной и слѣдующихъ годовъ, достопамятныхъ для Россїи, уволенъ онъ былъ, по желанїю своему, изъ службы и снова возвратился въ Москву, гдѣ въ послѣдствїи удостоился бытъ избранъ орудїемъ Высочайшей милости, оказанной пострадавшимъ жителямъ столицы ошъ раззоренїя въ 1812-мъ году.

Кончимъ, — вмѣстѣ съ Княземъ *Вяземскимъ*, — желанїемъ, чшобы со временемъ другое, новое изданїе, не исправленное, ибо и настоящее уже довольно исправно, но умноженное шворенїями новыми, — обогатило Словесность и порадовало любительей Поэзїи Руской и друзей славы образцоваго Поэша.

Вяземскій

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На д н а.

(Посвящено Н. А. Ф. вой.)

Ахъ! Юноши не мнѣ понравишься хошяшь!
Сестра счастливей шѣмъ, что шарѣе годами
И если паснухи приходяшь къ намъ съ цвѣтами,
То мнѣ подносяшь ихъ, — а на сестру глядяшь . . .
И часно въ похвалу, что я собой пригожа:
„Надина“, говоряшь, „какъ ты съ сестрой похожа!“
Никто изъ нихъ еще мнѣ Пѣсень не поешъ,
Никто не шенчешъ мнѣ, что безъ меня умрешъ! —
Но я дождусь того . . . годъ за годъ: я прекрасна . . .
Съ такими прелестями, я знаю, я опасна!
И мнѣ когда нибудь пятнадцатъ лѣтъ придетъ!
Живое личико и кудри за плечами,
Жемчужинъ два ряда межъ алыми устами,
Сквозь длинныхъ двухъ рѣсницъ небесный, нѣжный
взглядъ, —
Мнѣ свѣжіе вѣнки изъ рукъ любви суляшь.

Норовъ.

С о к е т ъ:

Какъ молніи минушныя блиспанья,
Какъ упренней зари яншарный цвѣтъ,
Явились мнѣ мечты весеннихъ лѣтъ;
Но скоро ихъ прошли очарованья!

*

Я зналъ любовь — но зналъ ея спрдаанья:
Не доходилъ ко мнѣ ея привѣтъ.
Мнѣ холоденъ и пущь казался свѣтъ;
Но въ дружесствѣ искалъ я воздаянья.

*

И вопъ оно, призывъ услыша мой,
Опъ горнихъ мѣсѣ съ улыбкою спустилось —
И сердце вновь весельемъ озарилось,
Какъ нѣкою привѣтною звѣздой!
Я счастливъ былъ . . . минушой лишь одной:
Мнѣ дружесство блеснуло и — сокрылось!

К.

18-го Января, 1824.

Печашать позволешся: Февраля 9-го дня 1824 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. V.

П Р О З А.

Мальтійскій Кавалеръ.

(Повѣсть Баронессы *Ла-Мотъ-Фуке.*)

I.

Испанскій Посланникъ давалъ блистательный вечеръ. Уже собралась большая часть общества; Дамы и пожилые мужчины сѣли за каршочные столы; молодые люди толпились въ гостиной. Въ сіе по время вошла Графиня *Юлія*. Она пріѣхала почти послѣдняя и обратила вниманіе всѣхъ и cadaго— своею цвѣтущею красотою, богатствомъ одежды и особенно блескомъ своего брилліантоваго убора, въ коемъ искусство работы спорило съ драгоценностію камней.

Почти всѣ молодыя Дамы подходили къ Графинѣ и съ большею или меньшею искренностію, хвалили ея брилліанты. „Какая чистота воды!“ говорили оны. „Какая ошдылка! Эшо вѣрно подарокъ Графа! Надобно признаться, что у него, и въ эшомъ отно-

«...и, ну, превосходный!» — Графиня на все ей кривяшесшвія отвѣчала скромною улыбкою, въ коей скорѣ изображалась признашельность, нежели удовольствіе, обыкновенно доставляемое женщицѣ похвалою ея нарядовъ.

Высокой человекъ, въ черномъ плащѣ и съ Мальшійскимъ Крестомъ на груди, стоялъ у камня. „Я не понимаю,“ сказалъ онъ своему сосѣду шихимъ, но выразишельнымъ голосомъ, „какъ можно думать объ эпихъ блестящихъ камушкахъ, когда видишь ей прекрасные глаза!“ Сосѣдъ невольно улыбнулся; душевное удовольствіе и какое-то пріятное замѣшательство изображались на лицѣ его. „Милосшівый Государь!“ сказалъ онъ Кавалеру, „Вы какъ будшо читали въ душѣ моей и я конечно бы повшорилъ и подтвердилъ Ваши слова, если бы не боялся здѣлаться чрезъ то собственнымъ своимъ обвинишельмъ. Вы вѣрно не знаете, что я супругъ Юліи. Мнѣ-то пришла спранныя мысль, подарить ей эти брилліанты, кошорые конечно ничего не могушь прибавить къ блеску ея молодости и красоты.“

Легкій румянецъ покрылъ лицо Кавалера. „Извините мою откровенность,“ сказалъ онъ: „я прѣзжій и никого здѣсь не знаю.“ — „Вы не имѣете нужды извиняться“, отвѣчалъ Графъ. „Замѣчаніе Ваше совсѣмъ не оскорбительно, но скорѣ пріятно для меня, и припомъ болѣе, нежели въ одномъ отношеніи Я очень радуюсь, что эшотъ разговоръ нашъ нѣсколько сблизилъ и, въ доказательство искренно-

спи словъ монахъ, поирому позволенія представивъ Васъ моей женѣ.“

Съ сими словами приблизился онъ къ Графинѣ, которой между шѣмъ подали уже каршу, чтобы играть въ Казино. Кавалеръ последовалъ за нимъ въ молчаніи и какъ бы съ нѣкопорымъ принужденіемъ. Онъ былъ представленъ Юліи, которая отвѣчала обыкновенными привѣщеніями, но впрочемъ приняла знакомство сіе — равно какъ и множество другихъ, здѣланныхъ ею во время Карнавала — съ совершеннымъ равнодушіемъ. По долгу учтивости сказала она Кавалеру нѣсколько словъ; попомъ поклонилась ему съ пріятною улыбкою и подошла къ своему столу.

Въ продолженіе вечера, Кавалеръ, увлеченный полною праздныхъ зрительей, снова приблизился къ Юліи и спалъ за ея кресломъ. Графиня, замѣшивъ его и желая что-нибудь сказать, спросила: для чего онъ не танцуетъ? „Я имѣлъ бы большее право“, (отвѣчалъ онъ), предложивъ подобный вопросъ Вамъ, Графиня, и это было-бы вмѣстѣ лучшимъ отвѣтомъ. Но — (прибавилъ онъ съ горестною улыбкою) — подобная отвѣторка съ моей стороны показала бы не у мѣста: видя меня, не трудно отгадать, что я никогда не танцую.“

Графиня бросила на него невольный взоръ и была поражена нѣкопорымъ выраженіемъ глубокой задумчивости, неизгладимо напечатлѣнной на прекрасномъ его лицѣ.

„Ахъ Графиня! Вы просмотрѣли взяшку“, сказала разчешливый Господинъ, игравшій съ Юлією. „Мы бы непремѣнно выиграли Казино, а теперь досаданется оно нашимъ прошивникамъ.“ Юлія извинялась, какъ могла и старалась загладишь свою ошибку. Между тѣмъ новый знакомецъ опошелъ ошъ ея кресель и удалился изъ компаньи.

„Кшо эшошъ Мальшійскій Кавалеръ?“, сказала одинъ изъ прпеушесквующихъ. „Я право не знаю: Емецъ ли онъ или Ишаліанецъ,“ ошвѣчала Юлія. „Графъ предсавилъ мнѣ его сегодня вечеромъ; но я успѣла уже забыть его имя. Знаю только, что онъ прѣхалъ изъ Вѣны, куда мы вскорѣ опсправимся. Знакомство съ людьми, копорые были въ эшомъ городѣ, имѣешь для меня какую-то пріяшность: кажешся, что они открываютъ мнѣ путь въ новый, досель неизвѣстный для меня свѣшъ.“ — „Что касается до эшаго Господина“, сказала съ усмѣшкою одна Дама, подошедшая между тѣмъ къ карточному столу; „то, судя по его сухости и спрогому виду, онъ едва ли можешъ бышь хорошимъ проводникомъ. Я жалю о Васъ, Графиня, если по прѣздѣ въ Вѣну, найдете Вы шакихъ только пріяшныхъ собесѣдниковъ, какъ эшошъ Кавалеръ Андрей дель-Карпо.“ — „Такъ дель-Карпо!“ сказала Юлія; „теперь я вспомнила, что это было его имя.“

Въ сіе время Графъ взошелъ въ госпиную и узнавъ о предметѣ разговора, пріянялъ въ ономъ живое участие. Онъ ошзывался съ особенною по-

хвалою о Кавалерѣ *дель-Карло*, какъ о храбромъ Морскомъ Офицерѣ и чловѣкѣ съ истинно-благородною душою. Все обществу уважало Графа и его мнѣніе: благопріятный сей отзывъ на счетъ незнакомца расположилъ многихъ въ пользу сего послѣдняго; но Дамы не могли однакожь не признаться, что суровая его холодность вовсе имъ не нравилась.

Разговоръ сей продолжался и въ каретѣ, между Графомъ и Графиней, при возвращеніи ихъ оцѣ Посланика. *Юлія* охотно вѣрила, что новый ея знакомецъ соединялъ въ похвалы качества; но соглашалась съ общимъ мнѣніемъ, на счетъ суровой его наружности. „Что касается до тебя, *Юлія*“, сказала Графъ; „по ты и въ этомъ отношеніи не можешь на него пожаловаться. Появленіе швое въ гостиной Посланика вывело его изъ эшаго постоянного равнодушія.“

Засимъ разсказалъ онъ изумленной супругѣ Историю знакомства своего съ Кавалеромъ, во всѣхъ ея подробностяхъ. Невольное содроганіе объяло *Юлію* при семъ разговорѣ; но она приписывала оное тому, что не привыкла къ столь лестнымъ и (какъ ей казалось) неумѣреннымъ похваламъ.

II.

Вскорѣ прошлись шумныя увеселенія Карнавала. Съ наспуленіемъ Марша, съ крошкимъ весеннимъ воздухомъ и весенними цвѣтами, настали и новыя удовольствія, болѣе чистыя и болѣе прочныя. Городскіе жители посѣщали въ поле, дабы при ѣз-

созвать расцвѣтающую Природу. Большія дороги и ближнія рощи, сады и публичныя гулянья — все наполнилось карешами, всадниками и пѣшеходцами. *Юлія* послѣдовала сему примѣру; но, оставляя городъ, избѣгала она тѣхъ мѣстъ, гдѣ наша бы то же самое общество, и тѣ же тягостныя обязанности и свѣтскія приличія. Она искала уединенія, дабы наслаждаться въ полной мѣрѣ красотою расцвѣтшей Природы и раздѣлить сія удовольствія съ прехлѣпнымъ своимъ ребенкомъ, всегдашнимъ предметомъ и любимыхъ ея попеченій.

Въ окрестностяхъ города знала она прекрасную деревеньку, окруженную со всѣхъ почти сторонъ лѣсистыми пригорками. У подошвы оныхъ спруилось чистое, синевашее озеро; а по скашу горы зеленѣлись роскошныя нивы. Здѣсь-то, въ уединенной и прохладной долинь, гдѣ древняя колокольня возвышалась между скромными хижинами, находила *Юлія* пріятнѣйшее убѣжище отъ городского шума. Здѣсь не было ни гостиниць, ни какихъ либо увеселеній, кои могли бы приманишь постоянного городского жителя. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчался шамъ одинокій странникъ.

На самой вершинѣ одного изъ пригорковъ, подъ сѣнью высокихъ, бѣлыхъ березъ, находился чистенькой домикъ, принадлежавшій лѣсному Смотрителю. Здѣсь-то обыкновенно останавливалась *Юлія*; здѣсь-то угощали маленькаго *Артура* вкуснымъ и сладкимъ хлѣбомъ, свѣжимъ и прохладительнымъ моло-

комъ. Добрая старушка, мать Смошринелд, часто рассказывала Графинь о всѣхъ подробностяхъ своего маленькаго хозяйства, а еще охопите о добромъ своемъ сынѣ, котораго, получивъ это выгодное мѣсто, пригласилъ ее, жить съ собою. „Одна только меня сокрушаешь,“ (говорила однажды старушка, сидя съ Графиней на дерновой скамьѣ подлѣ домика): „мой *Людвигъ* никакъ не хочетъ жениться, и все это для меня. Я уже нерѣдко ему о томъ напоминала; но у него всегда одинъ отвѣтъ. „Матушка (говорилъ онъ): я не надѣюсь найши жены, которая бы Васъ такъ любила и почитала, какъ бы мнѣ хотѣлось. Въ прошивномъ случаѣ произойдушь неудовольствія, можешь быть и ссоры, а Вы сами согласитесь, что въ семьѣ это большое несчастіе.“ Что мнѣ остаеся сказать при такомъ отвѣтѣ? Правда, что иногда упрямство *Людвига* приводило меня въ досаду. „Если такъ“, говорила я ему; „то я не хочу лишать тебя свободы и переѣду жить въ городъ или къ кому нибудь изъ родственниковъ!“ Тогда бѣдный *Людвигъ* возьметъ свое ружье и охотничью сумку и по цѣлымъ днямъ въ отчаяніи бѣгаетъ по лѣсу.“

Рѣзвый *Артуръ*, котораго выбѣжалъ въ сіе время изъ за кустовъ и прыгнулъ на колѣни къ *Юліи*, прервалъ рассказы доброй старушки. „Мнѣ жарко, маминька! Я такъ много бѣгалъ!“ говорилъ онъ задыхаясь. „Вольно тебѣ такъ рѣзвишься,“ сказала *Юлія*, цѣлуя разгорѣвшася его щeki. *Артуръ* от-

вѣчалъ ей нѣжнѣйшими ласками. „Всегда ли ты будешь такъ любишь свою маминьку?“ продолжала Графиня. „О конечно!“ возразила добрая спарушка, кошорая какъ бы чинала въ душѣ ребенка. „Хорошія матери имѣють всегда почтительныхъ дѣшей. Повѣрьте мнѣ, что все это зависить отъ родителей.“ — При сихъ словахъ *Юлія* прижала маленькаго *Артура* къ распроганному сердцу и радостная слеза блеснула въ глазахъ ея. Спарушка продолжала:

„Надобно Вамъ сказать, что мой *Людосикъ* не всегда былъ такой пасмурной. Напрошивъ, прежде почищался онъ первымъ весельчакомъ въ нашемъ околоткѣ. Едва пришелъ онъ въ совершенный возрастъ, какъ уже и влюбился. Дѣвушка была добрая, но немного въпрена и не имѣла хорошей славы между сосѣдями. Я и покойной мужъ мой никогда не хотѣли имѣть такой невѣстки, кошорая принесла бы стыдъ нашей семьѣ. Разумѣется, что эта любовь намъ не нравилась. Я начала говорить объ этомъ сыну; спаралась увѣрить его, что подобная связь не можешь здѣлать ему добра и только огорчить его родителей. Мой *Людосикъ* задумался; но никакъ не соглашался, что я говорила правду. Но прошло нѣсколько времени и я замѣнила въ немъ неожиданную перемену: онъ опять казался бодръ и веселъ и какъ будто совсѣмъ позабылъ свою красавицу. Это меня удивило и я рѣшилась однажды, вывѣдавъ у него причину такой пере-

мѣны Тогда слезы навернулись у него на глазахъ; онъ взявъ у меня руку, поцѣловалъ ее и сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Все прошло, машушка! Будьте теперь спокойны! Сердце мое облегчилось, я самъ не знаю, отъ чего.“ Вскорѣ потомъ поѣхалъ онъ въ чужіе края, съ однимъ знающимъ Господиномъ, который былъ имъ очень доволенъ и, по возвращеніи, доставилъ ему мѣсто лѣснаго Смотрителя. Мужъ мой, года уже за два предъ тѣмъ, скончался; мы сюда переехали и теперь очень довольны своею судьбою. Но *Людвигъ* не совсѣмъ еще позабылъ свою любовь и отъ эшаго-то бывающъ онъ часто пасмуренъ. Красавица его давно вышла за мужъ и шакже за егеря. Мнѣ кажется, ее прельсшилъ зеленый кафшанъ; потому что мужъ ея и шаръ и дурень.“

„Скажише мнѣ теперь, моя милая. (спросила Юлія) „видѣлъ ли сынъ Вашъ свою красавицу послѣ ея замушства?“ — „Въ эшомъ-то и бѣда, что онъ ее видаещъ. Мужъ ея живещъ въ Аргеймѣ, неподалеку отсюда и они часно ходящъ вмѣстѣ за охотою. Я всякой разъ узнаю, когда онъ у нихъ былъ. *Людвигъ* мой, возвращаясь отсюда, сидишь цѣлой вечеръ задумавшись и не говоришь ни слова. Но что дѣлалъ, Ваше Сіятельство?“ (прибавила шарушка со вздохомъ.) „На землѣ нѣтъ совершеннаго счастья!“

Сказавъ сія слова, она встала, чтобы показать *Артуру* веселыхъ овсчекъ, кои, при наступленіи вечера, возвращались съ пашьвы.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

У з н и к ъ.

Баллада.

„За днями дни идушь, идушь
Напрасно!

Они свободы не ведутъ
Прекрасной.

О ней шую и молюсь;
Ее зову — не дозовусь!..

*

„Смопрю въ высокое окно
Темницы;

Все небо свѣтомъ зажжено
Денницы;

На свѣжихъ крыльяхъ въперка
Лешають вольны облака.“

*

„Ишакъ, вѣтъ блага замѣнишь
Могилой!

И бросишь свѣшь, когда въ немъ жишь
Такъ мило!

Ахъ! Дайше въ свѣшь подышашь!
Еще мнѣ рано умирашь.“

*

„Лишь мигъ весеннимъ бышіемъ
Жила я!

Лишь мигъ на праздникъ земномъ
Была я!

Душа гошовилась любить
И все покинушь, все забышь!.. —

Такъ голосъ заунывный цѣль
Въ шемницѣ
И сердцемъ юноша леплѣ
Къ пѣвицѣ.
Но онъ въ неволѣ, какъ она:
Межъ ними хладная стѣна!

*

И щещно съ ней онъ разлучёнъ,
Стѣною:
Невидимую знаешь онъ
Душою.
И мысль о ней и день и ночь,
Опъ сердца не отходивъ прочь!

*

Все видишь онъ: во шмѣ она
Тюремной
Сидишь, раздумью предана,
Взоръ шомной,
Младенческій прекрасенъ видъ
И слезы падаютъ съ ланишь.

*

И ночью забывая сонъ,
Въ мечпань
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье,
И на устахъ его горитъ
Огонь молодыхъ ея ланишь.

*

Таясь, спрадана одиъ
Дѣлать съ ней,
Въ одной шемничной глубинѣ
Молишь съ ней,
Согласной думой и шоской,
Ошь Неба участи одной

*

Вопшь жизнь его! Другой не ждешь
Онъ доли!
Онъ, равнодушный, не зовешь
И воли!
Съ ней розно жизни въ свѣтѣ нѣтъ!
Прекрасень шолько ею свѣтъ!

*

„Не пыль.. — онъ мнишь — „давно была
Люлима?
И не себя-ль душа звала,
Томима
Желанья смушною поскою,
Волненьемъ жизни молодой?“

*

„Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.,,

*

„Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣшишь;
Когда, разрушивъ сей зашворъ,
Освѣшишь
Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Леши, леши, желанный часъ!., —

*

Напрасно! часъ не прилещь
Желанный!
Другой Создашелемъ удѣль
Избранный
Доспался узницѣ молодой,
Небесно-шайный, не земной.

Разъ слышишь онъ зашворовъ громъ,
Рыданья,
Звукъ цѣпи, голоса..... пошомъ
Молчанье.

И ужась грудь его поминь,
И щещно ждешь онъ.... Все молчишь!

Увы! Удѣль его рѣшень
Угрюмый!
Навѣкъ грядущаго лишень,
Всѣ думы
За ней онъ въ гробъ переселилъ
И молишь рокъ, чшобъ поспѣшилъ!

Однажды, — шолько занялась
Денница, —
Его со спуюкомъ расперлаеъ
Темница.
„О радость!“, мнишь онъ: — „скоро къ ней!“,.....
И чшожь? Свобода у дверей!

Но хладно принялъ онъ привѣшь
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мирѣ нѣшь!
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить:
Погибшаго не ворошишь! —

Ахъ! слово милое о ней
Кшо скажешь?
Кшо слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажешь?
Кшо знаешь, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ шощъ, кого своимъ звала?

И нѣшь ему въ семьѣ родной
Улады!
Задумчивъ, грустною цѣмой
Онъ взгляды
Сердечные встрѣчаешь ихъ;
Онъ въ людскихъ сумрачехъ и шихъ.

*

Настанетъ день — ни съ мѣста онъ!
Безгла ный,
Душой въ мечтанье погруженъ,
Взоръ страшный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоишь онъ, голову сходя.

*

Но тихо въ сумракъ ночей
Онъ бродитъ
И съ неба темнаго очей
Не сводишь.
Звѣзда знакомая тамъ есть:
Она къ нему приноситъ вѣсть,

*

О миломъ вѣсть — и въ мѣрѣ иной
Призванье;
И дѣлитъ съ шайной онъ звѣздой
Спраданье.
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣщился она!

*

Онъ шаялъ, гаснулъ и погасъ!
И мнилось,
Что вдругъ предъ нимъ, въ послѣдній часъ,
Явилось
Все то, чего душа ждала —
И жизнь въ улыбкѣ ошошла.

Ж.

С о н е т ы.

1.

Н. М. Языкову.

Младой Пѣвецъ! Дорогою прекрасной
Тебѣ ищи къ Парнаскимъ высотамъ!
Тебѣ вѣнокъ, повѣрь моимъ словамъ,
Плещешь Амуръ съ Каменной сладкогласной!
Отъ раннихъ лѣтъ я пламень неапрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ;
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ Пѣвцамъ
Съ какою-то любовью пристрастной.

Съ младенчества я *Пушкина* любилъ;
Съ нимъ разделялъ и скорбь и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ;
Пѣвца *Пирова* я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье!

2.

Злыхъ кудрей пріятная небрежность,
Небесныхъ глазъ мечпательный привѣтъ,
Звукъ сладкой устъ, при словѣ даже *нѣтъ*,
Во мнѣ родящъ любовь и безнадежность.
На то ли мнѣ послали боги нѣжность,
Чтобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
Но я готовъ — я выпью чашу бѣдъ:
Мнѣ нестрашна грядущаго безбрежность.

Не приманишь уже покоя вновь!
Я позабылъ свободной жизни сладость:
Душа горитъ, но смолкла въ сердцѣ радость;
Во мнѣ кипитъ и холодѣетъ кровь.
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смертьъ или жизньъ тебѣ я ввѣрилъ младость?

Не часто къ намъ слѣпаетъ вдохновење,
И крапкѣй мигъ въ душѣ оно горитъ ;
Но эмпонъ мигъ любимецъ Музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землею разлучене.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разуверене
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыши имъ: воспорженный Пинтъ
Ужъ прочиталъ свое предназначене.

И презрѣтый, гонимый онъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками.
Онъ ставитъ честьъ превыше всѣхъ чести,
Онъ клеветѣ мститъ славою своею
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Баронъ Дельсигъ.

Печашашъ позволяешся: Февраля 9-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. VI.

ПРОЗА.

Мальтійскій Кавалеръ.

(Продолженіе.)

III.

Юлія осталась одна и впала въ невольную задумчивость. Спρασная любовь была ей извѣстна изъ однихъ только Романовъ: она почитала ее обманчивымъ сновидѣніемъ души. Нѣжная привязанность ея къ своему супругу основана была не на страсти, но на взаимномъ уваженіи; она возродилась въ душѣ ея подъ видомъ искренней дружбы и утвердилась пошомъ пѣснѣйшими узами семейныхъ обязанностей. Въ томъ же, что въ свѣтѣ называется любовью, видѣла пронцашельная Юлія или минущее ослѣпленіе чувствъ, или суешное шоржесшво самолюбія, пишаемаго пусными похвалами и по большой части ложнымъ предпочпеніемъ.

Повѣсть доброй старушки, рассказанная со всемъ сельскимъ прашосердечіемъ, зашавила ее

повѣришь, что спраспная любовь существуетъ. Бѣдный *Людвикъ* конечно не имѣлъ нужды пришворсвовать и въ чувствованияхъ его не могло быть ничего ненатуральнаго или увеличеннаго. Въ сихъ мысляхъ и почти машинально, вспала она съ дерновой скамьи, взошла въ домикъ и хотѣла видѣшь комнашу *Смогришеля*, который находился въ опсупсвiи. Пуспоса оной произвела на нее гореспное впечатлѣнiе. На спѣнахъ висѣли два или три ружья, старая шляпа съ поблекшимъ вѣнкомъ изъ цвѣшовъ, скрышка и два силуэша, предспавлявшiе спарушку и покойнаго ея мужа. Впрочемъ казалось, что комнашка сiя давно уже не была обитаема. — Взоры *Юли* успремились на поблекшiй вѣнокъ. „Это вѣрно подарокъ его красавицы“, сказала она сама себѣ; „но я бы хотѣла знашь; шеперь ли онъ получилъ его или прежде ея замужсства?“

Радоспный крикъ, раздавшiйся подѣ окномъ, прервалъ ея размысленiя. „Маминька! Маминька! Посмогрише сюда! Какой прѣкрасный ягненочекъ!“ *Юли* приближилась къ окну и увидѣла *Аршура*, игравшаго съ веселымъ барашкомъ, который былъ привязанъ на лентѣ. Щеки ребенка пылали опѣ живаго, искренняго удовольствiя. „Да приходише сюда подѣ березки!“ продолжалъ *Аршуръ*. „Вы увидише, какъ онъ ко мнѣ ласкается.“ *Юли* постѣшила удовлетворить его желанiю; ребенокъ побѣжалъ къ ней на вспрѣчу и прыгалъ по двору

съ такою же рѣзвостію, какъ и маленькой его барашекъ. Вечерь былъ прелесный; пурпуровые лучи заходящаго солнца позлащали всю окрестность. Попечительный взоръ Юліи слѣдовалъ за Аршуромъ; вдругъ мелькнулъ кто-то между кустами и нѣкоторый невольный шрепешъ, нѣкоторое шайное предчувствіе объяло ея душу. Это былъ — Кавалеръ *дель-Карло*, новый ея знакомецъ. „О небо! Какимъ образомъ находишься онъ здѣсь?“ воскликнула Юлія съ негодованіемъ. Она не встрѣчалась съ нимъ послѣ Карнавала и эпошъ важный, холодный Кавалеръ казался ей черною шѣнью, помрачившею свѣшлыя красоты сего прелеснаго вечера.

Кавалеръ приблизился и поклонился Графинѣ съ обыкновенною сухою учливостію. Послѣ первыхъ привѣшешвій, сказалъ онъ нѣсколько словъ о живописномъ мѣстоположеніи сей деревеньки, кошорое находилъ онъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ окрестностей. Засимъ обратился онъ къ Венѣ, куда, какъ намъ извѣшно, вскорѣ отправлялась Графиня: въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ изъяснялся онъ о разнообразіи и красотѣ шамошнихъ загородныхъ видовъ. Ошвѣшы Юліи были вообще корошки; разговоръ продолжался медленно и казалось, что самъ Кавалеръ ждалъ благопріятнаго случая, прекрашшъ оной совершенно. Между шѣмъ Аршуръ, подбѣжавшій къ машери, привлекъ на нѣсколько минутъ его вниманіе. Онъ сморѣлъ на прелеснаго ребика съ нѣкоторымъ умиле-ніемъ; но казалось, что Аршуръ боялся незнакомца.

Онъ скрывалъ кудрявую головку свою въ плашье махери и говорилъ печальнымъ голосомъ: „Маленькой барашекъ пошелъ спать; старушка заперла двери и я уже больше его не увижу.“

Дѣшская ошкровенность и невинная выразишельность сихъ словъ пронули Юлію до глубины сердца: казалось, что она раздѣляла печаль малюшки. Она склонила къ нему голову, цѣловала его въ заплаканные глаза и, ушѣшая ребенка, сама не могла воздержаться отъ слезъ. Какое-то горешное чувство, котораго изъяснить не была она въ состояніи, объяло ея душу. — Успокоясь нѣсколько отъ сего внушренняго волненія, подняла она глаза; Кавалерь ждалъ только сей минушы, чтобы ей ошкланяшья. Онъ послѣшно удалился съ горы, по узкой, обросшей кустами пропинкѣ. Черезъ нѣсколько минушь увидѣла Юлія, что онъ перетъжалъ черезъ озеро, въ небольшой лодочкѣ. Сѣрые шуманы вечера вскорѣ сокрыли его отъ взоровъ Графини; а въ слѣдъ засимъ возвратилась и она въ городъ, сопровождаемая маленькимъ *Артуромъ*.

IV.

Въ одинъ непащный день, ввечеру, сидѣла Юлія на диванѣ съ прелеснымъ своимъ ребенкомъ и рассказывала ему Ищорію *Красной шапожки*. Рѣзвый Аршуръ слушалъ со вниманіемъ; но, по обыкновенію всѣхъ дѣшей, прерывалъ ея повѣсть своими вопросами. „Какъ же, маминька,“ говорилъ онъ, „пришелъ волкъ къ *Красной шапожкѣ*? Какъ она его не испуга-

дась?“ — „Волкъ“, отвѣчала *Юлія*, „закушался, съ головы до ногъ, въ овечью кожу и по однимъ шолько глазамъ можно было узнать“ . . . — При сихъ словахъ опворились двери и Графъ, сопровождаемый Кавалеромъ *дель-Карпо*, взошелъ въ комнашу. „Ахъ!“ воскликнулъ *Артуръ*, „я не услышу сегодня конца эшой сказочки.“ Юлія раздѣляла сіе сожалѣніе: она надѣялась провести вечеръ съ милымъ своимъ ребенкомъ, тихо и спокойно. Приходъ Кавалера привелъ ее въ какое-то смущеніе, кошораго не могла она скрышь опъ своего супруга Но просительный взоръ сего послѣдняго заспавилъ ее, преодолѣшь себя и встрѣишь новаго знакомца съ обыкновенною ласковосцію. Она спаралась оживишь и поддерживавъ разговоръ: главный предметъ онаго составляла Вѣна, куда всѣ они, въ непродолжительномъ времени, должны были опсправишься. Кавалеръ имѣлъ особенный даръ, изображавъ предметы живыми, разишельными чершами. Онъ вообще говорилъ не много; но каждое его слово было обдумано, каждое чувсшво глубоко и каждая мысль изложена въ шочныхъ и ясныхъ выраженіяхъ.

Опъ Вѣны перешли къ Ишаліи, а опъ Ишаліи къ морской службѣ и къ пушешествіямъ. Мы уже выше сказали, что Кавалеръ *дель-Карпо* провелъ нѣсколько лѣтъ на морѣ и принадлежалъ къ числу опличныхъ Офицеровъ. Сія эпоха его жизни оспавила ему множество пріятнѣйшихъ воспоминаній. Казалось, что ему нуженъ былъ морской воздухъ, чтобы

дышать легко и свободно. Казалось, что одна только безпредѣльная поверхность воды могла остановить бѣглые, пламенные его взоры. Говоря о морскомъ сраженіи, онъ поспешенно возвышалъ голосъ; описывалъ оное сильными, разительными чертами; удивлялъ, восхищалъ и приводилъ въ ужасъ своихъ слушателей. Графъ и Графиня внимали ему съ какимъ-то благоговѣйнымъ безмолвіемъ; имъ казалось, что они сами находились на кораблѣ, слышали громъ пушекъ и шрескъ возлещающихъ на воздухъ, пороховыхъ бочекъ; видѣли торжествующую побѣдителей, ужасъ и опечаленіе побѣжденныхъ. Юлія оставила свою работу и облокотясь на чайный столикъ, неподвижно устремила свои взоры на краснорѣчиваго повѣствователя.

Кавалеръ, какъ бы замѣшивъ, что онъ слишкомъ увлеченъ былъ своимъ предметомъ, вдругъ остановился; отодвинулъ свое кресло отъ дивана, на которомъ сидѣли безмолвные его слушатели; выраженіе глубокой задумчивости изобразилось на его челѣ и нѣкоторое торжественное молчаніе послѣдовало за жаркимъ его разговоромъ. Но Графъ, который умѣлъ цѣнить живость ума и краснорѣчіе сердца, прервалъ сіе молчаніе. Онъ съ чувствомъ пожималъ руку новому своему знакомцу и благодарилъ его за прекрасныя минуны, доставленныя ему и Графинѣ занимательнымъ его повѣствованіемъ. Кавалеръ отвѣчалъ односложными словами и съ примѣтнымъ замѣшательствомъ; онъ здѣлался снова молчаливъ и

мечалень и благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на сей разъ въ глазахъ Юліи, казалось однимъ только минушимъ очарованіемъ.

Занимательный разговоръ прекратился; всѣ спаранія хозяевъ, возобновивъ оный, были щещны; вскорѣ попомъ Кавалеръ ихъ оставилъ. Графъ не переставалъ хвалить его; но Юлія не соглашалась съ его мнѣніемъ. Она находила, что разговоръ его сколько же единообразенъ, сколько расположеніе духа непостоянно; что у него есть нѣкоторыя извѣстные предметы, о коихъ любилъ онъ говорить и говорить пріятно; но что испощивъ оныя, снова дѣлаешся онъ сухимъ и холоднымъ. Графъ ушверждалъ напрошивъ, что одни только высокіе, изящныя предметы привлекають его вниманіе и воспаменяють воображеніе; что все прочее кажешся ему щещнымъ и ничтожнымъ. „Какъ бы то ни было“, (прибавилъ Графъ), „мы должны радовашься, что познакомились съ Кавалеромъ: дружба челоука ешоль благородныхъ правилъ всегда пріятна, а въ чужомъ городѣ, гдѣ мы никого не знаемъ, имѣешъ еще большую цѣну.“

V.

Знакомство Графа съ Кавалеромъ день ото дня спановилось шѣсье и превратилось наконецъ въ искреннюю дружбу. Вскорѣ *дель-Карпо* здѣлаешся ежедневнымъ его гостемъ. Юлія, въ угожденіе своему супругу, должна была принимашъ его съ обыкновенною ласковосшю, хошя каждый приходъ

его возбуждалъ въ ней какое-то невольное беспокойство.

Особливо въ тѣ вечера, кои Графъ, по дѣламъ службы и своимъ собственнымъ, проводилъ въ кабинетѣ и когда Кавалеръ былъ единственнымъ ея собесѣдникомъ, чувствовала Юлія нѣкошорую мучительную принужденность, чуждую ошкровенной ея душѣ. *Дель-Карпо* никогда не былъ шакъ пасмуренъ, молчаливъ и скупенъ, какъ находилъ съ нею наединѣ. Онъ сидѣлъ съ пошупленными въ полъ глазами, съ шляпою въ рукахъ и какъ будшо въ безпрешанномъ недоумѣніи: должно ли ему ишши или оспашься? Нѣсколько разъ показывалъ онъ намѣреніе, вспашь съ своего кресла и просшишься съ Юліею; но, какъ казалось, не находилъ для сего благопріятной минуты и, какъ бы невольно, просиживалъ оспашокъ вечера.

Однажды, въ прекрасный Майскій день, послѣ благошворнаго весеняго дождя, сидѣли они въ саду Графини, въ ошкрышой бесѣдкѣ. Почти цѣлый часъ провели они въ мучительномъ безмолвіи, которе лишь изрѣдка прерывалось принужденными вопросами и односложными ошвѣтами. Всѣ старанія Юліи, оживишь разговоръ, казались шщепны. Облокошась на шполикъ, сидѣла она прошивъ дверей бесѣдки; маленькой Аршуръ спалъ у нея на колыняхъ. Вечеръ былъ прелестный: освѣженная зелень наполняла воздухъ пріятнѣйшими благоуханіями. Вдругъ Кавалеръ съ поспѣшностію вспашь съ своего шшула и

подошелъ къ дверямъ сада. Юлія обрадовалась, думая, что онъ намѣревался ее оставить. Но Кавалеръ остановился въ дверяхъ и успрешилъ неподвижный взоръ на густыя сѣни деревь. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, возвратился онъ къ Юліи; она испугалась, замѣшивъ смертную блѣдность лица его, на коемъ изображалось душевное волненіе. Онъ конечно и самъ это чувствовалъ; желая скрыть свое замѣшательство, подошелъ онъ къ маленькой ручной библіюшкѣ, которая находилась въ углу бесѣдки. Машинально вынималъ онъ одну книгу за другою, пересматривалъ оныя и опять ставилъ на свои мѣста.

Сіе подало мысль Юліи, сократить длинные и шлягостные вечера — чтеніемъ. „Вы найдете здѣсь,“ говорила она Кавалеру, „собраніе лучшихъ Спихотворцовъ. Выберите изъ нихъ одного: для меня всѣ они равно пріятны. Вы, кажется, взяли шеперь *Тасса*. Къ сожалѣнію, это не подлинникъ, но — и онъ и въ переводѣ превосходенъ.“

„Развѣ Вы не знаете по Италіянски?“ спросилъ *дель-Карло*. „Не довольно хорошо, чтобы понимать Вашихъ Спихотворцовъ“, отвѣчала Юлія. „Все равно“, сказалъ Кавалеръ, подавая ей книгу: „Ваше чтеніе придастъ этому переводу всю прелестъ подлинника.“

Юлія не ожидала сего предложенія: она думала, что Кавалеръ возьмешъ на себя, читашъ *Тасса*. Но размысливъ нѣсколько, удостовѣрилась она, что

гораздо лучше здѣлаешь, если будешь читать сама. Безпечный ея собесѣдникъ можешь тогда свободно предаваться своей задумчивости; а она останется какъ бы наединѣ съ своимъ Стихотворцемъ. — Юлія развернула книгу: ей открылась прешья Пѣснь *Освобожденнаго Іерусалима*. Вскорѣ дошла она до описанія первой бипвы *Танкреда* съ *Клоридою*. Графиня съ чувствомъ читала слѣдующіе стихи:

„Когда спокойствія не хочешь ты мнѣ дать;
То сердце извлеки изъ груди упомяненой,
Давно привыкшее тебѣ принадлежать,
Другой не знавшее опрады во вселенной!
Я радостно приму ударъ швоей руки
И въ гробъ опдохну опъ скорби и шоски.“

Здѣсь Юлія на минушу ошановилась: въ ближней комнатѣ слышались ея шаги. Тогда *дель-Карпо* съ жаромъ произнесъ (на *Италіянскомъ* языкѣ) слѣдующіе стихи:

„Рази меня, рази! Тебѣ не воспрецаю
И благодѣтельный ударъ не опражаю!“

Въ эту минушу возмелъ Графъ. „Прекрасно, друзья мои!“ сказалъ опъ, „я очень радъ, что нахожу мою Юлію въ такомъ пріятномъ обществѣ. Важное порученіе засшавляетъ ускорить мой опѣздъ и я бы вдвое сожалѣлъ, оставивъ тебя одну, если бы не надѣялся, что почтенный другъ нашъ принялъ на себя попеченіе о тебѣ и о дѣлахъ нашихъ.“

„Какъ?“ воскликнула испуганная Юлія. „Ты хочешь оставишь меня одну? О, я ни за какія блага

въ міръ не соглашусь на эту жертву. Но что мѣшаешь мнѣ, ѣхашь съ побою?“ — „Обстоятельства, любезная Юлія“, отвѣчалъ Графъ, съ нѣжностію прижимая ее къ своему сердцу. „Я получилъ весьма важныя депеши и завтра же поутру долженъ отправишься. Ты сама знаешь, что у насъ есть общвенныя дѣла, копорыя надобно успроишь и что это пребуешь извѣснаго времени. Я поручаю ихъ тебѣ и увѣренъ, что ты приведешь ихъ въ порядокъ съ обыкновеннымъ твоимъ благоразуміемъ.“

Здѣсь Кавалеръ вспалъ и хотѣлъ опкланяться: ему казалось, что присутствіе его могло преняшствовашь свободному разговору двухъ супруговъ. Но Графъ, проникнувъ его намѣреніе, просилъ его ошашься еще на минушу. „Я бы очень беспокоплся“ (говорилъ онъ) „о женѣ моей и ребенкѣ, копорыя должны предприняшь споль дальнее пушешствіе, если бы въ эшомъ случаѣ не полагался на Вашу дружбу. Вы шакже вскорѣ отправишь въ Вѣну. Могу ли я осмѣлишь, ввѣришь Вашему попеченію все, что шолько есть для меня драгоценнѣйшаго въ міръ?“

Дель-Карто пожалъ ему руку и отвѣчалъ съ улыбкою: „Въ качествѣ Кавалера, не могу я опказашься опъ споль пріятной и лесной для меня обязанности. Но въ эшомъ случаѣ, рѣшеніе зависитъ не опъ меня. Надобно сперва знать: желаетъ ли Г_дафиня имѣть меня своимъ спутникомъ?“

Сии послѣднія слова пробудили Юлію изъ задумчивости, въ которую повергло ее неожиданное извѣщеніе объ опъздѣ Графа. „Мнѣ шакъ тяжело“, возразила она съ живосцію, „оспашься здѣсь одной, что, покоряясь обшояшельствамъ, пріемлю я слѣпо всѣ прочія распоряженія, какія только Графъ найдешь благоразумными и полезными.“

„Любезная Юлія!“ отвѣчалъ Графъ, обнимая ее со всею жаромъ супружеской нѣжности. „Намъ не должно шерять времени въ бесполезномъ ропошѣ. Бывающъ въ жизни спеченія обшояшельствъ, коихъ перемѣнишь невозможно. Мы должны еще благодарить Провидѣніе, которое, въ подобныхъ случаяхъ, никогда не оспавляетъ насъ безъ помощи и нѣрѣдко, путемъ испытаній, ведетъ къ благоденствію.“

Кавалеръ удалился. Супруги наши оспались одни. „Что шобъ пришла за мысль,“ со вздохомъ сказала Юлія, „ввѣришь насъ холодному, гордому *дель-Карло*? Ты видѣлъ, съ какимъ принужденіемъ взялъ онъ на себя шрудную эту обязанность. И если бы ты зналъ, какія шяжкія, мучительныя цѣпи налагаешь ты на меня, избравъ подобнаго спутника?“,

„Вы женщины“ (возразилъ Графъ) „всегда судите по предубѣжденіямъ: самыя благоразумнѣйшія изъ васъ не дѣлаютъ исключенія изъ сего правила. Видя въ первый разъ человека, произнесете вы о немъ свой приговоръ и — почиаете справедливостъ его несомнѣнною. Меня очень удивляетъ, Юлія,

(прибавилъ онъ съ важнымъ видомъ), что ни короткое знакомство, ни благопріятные мои опыты до сихъ поръ не вывели меня изъ заблужденія насчетъ Кавалера. Ни въ какомъ случаѣ жизни не показывала ты такого упорства; никогда еще не были мы столь различны въ нашихъ мнѣніяхъ и чувствованіяхъ!“

Нѣжность сего упрека обезоружила Юлію. Она почувствовала, что была не совсѣмъ справедлива и приняла твердое намѣреніе, примириться въ мысляхъ своихъ съ Кавалеромъ. Она перемѣнила тонъ разговора и съ усмѣшкою сказала Графу: „Впрочемъ, ты не могъ выбрать для меня лучшаго проводника: едва ли есть человекъ въ свѣтѣ, который бы менѣе возбуждалъ ревность, какъ этотъ безмолвный, задумчивый Кавалеръ. Вся его любезность испощилась, какъ видно, въ похвалѣ моимъ глазамъ, которою началось наше знакомство и которая была первая и послѣдняя.“

„Кто знаетъ?“ возразилъ Графъ тѣмъ же тономъ. „Можетъ быть онъ тебя боится!“ При сихъ словахъ Юлія не могла воздержаться отъ громкаго смѣха и тѣмъ кончился разговоръ о человекѣ, коего обспояшельства такъ скоро и неожиданно съ ними сблизили.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣсня зъваки.

(Изъ новой Оперы-Водевиль: *Кто братъ? кто сестра? или обманъ за обманъ*, данной въ первый разъ въ Москвѣ 24-го Января, 1824-го года. Музыка Г-на *Верстовскаго*.)

Жизнь наша сонъ! Все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водился издавно.
Родяшся люди, люди мрушь
И кое-какъ пока живущь.
Куда все это какъ забавно!

*

Какъ не зъвашь? Все пѣснь одна:
Или ко сну или со сна!
Иной зъваешь ошь бездѣля,
Зъваюшь многіе ошь дѣль;
Иной зъваешь, что не ѣль,
Другой зъваешь, что съ похмѣля!
Какъ не зъвашь? . . . и проч.

*

Актеръ въ своей зъваешь роль;
Зъвошой зришель давишь свисшь!
Зъвая пишешь Журналишъ,
А Сускрибеншъ зъваешь болъ!
Какъ не зъвашь? . . . и проч.

*

Я холоспъ былъ, — зъваль безъ счеша;
Подумаль завеспись домкомъ
И взяль жену, чшобъ жишь вдвоемъ —
И вдвое забрала зъвоша!
Какъ не зъвашь? Все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!

(Посль каждаго куплета должно зъвашь подь Музыку.)

Возвращение

К р а с а в и ц а .

Приди ко мнѣ, Миршилъ молодой!
Ты мнѣ любезенъ; я пригожа,
Съ самой Діаною равняюсь бѣлизной —
И спаномъ на нее и гордоспью похожа.
И подъ вечеръ, когда я мимо пасшуховъ
Иду пошупя взоръ, едва ихъ замѣчая;
То я кажуся имъ за Нимфу сихъ береговъ.
Они зовушь меня, очами провожая:
„Корпца! Берегись ввѣряшь себя волнамъ;
Чшобъ не казашься въ нихъ богинею пловцамъ
И чшобъ въ мольбахъ они средъ яросшной пучины;
Ѳшиду позабыеъ, не стали звашь Корины!„

Поровъ.

Измѣненія.

(Пзъ Кёрнера.)

1.

Ошрокъ, мечшая о будущихъ подвигахъ, дѣшски
взываетъ:
„Сколь обрадую я милую мамъ и ошца!“

2.

Чувшвовашъ жизнь порошился юноша съ пламен-
нымъ сердцемъ,
Съ каждой сливая мечшой образъ любезной своей.

3.

Съ важноешью мужъ оспорожный вешупаетъ въ
бури мірскія;
Славы призывъ его мчипъ къ цѣли возвышенныхъ
думъ.

4.

Спарецъ, смошря на шемнѣющій міръ угасающимъ
взоромъ,
Благословляетъ мечшы, жившія въ юной груди.

В. Тило.

Печашашъ позволешся: Февраля 19-го дня 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ VII.

ПРОЗА

Мальтійскій Кавалеръ.

(Продолженіе.)

VI.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца отражались въ зеркальной поверхности озера и позлащали лѣсистой берегъ. Легкая лодочка тихо кашилась по синевапымъ струямъ. Въ ней сидѣла Юлія, съ маленькимъ Аршуромъ и Вильгельминою N**, лучшей изъ ея пріятельницъ. Это было на другой или на третій день по отъѣздѣ Графа. Вильгельмина предложила сію прогулку, чтобы доставить нѣкоторое разсѣяніе печальной Графинѣ.

Но ни прелесть вечера, ни пріятное общество искренняго друга не могли ее вывести изъ того унынія, въ которое повергла Юлію кратковременная, но необходимая разлука съ ея супругомъ. Напрощивъ, всѣ ея разговоры исключительно обращались къ сему предмету. Она сама не могла постиг-

нущь, ошъ чего каждая мысль о пупешесшви въ Вѣну, долженшвовавшемъ соединишь ее съ Графомъ, возбуждала въ ней какой-шо невольный ужась. „Я предчувешвую,“ говорила она, „что непредвидѣнное спеченіе обшояшельствъ или опдалишь наше свиданіе, или соединишь насъ для взаимной горешши.“

„Сшудись, Юлія,“ ошвѣчала ей Вильгельмина. „Согласны ли шакія мысли съ швоимъ благоразуміемъ и съ шою покорноспію, копорую оказывала шы донинѣ къ пущямъ Провидѣнія? Повѣрь моимъ опышамъ: нѣшь ничего обманчивѣе предчувешвій. Я скажу тебѣ еще болѣе: нигдѣ можешъ бышь не бывающъ онѣ споль ложны, какъ шамъ, гдѣ кажущя близкими къ собышію. Пылкостъ воображенія всегда удаляетъ насъ ошъ истины и вмѣшо шихой, безмятежной присшани, вовлекаешъ нерѣдко въ пучину горешшнаго заблужденія.“

„Почемушь шы думаешъ, любезная Вильгельмина,“ возразила Графиня, „что часшные швои опышы могушь бышь общимъ правиломъ? Сколько примѣровъ доказывающъ намъ прошивное! Сколько разъ случалось, что спасишельное предчувешвіе предохраняло людей ошъ грозившаго имъ бѣдешвія! Кшо знаешъ: можешъ бышь само Провидѣніе избираешъ сей пущь, для ниспосланія намъ Своей помощи. Можешъ бышь сей шамншвенный голось ешть одинъ изъ признаковъ нашего безшмершія, одно изъ доказательствъ шого высшаго совершенства, къ коему мы предназначены въ другомъ, лучшемъ мірѣ.“

Вильгельмина задумалась и безмолвно смошрѣла на синее озеро. Графиня продолжала: „Множество спранныхъ феноменовъ нравственнаго міра спановящая еще болѣе чудесны, еще менѣе изьяснимы, если мы будемъ опшвергать силу предчувствій. Сюда принадлежатъ симпатія и антипатія. На примѣръ, это единственнѣй способъ, объяснишь опшращеніе мое къ Кавалеру *дель-Карло*, котораго не могу я преодолѣть, не смошря на дружбу его съ моимъ мужемъ, на его прекрасный образъ мыслей и благороднѣй характеръ. Я увѣрена, что это Кавалеръ будетъ нѣкогда виновникомъ великихъ несчастій для нашего семейства и если бы я могла дѣйствовать по моему предчувствію, то прекратила бы съ нимъ всякое сношеніе.“

„Спранныя мысль!“ возразила Вильгельмина. „Но я могу объяснить это иначе: ты слѣдуешь первому впечатлѣнію, которое онъ на себя дѣлалъ и которое конечно было не весьма благоприятно. Опшавъ его въ покоѣ, любезная Юлія: ты никогда его не поймешь, да и самъ онъ не хочетъ опшкрыть души своей. Если я не ошибаюсь, какое-то глубокое, горестное чувство господствуетъ исключительно въ его сердцѣ и дѣлаетъ его равнодушнымъ ко всѣмъ внѣшнимъ предметамъ.“

Важные сіи разговоры прерваны были радостнымъ крикомъ Аршура. „Маминька! маминька!“ воскликнулъ онъ, указывая на гору, „вошь домикъ Смошришеля, гдѣ я игралъ съ барашкомъ!“ — „Те-

перъ уже поздно, другъ мой," возразила Юлія. „Мы въ другой разъ шуда заѣдемъ: шеперь запершы всѣ двери; барашекъ давно спитъ, да и спарушка шакже.“ — „Ахъ сударыня“, сказалъ перевощикъ, кошорый вмѣшался въ сей разговоръ; „а я шакъ думаю, что уже нѣсколько ночей никшо шамъ не спитъ. Вы конечно слышали о несчастіи, кошорое случилось съ Смошришелемъ.“ — „Совсѣмъ нѣтъ!“ возразила Юлія съ живымъ учасіемъ. „Разскажи намъ объ эшомъ, спарикъ!“ — „Вошъ видите, въ Аргеймѣ, неподалеку опсюда, смошрѣлъ за лѣсами полешый егеръ Францъ, кошорый, какъ говорили, слишкомъ часно заглядывалъ въ рюмку. Я его мало зналъ; но кажешся, что эшо правда: онъ былъ всегда шаккой красной. Онъ же худо присматривалъ за своимъ лѣсомъ, мало занимался охолою и конечно бы давно пошерялъ мѣшо, если бы не помогаль ему здѣшній Г. Смошришель. Во вшорникъ на прошедшей недѣлѣ былъ онъ шакже въ Аргеймѣ и пошелъ въ шамошій лѣсъ, вмѣстѣ съ Францомъ и его помощниками. Они мнѣ сами разсказывали, что Францъ выпилъ за завпракомъ добрую кружку крѣпкаго пива и едва передвигаль ноги. Они были въ самой густошѣ лѣса, какъ вдругъ онъ засшоналъ, покашился и умеръ. Эшо, какъ говорятъ, былъ параличъ. Но вошъ что странно: нашъ Г. Смошришель стоялъ неподвижно надъ шѣломъ, пошомъ взглянулъ на небо и всплеснувъ руками, вскричалъ: „Боже! Очисти душу мою опъ невольнаго согрѣ-

шенія!“ Между тѣмъ бывшіе съ ними охотники подняли тѣло на плеча и понесли его въ Аргеймъ. „Поспойше! Поспойше!“ вскричалъ Смопришель. „Онъ можешъ бышь еще живъ!“ Они покачали головою, но не смѣли послушаться; положили тѣло на праву, а нашъ Смопришель перь ему виски и руки и казался увѣреннымъ, что въ немъ были еще ошاپки жизни. Все это было однакожь напрасно. Онъ говорилъ, что не хотѣлъ испугать, прежде времени, Францовой жены; но она какъ-то узнала о смерти своего мужа и сама прибѣжала въ тѣсь. Увидѣвъ ее, добрый нашъ Смопришель ошощель ошъ тѣла, поспоаялъ нѣсколько минушь неподвижно, а пошомъ, тихими шагами, возвратился домой. Вообразите же: онъ взялъ себѣ въ голову, что былъ причиною смерти спараго Франца и не имѣешъ теперь покою ни днемъ, ни ночью. Почтенный нашъ Паспоръ не разъ приходилъ увѣщевать его; добрая спарушка, мапъ его, спараешся шакже его успокоить; но до сихъ поръ все было безъ успѣха. Бѣдный Людовикъ не имѣешъ минушы спокойной: онъ увѣренъ, что былъ виновникомъ Францовой смерти и объясняешъ это какимъ-то спрашнымъ образомъ. Правду Вамъ сказашь, онъ всегда былъ шакой мудреной: человекъ предобрый, но молчаливъ и задумчивъ, шакъ что ошъ него въ иной день не допытаешся ни одного слова. Здѣсь говоряшь, что онъ былъ прежде коропко знакомъ съ женою Франца; но можешъ бышь это и не

правда. Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, много бываетъ слезней.“

Несчасіе, постигнувшее Людовика, пронуло Юлію до глубины сердца. Она вознамѣрилась посѣщать на сихъ дняхъ добрую спарушку и, если можно, утѣшить ее въ горести.—Пропшесствіе сіе подало поводъ нашимъ пріятельницамъ къ возобновленію прежняго разговора. Онѣ рѣдко бывали согласны въ своихъ мнѣніяхъ: Юлія вообще судила основательно; но и она имѣла свои любимыя идеи, имѣла нѣкоторыя предметы, на счетъ коихъ увлекалась живосцію своего воображенія.

Въ дружескихъ спорахъ возвратились онѣ въ городъ. Графиня нашла у себя нѣсколько гостей, кои ее ожидали, съ тѣмъ, чтобы провести оспашокъ вечера. Это было для нея пріятнымъ разсѣяніемъ; но печальное впечатлѣніе, произведенное повѣстію спараго переводчика, казалось неизгладимо. Юлія не находила лучшаго способа, облегчить свое сердце, какъ разсказавъ гостямъ своимъ печальную Исторію Людовика. Всѣ приняли въ оной большее или меньшее участіе. Кавалеръ *дель-Карро*, находившійся въ числѣ слушателей, не могъ скрывать внутренняго своего волненія. Въ продолженіе повѣсти, нѣсколько разъ перемѣнялся онъ въ лицѣ, взоръ его смушился и чело покрылось глубокими морщинами. Особливо конецъ оной произвелъ на него сильное впечатлѣніе, котораго Юлія и Вильгельмина не могли не замѣтить. Онъ не участвовалъ въ прочихъ раз-

говорахъ, казался еще задумчивѣе обыкновеннаго и прежде всѣхъ оставилъ общество.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, обѣ пріятельницы, къ великому своему изумленію, услышали, что Кавалеръ взялъ къ себѣ въ услуги Людовика и что сей послѣдній будетъ соучастникомъ ему въ Вѣну. Сей несчастливецъ хотѣлъ, какъ можно скорѣе, оставивъ общество, дабы подъ свѣтлымъ небомъ Юга разсѣять горестныя свои воспоминанія.

VII.

День отъѣзда въ Вѣну былъ наконецъ назначенъ: Юлія хотѣла отправишься рано поутру и для шого уже съ вечера проспалась съ Вильгельминою. Обѣ пріятельницы были очень расстроганы: имъ казалось, что онѣ никогда уже не увидяшся.

Тѣмъ болѣе изумилась и вмѣстѣ обрадовалась Вильгельмина, получивъ поутру слѣдующую записку отъ Юліи: „Приходи ко мнѣ сегодня, хотя на нѣсколько минушь. Мы разлучаемся надолго, можешь бышь навсегда; а у меня есть на сердцѣ важный вопросъ, кошорый ты должна разрѣшить, прежде, нежели мы просшимся.“

Легко можно себя предсавишь, что Вильгельмина не заспавила себя жданы: удовольствіе, проведенна еще нѣсколько минушь съ истиннымъ своимъ другомъ, казалось ей шѣмъ живѣе, что было на сей разъ совершенно неожиданнымъ.

Юлія встрѣшила ее въ передней, гдѣ занималась она распоряженіями для своего отъѣзда. Весь домъ

быль въ движеніи: дорожные экипажи находились уже у крыльца; слуги и служанки укладывали въ нихъ безчисленные чемоданы и ящики.

„Какъ я тебѣ благодарна,“ сказала Юлія, обнимая свою пріятельницу. „Ты можешь вывести меня изъ великаго безпокойства.“ Съ этими словами повела она Вильгельмину въ свой кабинетъ и, зашворяя дверь, объявила людямъ, что она не приметъ никого принимающаго.

Засимъ подошла она къ своему бюро, открыла нижній ящикъ и вынула изъ онаго писменный пакетъ, въ коемъ, какъ казалось, было что-то завернуто. Графиня посмотрѣла еще разъ на адресъ и на печать и, какъ бы взвѣсивая сей пакетъ, съ примѣтною живостію сказала: „Милая Вильгельмина! Что у тебя за связь съ Кавалеромъ? По какому случаю ты съ нимъ въ перепискѣ? Кто эта прекрасная особа, кою посылаетъ ты ему портретъ? — Ты конечно не будешь записываться, что это твоя рука и твой гербъ?“

Вильгельмина взяла изъ рукъ ея пакетъ, не показывая впрочемъ никакого изумленія или замѣшательства. „Я очень понимаю,“ отвѣчала она спокойно, „что это открытіе тебя удивило. Спанный случай заставилъ тебя проникнуть въ такую тайну, кою, до сихъ поръ и не безъ причины, отъ тебя скрывали. Но это не моя тайна, Юлія и я не имѣла бы права ничего тебѣ сказать, если бы не опасалась, что сей портретъ можешь по-

дашь поводъ къ дальнѣйшимъ объясненіямъ между шобою и Кавалеромъ; объясненіямъ, кои не могутъ бышь для него пріятны. Но скажи мнѣ: какимъ образомъ находишься онъ въ твоихъ рукахъ? “

„*Дель-Карло* вѣроятно выронилъ его изъ кармана, по обыкновенной своей разстѣянности. Я нашла эшопъ поршрешъ и бумагу между подушками софы, на которой онъ сидѣлъ вчера вечеромъ и игралъ съ Аршуромъ. Ты можешь себѣ представить мое изумленіе! “ — „О конечно,“ возразила Вильгельмина, „и считаю долгомъ объяснить тебѣ все. Исшорія эша довольно коротка, но заключаешь въ себѣ необыкновенныя и прогашельныя происшествія.“

Сии послѣднія слова возбудили еще большее любопытство въ Графинѣ. Она сѣла подлѣ своей пріятельницы и пригошовилась слушать ее со вниманіемъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Дункановъ вечеръ.

Шотландская Сказка.

До разсвѣша поднявшись, коня осѣдлавъ
Знаменимый Смальгольмскій Баронъ;
И безъ оныхъ гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, шоропясь въ Бродерспонъ.
Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло Баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдашься мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ.
По въ желѣзной бронѣ онъ сидишь на конѣ;
Наночилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрышь онъ щитомъ, и шопоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.
Черезъ три дни домой возвратился Баронъ,
Ошуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запылѣнъ,
Подъ тяжелымъ сшупаль сѣдокомъ.
Анкрамморскія башвы Баронъ не видалъ,
Гдѣ попоками кровь *илъ* лилась;
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ.
Но желѣзный шелома былъ изсѣченъ на нѣмъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ;
Былъ недавнею кровью шопоръ за сѣдломъ,
Но не Англіиской кровью покрышь.
Соскочивъ у часовни съ коня, за спѣной,
Припаясь въ кушахъ, онъ споялъ;
И три раза онъ свиснулъ — и Пажъ молодой
На условленный свисъ прибѣжалъ.
— Подойди, мой малюшка, мой Пажъ молодой!
И присядь на колѣна мои!
Ты младенецъ; но ты опкровененъ душой
И слова непришворны швомъ.

Я въ оплучкѣ былъ три дни, мой Пажъ молодой!

Мнѣ шеперь ты всю правду скажи:

Что замѣшилъ? Что было съ швоей госпожой?

И кто былъ у швоей госпожи?“ —

„Госпожа по ночамъ къ опдаленнымъ скаламъ,

Гдѣ маякъ, проходила шайкомъ,

(Гдѣ огни по горамъ зажжены, чшобъ врагамъ

Не укрьшься во мракъ ночномъ).

И на первую ночь непогода была

И безъ умолку филинь кричалъ;

И она въ непогуду ночную пошла

На вершину пусшынную скаль.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ шемношѣ;

И сидѣла одна — я узрѣль:

Не шшояль часовой на пусшой вышшѣ;

Одинокое маякъ пламенѣль.

На другую же ночь — я за ней по слѣдамъ

На вершину опяшь побѣжалъ. —

О Творецъ! у огня одинокого шамъ

Мнѣ невѣдомый Рыцарь шшояль.

Подпершился мечемъ, онъ шшояль предъ огнѣмъ

И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;

Но подъ шумнымъ дождѣмъ, но при вѣтрѣ ночномъ,

Я разслушашъ не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безнелашна была,

И порывисшый вѣшеръ молчалъ;

И къ маяку она на свиданье пошла;

У маяка ужъ Рыцарь шшояль.

И сказала — я слышалъ: „Въ полуночный часъ,

„Передъ свѣшлымъ Дункановымъ днѣмъ,

Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ:

Онъ шеперь на свиданьи иномъ.

Онъ съ могучимъ Боклю ополчился шеперь;

Онъ въ сраженьи забыль про меня —

И шайкомъ опшпру я для мнлаго дверь

Наканунъ Дунканова дня.“

— „Я невласшенъ пришши! я не долженъ пришши!

Я не емѣю пришши! (быль ошвѣшь.)

Предъ Дункановымъ днёмъ одинокимъ пушёмъ

Я пойду . . . мнѣ поварища нѣтъ!“ —

„О, сомнѣніе прочь! Безмяшежная ночь

Предъ великимъ Дункановымъ днёмъ

И шиха и шемна, и свиданьямъ она

Благосклонна въ молчаньи своемъ.

Я собаку привяжу, часовыхъ уложу,

Я крыльцо пересыплю правой

И въ приюти моемъ, предъ Дункановымъ днёмъ

Безопасенъ ты будешь со мной!“

— „Пусть собака молчитъ, часовой не шрубитъ,

И права не слышна подъ ногой;

Но Священникъ ешь шамъ: онъ не спитъ по ночамъ;

Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.“ —

„Онъ уйдешь къ шой поръ: въ монастырь на горѣ

Панихиду онъ позванъ служить.

Кшо-шо былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ

Будетъ при дни поминки шворишь.“

Онъ нахмурясь глядѣлъ; онъ, какъ мершвый, блѣднѣлъ,

Онъ ужасенъ шюль при огнѣ.

— „Пусть о шомъ, кшо убишь, онъ поминки шво-
ришь:

То, бышь можешь, поминки по мнѣ!

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:

Я приду подъ защишою мглы.“ —

Онъ сказалъ . . . и она . . . я смошрю . . . ужь одна

У маяка пустынной скалы!“

И Смалгольмскій Баронъ, поражёнъ, раздражёнъ

И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.

— „Но скажи, наконецъ, кшо ночной сей пришлецъ?“

Онъ, клянусь небесами, пропалъ!“ —

„Показалось мнѣ, при блестящемъ огнѣ:

Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,

И палашъ боевой на щипи золошой,

Три звѣзды на щипѣ голубомъ.“

— „Нѣтъ, мой Пажъ молодой! ты обманушь мечшой:

Сей полуночный, мрачный пришлецъ

Былъ невласшенъ приходи; онъ убишь на пуши;

Онъ въ могилу зарышь; онъ мершвецъ “ —
„Нѣшь! не чудилось мнѣ! я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:

То былъ Рыцарь Ричардъ Кольдингамъ!“
И Смалгольмскій Баронъ, изумлень, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.

— „Нѣшь! Въ могилѣ покой! Онъ лежишь подь землей!
Ты неправду мнѣ, Пажъ мой, сказалъ.
Гдѣ бѣжишь и шумишь межъ ушесами Твидъ,
Гдѣ подьемлепся мрачный Эльдонъ,
Ужь при ночи, какъ шамъ швой Ричардъ Кольдинг-
гамъ

Пошаеннымъ врагомъ умерщвлёнъ.
Нѣшь! сверканье огня ослѣпило швой взглядъ!
Оглушенъ былъ ты бурей ночной!
Ужь при ночи, при дня, какъ поминки шворяшь
Чернецы за его упокой.“ — —

Онъ идешь въ вороша, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крупнымъ ступенямъ
На площадку, и видишь: съ печалью въ лицѣ
Одино унылая шамъ

Молодая жена — и шиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядишь
На поля, небеса, на Мершонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— „Я съ шобою опяшь, молодая жена!“ —
„Въ добрый часъ, благородный Баронъ!
„Что раскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?
„Поразилъ ли Боклю иль сраженъ?“

— „Англичанинъ разбишь; Англичанинъ бѣжишь
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей —
И Боклю наблюдашь мнѣ маякъ мой велишь
И беречься недобрыхъ гостней.“ —

При отвѣтѣ шакомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова! . . Ни слова и онъ!

И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый Баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собою говорилъ :
„Съ нимъ молчанье и сонъ! Не подымешся онъ!
„Мертвецы не вспаюшь изъ могиль!“
Ужь заря занялась; былъ таинственный часъ
Межь разсвѣшомъ и утренняя пьюмой —
И глубокимъ онъ сномъ, предъ Дункановымъ днёмъ,
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.
Не спалось лишь ей, не смыкала очей . . .
И бродящимъ открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шпшакъ и бронѣ,
Вдругъ явился Ричардъ Кольдинггамъ.
— „Ворошисъ, удалися! она говоришь. —
„Я къ свиданью шобой приглашёнъ!
„Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спишь:
„Не спрашисъ, не пробудися онъ!
„Я во мракѣ ночномъ пошасаннымъ врагомъ
„На дорогѣ измѣной убишь;
„Ужь при ночи, при дня, какъ монахи меня
„Поминаюшь — и шрупъ мой зарышь.
„Онъ съ шобой, онъ съ шобой, сей убійца ночной—
„И ужасный шеперь ему сонъ!
„И надолго во мглѣ, на пышшиной скалѣ,
„Гдѣ маякъ, я бродишь осуждёнъ;
„Гдѣ видалися мы подъ защитою шмы,
„Тамъ скишаюсь одинъ мертвецомъ;
„И сюда съ вышпы не сошель бы . . . но пы
„Заклинала Дункановымъ днёмъ!“
Содрогнулась она и смяшенья полна,
Вопросила: „Но что же съ шобой?
Дай, одинъ мнѣ опвѣтъ: пы спасень или нѣшь?“
Онъ печально пошрасъ головой.
„Выкупаешся кровью пролишая кровь, —
„То убійца скажи моему!
„Беззаконную небо караетъ любовь, —
„Ты сама будь свидѣтель шому!“
Онъ шяжелою шуйцей коснулся шпола;
Ей десницею руку пожалъ —

И десница какъ острое пламя была,

И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печашь роковая въ сполѣ вожжена:

Оспразилися пальцы на нѣмъ;

На рукѣ жь — но шайншвенно руку она

Закрывала съ шѣхъ порѣ полнономъ. —

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣ-
нахъ:

И грушна и на свѣшъ не глядишь;

Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:

И дичишься людей и молчишь.

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кшо онъ?

Та монахиня — кшо же она?

То убійца, суровый Смальгольмскій Баронъ!

То его молодая жена!

Жуковский.

На смерть В. А. Г-го,

умершаго въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ.

Когда сынъ счастья умрешь,
Вкусивши жизни сладость;
Когда къ несчастному на помощь смерть придешь;—
Гдѣ горести? Гдѣ радость?
Нераспознаемо ихъ гробъ соединишь!
Подводный камень ихъ и пристань для желаній,
Хранишель оиъ награды и наказаній,
И успрашаешь насъ и льспишь.
Кто многимъ обладалъ, — шопъ многого лишился;
Надежда лучшаго къ спенящему лешипъ
И сладкою его улыбкою манишь.
Счастливъ, кто получилъ, что поперяшь боишься;
Счастливъ, кто получишь, чего желаешь, льспишься.
Всегда рука съ рукой надежду съ страхомъ зрими
И радость съ горестью у смерныя пошели.
Сошедшися у цѣли
И завернувшися покровомъ гробовымъ,
Печаль и радость шамъ другъ друга привѣчаешь:
Смерть съ жизнью примиряешь!

Б — въ.

Печашашъ позволяешся: Февраля 23-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. VІІІ.

П Р О З А.

Мальтійскій Кавалеръ.

(Продолженіе.)

VІІІ.

„За чѣтыре года предъ симъ, (начала Вильгельмина), „жестокая бользнь моеѣ матери заставила насъ предпринять путешествіе въ Марсель: я надѣялась, что морской воздухъ и спаранія шамонскихъ Медиковъ, кои славились во всей Франціи, возвращашъ ей пошерянное здоровье. Сіе-шо обстоятельство сблизило меня съ домою Доктора Луэ, ученаго Врача и истиннаго друга челоувчешва. Здѣсь увидѣла я Лауру, прекраснѣйшее созданіе, какое я когда-либо встрѣчала. Она едва имѣла 16 лѣтъ ошъ роду; но уже во цвѣтъ юности впала въ глубокую, неизцѣлимую задумчивость. Во взорахъ ея было что-шо неизвѣянно-прогашельное; пріятная улыбка ея казалась зеркаломъ крошкой души, съ гошовностью и шерптіемъ пріемлющей всѣ спраданія, испосылаемыя ей свыше. Г. Луэ

увѣрялъ насъ, что все его старанія, что все врачевныя пособія, употребленныя для Лауры, оставались безъ успѣха. Онъ приписывалъ сіе отчасти тому, что до сихъ поръ не зналъ истинной причины ея болѣзни. Лаура никогда не повѣряла ему своихъ чувствованій; а братъ ея, Венеціанскій Морской Офицеръ, который привезъ ее въ Марсель и поручилъ сему Медику, не сообщилъ ему никакихъ подробностей о томъ: въ какое время и при какихъ обстоятельствевахъ душевная болѣзнь ея воспріяла свое начало?“

„Нѣжное участіе въ судьбѣ Лауры, а можешь быть и мысль, что мы женщины дѣйствуемъ съ большимъ успѣхомъ въ подобныхъ случаяхъ, нежели мужчины, — заставили меня рѣшиться, написать къ брату Лауры и испросить у него объясненія сей тайны. Г. Луэ одобрилъ мое намѣреніе и немедленно вручилъ мнѣ адресъ эшаго брата, который, какъ ты уже конечно опгадала, былъ общій нашъ знакомецъ, Кавалеръ *дель-Карпо*.“

„Онъ не замедилъ отвѣтомъ. Но письмо его, исполненное глубокой чувствительности, не соотвѣтствовало однакожъ моимъ ожиданіямъ: тщетно искала я въ ономъ изъясненія странной сей загадки. Меня утѣшало только одно: Кавалеръ *дель-Карпо* намѣревался самъ, въ непродолжительномъ времени, пріѣхать въ Марсель.“

„Съ письмомъ въ рукахъ, поспѣшила я къ Г. Луэ. „Онъ сюда самъ будетъ!“ — сказала я, входя въ

комнату. „Кто?“ воскликнул дрожащій голос. Это была блѣдная Лаура, коюрой я досель не примѣтила и коюрая, стоя позади меня, устремила неподвижный взоръ на письмо Кавалера. „Братъ! братъ мой!“ вскричала она, съ примѣтно увеличившимся волненіемъ; потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, продолжала помнымъ голосомъ: „Нѣтъ! Онъ меня болѣе не увидитъ! Напишите, напишите ему, чтобы онъ не пріѣзжалъ!“ Вдругъ какое-то пріятное воспоминаніе озарило ея душу; крошкая улыбка просіяла на пасмурномъ лицѣ; она ошерла свои слезы и смягчивъ голосъ, сказала: „Или нѣтъ! Пусть онъ пріѣдетъ!“

„Г. Луэ сморѣлъ на нее съ участіемъ, но сохранилъ глубокое молчаніе. Казалось, что взоры его проникали во внутренность ея души. Лаура угадывала его мысли и живой румянецъ покрылъ блѣдное ея лицо. Она въ ту же минуту удалилась въ свою комнату и съ сего времени здѣлалась еще молчаливѣе и задумчивѣе прежняго.“

„Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Болѣзнь моей матери препящствовала мнѣ бытъ часто въ домъ Доктора; за то онъ посѣщалъ насъ ежедневно и мы нерѣдко говорили о молодой несчастливцѣ, ввѣренной его попеченіямъ. Въ одно утро разбудили меня вопросомъ: не у меня ли находилась Лаура? — „Нѣтъ!“ отвѣчала я съ удивленіемъ и поспѣшила одѣться, чтобы идти къ Г. Луэ. Онъ объявилъ мнѣ, что съ самаго разсвѣта ищу ея по

всему городу. Комнату ея нашли пустою; но никто изъ людей въ домѣ не видалъ, какъ она вышла. Мы шерялись въ догадкахъ и съ ужасомъ помышляли о послѣдствіяхъ сего шансивеннаго побѣга. Разговоры наши были прерваны шумомъ, кошорый раздавался на улицѣ и, какъ казалось, у самыхъ воровъ. Незнакомецъ входитъ на дворъ и множество народу за нимъ послѣдуешь. „Здѣсь ли было ея жилище?“ спрашиваешь незнакомецъ, бросая вокругъ себя дикіе взоры. „Праведное Небо!“, воскликнулъ Г. Луэ, всплеснувъ руками. „Эпо ея браться!“ — „Нѣтъ!“ отвѣчалъ сей опчаяннымъ голосомъ. „Скажише лучше: эпо ея убійца! Вы болѣе не увидите Лауры. Она бросилась въ море.“

„Кавалеръ не имѣлъ болѣе силы продолжашъ. Г. Луэ обратился къ послѣдовавшей за нимъ полкъ и просилъ объяснишь сіе спраанное и горестное происшествіе. Одинъ пожилой человекъ разсказалъ ему слѣдующее: „Цѣлое утро видѣли мы на рейдѣ молодую дѣвушку, кошорая задумчиво ходила взадъ и впередъ и съ примѣшнымъ волненіемъ посмапиривала на корабли, споявшіе на якорѣ. Вдругъ входитъ въ гавань Венеціанскій фрегатъ. Онъ обратился на себя все наше вниманіе и мы забыли уже печальную красавицу, какъ вдругъ раздался жалобный крикъ: „Милосердый Боже! Она бросилась въ море! Она утонула!“ Нѣсколько человекъ поспѣшили за нею, но уже было поздно: волны далеко унесли несчастную, въ открытое море. Мы послали лодку, чптобы по

крайней мѣрѣ спасти бездыханный трупъ ея; но онъ былъ уже поглощенъ морскою пучиною.“

„А я злополучный,“ воскликнулъ Кавалеръ, „за шѣмъ только прибылъ въ Марсель, чшобы услышать столь горестную вѣсть! Уже въ первую минушу предчувствовалъ я, что это была бѣдная *Лаура*; а теперь совершенно уже удостоверился въ моемъ несчастіи!“

„Г. *Луэ* съ чувствомъ пожалъ у него руку. Почитая невозможнымъ, спасти *Лауру*, обратилъ онъ все свое вниманіе на несчастнаго Кавалера. Безмолвное его опчаяніе распротало всѣхъ насъ до глубины сердца. На другой день казался онъ нѣсколько спокойнѣе. Когда всѣ мы собрались вокругъ него и непрерывно изъявляли ему живѣйшее участіе; то и онъ какъ бы почувствовалъ потребность, облегчить свою душу. „Вы не знаете,“ сказалъ онъ со вздохомъ, „Вы не знаете, какъ судьба этой молодой несчастливцы шагонишь мою совѣсть. *Лаура* не была мнѣ сестра. Вопь ея Исторія, крашкая, но шроташельная: Года за полшора предъ симъ, сошечешвенникъ мой *Франческо Корво* отправился въ море съ небольшою Эскадрою, дабы усмиришь морскихъ разбойниковъ, безпокоившихъ берега наши. Я принялъ участіе въ сей Экспедиціи. Нѣсколько дней сряду преслѣдовали мы разбойничьи суда, кои съ своей стороны избѣгали всякаго съ нами сближенія. Наконецъ, въ ночи на 14-е Февраля, подошли мы къ одному изъ оныхъ на разстояніе одного вы-

спрѣла. Мы произвели огонь, сраженіе началось и, благодаря превосходству силъ и храбрости магровъ, побѣда была вскорѣ на нашей сторонѣ. Мы сѣдѣли съ кораблемъ, взошли на палубу, разсѣялись по каюшамъ и нижнимъ камерамъ и объявили побѣжденныхъ Варварійцевъ своими плѣнниками. Но еще въ жару сраженія, примѣшивъ я двухъ разбойниковъ, кон, связавъ веревками молодую, прекрасную дѣвушку, хотѣли бросить ее въ море. Съ яростию успрямился я на сихъ варваровъ, вырвалъ изъ рукъ ихъ несчастную жертву и, очищая себя пушпагою, благополучно пронесъ ее чрезъ ряды сражающихся непріятелей.“

„По довершеніи побѣды, обратился я всѣ свои попеченія на освобожденную мною дѣвицу. Она все еще находилась въ безпамятствѣ. Наконецъ, съ помощію корабельнаго Лѣкаря, привели мы ее въ чувство. Открывъ глаза, благодарила она меня на Ишаліанскомъ языкѣ и съ прогашельнымъ краснорѣчіемъ сердца. Но ужасныя сцены, коихъ была она свидѣтельница, сильно на нее подѣйствовали: Лаура впала въ жестокую лихорадку и спрала онаю нѣсколько недѣль, прежде, нежели могъ я перевезти ее къ сестрѣ моей, жившей тогда въ загородномъ домѣ своемъ, въ Доло.“

„По совершенномъ выздоровленіи и видя участіе, которое принимали мы въ судьбѣ ея, рассказала намъ Лаура всѣ подробности прогашельной своей Испорціи. Она была бѣдная сирота, вѣренная по-

печенію старой, жестокосердой шешки. Сія послѣдняя здѣлала ее служанкою единственной своей дочери и употребляла несчастную племянницу для самой низкой, самой тяжелой работы. Двоюродная сестра ея, какъ богатая наследница, скоро нашла себѣ жениха. Свадьба ихъ праздновалась въ загородномъ домѣ, на берегу моря и, между шѣмъ, какъ молодые супруги и всѣ гости предавались веселію, бѣдная Лаура, въ обыкновенномъ простомъ платьѣ и со слезами на глазахъ, занималась хозяйственными распоряженіями. Но при наступленіи вечера, воспользовалась она свободною минутою, дабы выйти на морской берегъ и побесѣдовать о горькой своей участи съ шумящими волнами. Предавшись симъ печальнымъ размышленіямъ и давъ волю слезамъ своимъ, просидѣла Лаура на берегу до глубокой ночи; наконецъ, утомленная заботами истекшаго дня, впала она въ крѣпкій сонъ и, къ величайшему своему изумленію и ужасу, пробудилась на рукахъ Варварійца, который повлекъ ее на свой корабль. Оспашокъ ея Испоріи намъ извѣстенъ.“

„Здѣсь Кавалеръ *дель-Карло* остановился; но во вѣрахахъ его изображалась какая-то мрачная нерѣшимельность. Не трудно было отгадать: что онъ имѣлъ на душѣ еще нѣкоторыя признанія, но недоумѣвалъ: сообщитъ ли намъ оныя? Мы не хотѣли принуждать его и уже въ послѣдствіи узнали чрезъ Г. *Луэ*, что бѣдная Лаура освободилась отъ одной болѣзни, чтобы впасъ въ другую. Благодарность къ своему из-

бавишело нечувствительна превратилась, въ невинномъ ея сердцѣ, въ нѣжную и спрашную любовь. Кавалеръ не могъ ошвѣстствовать ея чувствованіямъ: сердце его не было уже свободно. Извѣстіе о помолвкѣ его съ Паолою *Сенгіа* нанесло смертельный ударъ несчастной Лаурѣ.“

„Какъ?“ воскликнула Юлія. „*Дель-Карпо* женашъ?“ — „Развѣ ты позабыла (продолжала Юлія), что онъ Мальшійскій Кавалеръ (*)? Горестная смерть Лауры заставила его разрушить преднамѣренный бракъ съ дѣвицею *Сенгіа*. Тогда-то принялъ онъ сей Орденъ и на всю жизнь посвятилъ себя военной службѣ. — Но возвратимся къ бѣдной Лаурѣ. Несчастливая спрашъ къ *дель-Карпо*, совершенное его равнодушіе и наконецъ предстоявшій бракъ съ счастливою соперницею, здѣлали на нее столь сильное и неизгладимое впечатлѣніе, что она впала въ глубокую задумчивость и начала оказывать признаки сумасшества. Сіе-то побудило Кавалера, отвезши ее въ Марсель и, подъ именемъ сестры своей, ввѣрить попеченіямъ опытнаго и челоуколюбиваго Медика *Луэ*.“

„Печальный конецъ Лауры шебъ извѣстенъ. Прибавлю только, что смерть ея нанесла глубокую рану чувствительной душѣ Кавалера. Все наше участіе, все утѣшенія дружбы казались безплодными. Онъ почиталъ себя виновникомъ безвременной и

(*) Извѣстно, что Кавалеры *Св. Іоанна Іерусалимскаго*, по прежнему Сшашушамъ сего Ордена, не могли вшунать въ бракъ.

горестной ея кончины. *Дель-Карпо* оставил Марсель въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, которое возбуждало живѣйшія опасенія на собственнѣйшій его счетъ. — Долго не имѣла я попомъ никакихъ извѣстій о Кавалерѣ *дель-Карпо*. Возвращеніе мое въ опечесство, горестная потеря моей мапери, наконецъ свадьба моя и важныя современныя происшествія, разрушили все мои сношенія съ Франціею и изгладили множество прежнихъ воспоминаній. Теперь, когда Кавалеръ *дель-Карпо* появился въ нашемъ кругу, горестная Исторія Лауры возобновилась въ душѣ моей со всеми ея подробностями. При первой встрѣчѣ въ одномъ изъ здѣшнихъ обществъ, просилъ онъ позволенія, посѣтить меня. Должно сказать тебѣ, что, будучи въ Марсели, нарисовала я портретъ Лауры и что сіе обстоятельство извѣстно было Кавалеру чрезъ Г. Луэ. Находясь у меня, изъявилъ онъ желаніе, видѣть сей портретъ и говорилъ о подлинникѣ онаго съ такимъ же глубокимъ, прогашельнымъ чувствомъ, какъ и въ то время, когда мы вмѣстѣ оплакивали смерть несчастной. Вмѣстѣ съ симъ, просилъ онъ меня весьма убѣдительно, не рассказывать здѣсь никому его Историю; ибо не хотѣлъ быть предметомъ общихъ разговоровъ и ежеминутнаго, нескромнаго любопытства. Я дала слово, исполнивъ его желаніе и вопъ почему не говорила даже и тебѣ о прежнемъ нашемъ знакомствѣ. — Кавалеръ просилъ меня наконецъ, уснувшись ему

портретъ *Лауры*; но я не хотѣла лишиться онаго: изображеніе сей юной несчастливцы возбуждало во мнѣ печальныя, но вмѣстѣ и сладостныя воспоминанія. Чшобы не огорчить Кавалера моимъ отказомъ, вызвалась я, скопировать для него сей портретъ, что онъ и принялъ съ благодарностію и просилъ только позволенія, напоминать мнѣ о семъ ошъ времени до времени. — Представъ же мое удивленіе, любезная Юлія, когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, Кавалеръ совершенно забылъ мое обѣщаніе и встрѣчая меня почти ежедневно, никогда не говорилъ уже объ этомъ портретѣ. Окончивъ оный, я сама ему о томъ напомнила; но Кавалеръ все еще не приходилъ ко мнѣ и я нашлась принужденною, послать къ нему сей портретъ, съ запискою, копорую ны чинала. Въ пошъ же вечеръ встрѣпились мы у себя; *де-лю Карло* казался смущеннымъ и предпочелъ благодарить меня писменно. Онъ бы гораздо лучше здѣлалъ, если бы это совсѣмъ оставилъ. Записка его наполнена учтивостями; но я не нашла въ ней и слѣдовъ прежняго чувства.“

Разговоръ ихъ прерванъ былъ голосомъ Кавалера, который послышался въ ближней комнатѣ. Въ сіе же время объявилъ Графиня, что карены подвезены и все уже готово къ отъѣзду. Въ сильномъ волненіи и почти машинально спрашала она къ себѣ портретъ *Лауры* и съ нежностію обняла пошомъ рыдающую Вильгельмину. „Просни, любезная Юлія,“

сказала сія послѣдняя тихимъ голосомъ. „Пусть крошкѣя птѣя Лауры носится надъ шобою, какъ Гений-хранитель!“

IX.

Пушешественики наши оправились. Графиня ѣхала въ большой дорожной карешѣ, сопровождаемая маленькимъ Артуромъ и Дамою, живущею у ней для компаніи. Кавалеръ *дель-Карпо* послѣдовалъ за ними въ открытой коляскѣ, соупешвумый блѣднымъ Людовикомъ. — Нѣкошорое неизъяснимое уныніе владычествовало въ душѣ Юліи: повѣсья Вильгельмины здѣлала на нее горестное, неизгладимое впечатлѣніе. Образъ Лауры безпрестанно ей представлялся: спранный жребій сей молодой песчашливицы, злополучная ея любовь и печальный конецъ — не выходили изъ ея мыслей и придавали онымъ какую-то мрачность, поспешенно распространявшуюся на всѣ предметы.

Исторія Лауры перемѣнила, нѣкошорымъ образомъ, отношеніе Графини къ Кавалеру: до сихъ поръ видѣла она въ немъ человека, коего характеръ не согласовался съ ея характеромъ и кошораго общешво, при всемъ его умѣ и свѣденіяхъ, казалось ей скучнымъ и шягостнымъ. Отнынь находила она въ *дель-Карпо* нѣчто таиншвенное, придававшее какую-то значительность каждому его взору и слову. Всякой разъ, когда Юлія случайно выглядывала изъ карешы, видѣла она Кавалера, сидѣвшаго въ коляскѣ своей въ глубокой задумчивости и не обращающаго

ни малѣйшаго вниманія на вѣншіе предметы. Мрачный видъ его сославлялъ разительную прошивуположность съ красошами весенней Природы и съ живописными мѣстоположеніями окрешныхъ селеній.

„Что Вы такъ печальны, маминька?“ спросилъ ее однажды Аршуръ. „Во весь день не сказали Вы мнѣ ни слова! Я такъ люблю слушать, когда Вы рассказываете хорошенкїя сказочки! Или поговоримъ-ше объ Вѣнѣ, куда мы шеперь ѣдемъ, или о папинькѣ!“ — „Я очень устала, милый Аршуръ,“ сказала Юлія, едва опвѣчая на невинныя его ласки. — „Но чтожь эшо значить, маминька? Вы цѣлой день спите! Вы вѣрно не здоровы?“ Съ этими словами сѣлъ онъ къ ней на колѣни и, со всею нѣжностію своего возраста, цѣловалъ ее въ прекрасныя глаза, изъ конхъ капали крупныя слезы. Ласки Аршура распрогали Юлію до глубины сердца: различныя и опчасніи прошивуположныя чувствованія шѣснились въ груди ея. Наконецъ она почувствовала потребность, облегчить свою душу; спрянала голову въ подушки и плакала горько, какъ бы позабывъ, что она не одна была въ карешѣ.

Аршуръ сперва плакалъ вмѣшѣ съ мамерью, хотя и не понималъ, что было причиною ея горести. Потомъ, со свойственною лѣпамъ его живостию, спрыгнулъ съ колѣнъ мамери, пересѣлъ въ свой уголокъ карешы, игралъ широкими шесмами и кисточками и воображалъ, что онъ управляетъ лошадьми. Но эшаго казалось ему недовольно:

желая удостовериться, удачно ли было его подражаніе, спалъ онъ на подножку каресы, выглянулъ въ опущенное окно и выставивъ маленькую головку свою, съ любопытешвомъ посматривалъ на лошадей. Въ эту самую минушу въѣзжали они въ деревню, по каменной площинѣ. Вдругъ пронзительный крикъ пробудилъ Юлію изъ глубокихъ ея размышленій — и чтожь она увидѣла? Дверцы отворились, рѣзвый Аршуръ выскочилъ изъ каресы и Графиня, видя себя опъ страха и спчаянія, полетѣла за нимъ въ слѣдъ

Пришедъ въ память, увидѣла она себя сидящею подлѣ большой дороги и окруженною группою незнакомыхъ людей. Предъ нею споялъ Кавалеръ *дель-Карло*, державшій на рукахъ Аршура. Едва Юлія открыла глаза, какъ нѣжный малюшка съ улыбкою бросился въ ея объятія.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Подражаніе Псалму:

„Внуши Боже молитву мою.“

Услыши, Господи! Я спражду!
 Темнѣюшь пучи надо мной
 И я оспрады сладкой жажду,
 Какъ пива въ полуденный зной. —
 Бездѣ Судьбы, людей угрозы;
 Я истощилъ и слезы. . . .
 О, Милосердый Богъ! внуши
 И сердца плачь, и воиль души! —
 Какъ пасщырь, средѣ чужой долины,
 Забылъ я пѣсни счастья пѣшь.
 Кто дастъ мнѣ крылья голубины,
 Чшобъ въ лучшей край мнѣ улещшь?
 Когдабъ меня враги лукавы,
 Влекли, какъ жершву, въ смершный ровъ!
 Нѣшь! Въ чашу радосши, осправы
 Кладешъ мнѣ — дружба и любовь! —
 Я опдалъ все неблагодарнымъ; —
 Доколь же пировать коварнымъ,
 Лелѣя спрасши и порокъ? —
 Увы, слѣпцы! Межь вами рокъ,
 Незримый, съ гибелію, ходишь:
 Не ош ли шайно грусть наводишь
 На васъ, ликующихъ въ пирахъ?
 Почшо не знаеше покоя
 На вашихъ золошыхъ парчахъ,
 Среди забавъ душою ноя,
 Какъ осужденные на казнь?
 За чемъ вамъ часшо гибель сншся
 И къ сердцу робкому шѣсншся,
 Какъ змѣй, холодная болзнь?
 Нѣшь правды; осмѣли совѣсшь;
 Корысшь вашъ Богъ и мракъ вашъ свѣшь!
 Увы! объ насъ какая повѣсшь
 Дойдешъ къ попомкамъ позднихъ лѣшь?

А я, не жизни я веселой,
Творецъ! — Твоей любви прошу.
Въ груди, отъ скорби омершвѣлой,
Живое сердце я ношу.
Оно, пронзенное, шоккуешь,
Какъ горликъ въ гибельной стѣпѣ.
Пусть печесливыхъ сонмъ ликуешь;
Но Ты забытыхъ поешьи!
Что мнѣ до нихъ? Я не желаю
Ихъ благъ печесливыхъ для себя;
Въ моей шоккѣ, какъ воскъ я шаю,
Но все надѣюсь на Тебя!

О. Глинка.

У т р о.

(Изъ книги: Morgen- und Abendopfer in Gesängen, соч. Витшеля.)

Отъ свѣшлоголубыхъ чершоговъ ошдаленныхъ,
Возходишь солнце — Царь безчисленныхъ свѣшилъ.
Я, въ размышленіяхъ о Божесствѣ священныхъ,
Небесну въ духѣ жизнь и крѣпость ощушилъ.
О Искупишель нашъ, Хранишель неизмѣнный!
Ты жизнь дражайшую опять мнѣ даровалъ.
Прими, душа, прими сей даръ неоцѣненный
И съ радостью вкушай, что Богъ тебѣ послалъ;
Но въ жершву ушрению любви велицештровою
Ты сердце принеси съ моливвою смиренною!

*

Взирая вкругъ себя на тысячи швореній,
Воскресшихъ къ радости отъ солнечныхъ лучей,
Вшмай, душа моя, Природы пѣснь хваленій
И въ радости сама хвали Царя Царей!
Въ чершogi благости ошверзла дверь десница;
Созданій дивныя открылись красоты;
Съ сребрисныхъ облаковъ Всемошного десница
На жизненный нашъ пупъ бросаешь всешь цвѣшны.
Почто же человекъ сихъ благъ не ощущаетъ,
Которыя ему Природа посылаешь?

*

Почто мечтаетъ онъ о собираиьи злата,
О чуждыхъ для него сокровищахъ земли,
Исканье коихъ есть здоровья, жизни прапа?
И Крезы никогда въ нихъ счастья не нашли.
Уже ли дикіе народы спранъ далёкихъ
Съ ихъ златомъ и серебромъ счастливыи насъ живутъ?
Средь благовонныхъ миршъ, средь пальмъ лѣсовъ
глубокихъ
Уже ль спокойнѣе и пише дни ведутъ?
Уже ль прелеснѣе Природа тамъ бываетъ,
Гдѣ солнца знойный лучъ надъ головой сіяетъ?

*

Что пользы въ лакомыхъ плодахъ древесъ без-
цѣнныхъ,
Коль Ангель смерши тамъ и въ воздухѣ сокрытъ?
О, дай намъ никогда не зрѣть спранъ опдаленныхъ,
Доколь жизни лучъ и радость въ насъ блестятъ!
Не дай желашъ намъ пишь въ рѣкѣ большой, об-
ширной,
Коль можешъ и ручей въ насъ жажду утопиль!
Не въ роскоши сокрытъ источникъ жизни мирной:
Спокойствія нельзя на золоту купишь.
Желанья гдѣ живутъ, покой тамъ умираетъ:
Посредственность одна намъ счастье доставляетъ.

*

Съ спокойной совѣстью, съ сердечнымъ умилениемъ
Съ душою дѣтскою и преданной Тебѣ,
Позволь, о Боже нашъ! невиннымъ наслаждениемъ
Плѣняшься въ міръ семь, Тебя храня въ себѣ;
Тебя и день и ночь сердечно прославляя
Блаженство чувствовалъ, любовь къ Тебѣ питая!

Милашевскъ.

Рязань,
въ Январѣ, 1824.

Печатаешъ позволаешъ: Марша 7-го дня 1824 года.
Цензоръ А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. IX.

П Р О З А.

Мальтійскій Кавалеръ.

(Продолженіе.)

X.

„Милосердый Боже!“ воскликнула Юлія, обвиняя прелесшнаго малюшку и какъ бы не вѣря своему счастью. „Онъ живъ! Какимъ чудомъ спасень мой Аршуръ?“ — „Ангель-покровишель невинности, (образиль Кавалеръ), сохраниль драгоцѣнные его дни. Но знаете ли, Графиня, — (продолжалъ онъ, бросивъ на нее значительный взоръ), — что Вы и сами находились въ очевидной опасности и должны благодарить Небо за Ваше спасеніе?“ — „Въ самомъ дѣлѣ, эшо чудно!“ прервали его нѣсколько голосовъ вдругъ. „Надобно же было случиться, чшобы эшошь господинъ вышелъ изъ своей коляски и шель пѣшкомъ по площинѣ! Если бы онъ не удержаль лошадей, шо“ —

Юлія взглянула на Кавалера съ выраженіемъ живѣйшей признашельности. „Добрые люди,“ сказалъ сей, обращаясь къ шолцъ крещьянъ. „Вы напрасно

миѣ это приписываше: кареша ѣхала довольно тихо и ребенокъ былъ бы спасенъ и безъ моей помощи.— Да и Вы, Юлія,“ (продолжалъ онъ, подавая ей руку), „не должны думать, что обязаны миѣ какою-нибудь благодарностію: я былъ только орудіемъ, которое употребило Небо для спасенія Аршура и Вашего.“

Въ молчаніи взошли они въ деревню. Аршуръ, съ обыкновенною своею веселостію, бѣжалъ предъ ними; но колѣна Графини подгибались и испощенныя силы ея требовали успокоенія. День склонялся уже къ вечеру; о дальнѣйшемъ путешествіи нельзя было и думать. Юлія рѣшилась, провести ночь въ этой деревнѣ. Служители оправились впередъ, дабы приготовамишь ей комнату и постелю на ближнемъ постояломъ дворѣ; Кавалеръ повелъ ее шуда медленными шагами.

Къ счастію, нашли они здѣсь чистую и просторную комнатку, добрыхъ и услужливыхъ хозяевъ. Дѣтская кровать, споявшая въ углу, казалась какъ бы нарочно приготовленною для маленькаго Аршура. Графиня могла здѣсь расположишься со всею удобностію, какая только возможна въ дорогѣ; но, не взирая на упоменіе Физическихъ и душевныхъ силъ, ошрадный сонъ не смыкалъ ея глазъ. Она принуждена была встать, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ сѣла подъ опворенное окно, выходившее въ садъ. Густыя яблони, въ полномъ цвѣтѣ, осыпали домикъ; соловей, скрывавшійся между

ихъ вѣшьями, прерываль пишину вечера сладкогласнымъ своимъ пѣніемъ. Бальзамическія фіялки, пепсыря гвоздики, разсыянныя по всему садику, наполняли воздухъ пріятнѣйшимъ благоуханіемъ. Тихій вѣтерокъ шепшаль между вѣшьями и навѣваль сладкую прохладу на волнующуюся грудь Юліи. Полусонныя ея служанки сидѣли по угламъ комнашы, безъ всякаго дѣла и въ глубокомъ молчаніи. Кавалеръ, который шакже не могъ уснуть, задумчиво бродиль по саду.

„Вы вѣрно не здоровы?“ сказалъ онъ шихимъ голосомъ, подошедъ къ окну, подъ которымъ сидѣла Юлія. „Напрошивъ,“ ошвѣчала она: „вечерній воздухъ освѣжилъ упомленныя мои силы. Но Аршуръ мой худо спить и эшо меня очень беспокоить: онъ безпрестанно спонеть, бросаешя изъ стороны въ сторону и какой-шо багровый румянецъ покрыль его щеки. Я боюсь, чшобы эшо паденіе не произвело въ немъ лихорадки.“ — „О, беспокойство Ваше напрасное,“ возразиль Кавалеръ, ставъ одною ногою на каменный выступъ сѣсны, какъ бы для шого, чшобы удобнѣе съ нею разговаривашъ. „Всякаго рода печаль должна бышь Вамъ чуждою: Вы идѣете сегодня столько причинъ, благодарить попечительность Провидѣнія! Да и самая Природа, самая пишина вечера возбуждаешъ какое-шо опрадное, шоржественное чувство.“ Юлія бросила невольный взоръ на шемную зелень сада; пріятно-жалобныя шрели соловья раздавались еще ближе,

еще сладости прежняго; ей казалось, что маленькій пѣвецъ сидѣлъ на цвѣтущей вѣшви, надъ самою головою Кавалера. Юлія едва могла переводить дыханіе; въ прогашельныхъ пѣсняхъ соловья находила она вѣрный отголосокъ собственныхъ своихъ чувствованій. Рука ея неподвижно покоилась на окнѣ; Кавалеръ безмолвно споялъ предъ нею и — по какому-то невольному движенію, пламенные уста его коснулись сей руки. Юлія содрогнулась, но не показала ни малѣйшаго изумленія или негодованія, ни словами, ни даже взоромъ.

Жалобный крикъ проснувагося Аршура пробудилъ Графиню изъ сего забвенія. Она подбѣжала къ его постель. „Милосердый Боже!“ воскликнула она. „Я вижу кровь! Онъ кашляетъ кровью! Бѣдный ребенокъ! Это слѣдствіе его паденія! Что теперь со мною будешь?“ Съ сими словами спала она на колѣни предъ кроватью ребенка и дрожащими руками поддерживала горячую его голову.

Кавалеръ *дель-Карпо* споялъ подлѣ нея: смертная блѣдность покрывала лицо его. Испуганная мать, коей всѣ мысли устремлены были къ спраждущему ребенку, здѣлала знакъ рукою, какъ будто бы показывая желаніе, чтобы онъ удалился. Кавалеръ поспѣшно оставилъ компаню; но Юлія едва сіе задышила. Менѣе, нежели чрезъ часъ, *дель-Карпо* возвратился и принесъ съ собою нѣсколько спклянокъ съ прохладительными и укрѣпительными лѣкарствами. „Упошребите ихъ поскорѣе,“ сказалъ онъ Гра-

финь. „На первую минушу будешь эшаго доста-точно. Въ слѣдъ за мною ѣдешь сюда Лъкаръ изъ ближняго городка.“

Юлія, единственно заѣмая Аршуромъ, не знала сама, что дѣлала. Почти машинально взяла она лъкаршва изъ рукъ Кавалера и заспавила больнаго ребенка, принявъ оные. Аршуръ повиновался и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Черезъ полчаса во-шелъ въ комнашу Лъкаръ, пожилой человекъ, коего доброе и ошкровенное лицо внушало довѣренность и уваженіе. Онъ подошелъ къ поштели спящаго ре-бенка и разсмашриваль его со вниманіемъ. Юлія и Кавалеръ успремили на него пронцашельные взоры, какъ бы желая чпшашъ въ глазахъ его выраженіе спраха или надежды.

Лъкаръ безмолвно ошшелъ ошъ кровати боль-наго; на лицъ его не было замѣшно никакой перемѣны. Онъ пошребоваль воды и пригошовиль напишокъ, кошорый, ошъ времени до времени, даваль ошъ полусонному Арштуру.

Тогда Кавалеръ *дель-Карно* спросиль его ши-химъ дрожащимъ голосомъ: „Каковъ ошъ?“ — „По-дождише“, ошвѣчалъ сей. „Надобно имѣшь шерпѣ-ніе. Теперь нельзя еще предвидѣшь, какое дѣйшвие произведешъ лъкаршво.“

„Терпѣніе!“ подумаль Кавалеръ, съ шрудомъ побѣдая внушренное свое негодование. „А между шимъ она умираешъ со спраху, и я вмѣснѣ съ нею.“ Заснмъ придвинулъ ошъ сшуль къ поштелъ больнаго,

съль прошивъ Юліи и пребыль въ семъ положеніи до самаго разсвѣша, занимаясь, подобно ей, однимъ только Аршуромъ и наблюдая каждое его движеніе.

Молчаливый Врачъ ревностно занимался своимъ больнымъ и съ великою точностію давалъ ему лѣкарства. Онъ замѣчалъ въ немъ каждую перемѣну; но не хотѣлъ, прежде времени, ни обладеживатьъ, ни успрашивать печальную Графиню. Наконецъ, около 4-хъ часовъ ушра, сказалъ онъ: „Лихорадка прошла и если волненіе въ крови не возобновится, то кажешся, что нѣтъ болѣе никакой опасности.“

Юлія не смѣла вѣрять своему слуху: она попеременно смотрѣла на Докшора и на Кавалера, какъ бы желая прочитавъ въ глазахъ ихъ подтвержденіе сихъ радостныхъ словъ. Но *дель-Карпо* не могъ болѣе скрывать своихъ чувствованій: онъ заключилъ добраго Медика въ свои объятія, съ красно-рѣчіемъ сердца благодарилъ его за спасеніе Аршура и предлагалъ ему всякую награду, какой онъ только пожелаешъ!

Молчаливый Лѣкаръ улыбнулся, и сія улыбка, оживившая спокойное лицо его, показывала, что онъ принималъ искреннее участіе въ болѣзни и выздоровленіи Аршура. Между тѣмъ первый лучъ солнца проглянулъ сквозь густыя вѣтви яблони, копорая, со вчерашняго вечера, здѣлалась столь незабвенною для Кавалера. Въ сію самую минушу проснулся Аршуръ, съ блѣднымъ, но довольно веселымъ лицомъ. „Я голодентъ, маминька!“ сказалъ

онъ, обнимая Юлію, которая склонила къ нему свою голову. Проспья слова сіи опозвались въ ея сердце, подобно звукамъ прелеснѣйшей Музыки. Она поспѣшила пригоспозить ему обыкновенный упреній сущъ. Между тѣмъ Кавалеръ сидѣлъ у его постели, игралъ съ нимъ и раздѣлялъ пошомъ, во все продолженіе дня, какъ нѣжныя попеченія матери, такъ и дальнѣйшія старанія Врача. Сей послѣдній оставилъ ихъ поздно вечеромъ, съ пріятнымъ увѣреніемъ, что болѣзнь Аршура не можеть имѣть никакихъ послѣдствій. Онъ имъ даже позволилъ, отправиться въ путь на слѣдующее утро, совѣшюя однакожь ѣхать медленно и ошпорожно.

XI.

Тихая, прелесная ночь послѣдовала за симъ днемъ безпокойства и волненія. Кавалеръ просился съ Графинею и занялъ опдаленнѣйшую комнашку геспинницы, гдѣ могъ онъ свободно предашься размышленіямъ и освѣжить упоменныя свои силы. Весь домъ погруженъ былъ въ глубокомъ снѣ; одна шолько Юлія сидѣла, посреди общаго безмолвія, за писменнымъ спозикомъ и писала къ супругу своему. Она почиала за нужное, предупѣдомить его о причинахъ, замедлившихъ ея прибытіе въ Вѣну; она хотѣла предупредить опасенія, кои могла бы возбудить въ немъ сія медленность. — Рука Юліи дрожала, въ мысляхъ ея не было связи и письмо ея носило на себѣ все признаки душевнаго волненія.

Было 2 часа ушра, когда Юлія окончила и запечатала письмо свое. Она надѣялась заснуть; но благошворный сонъ бѣжалъ отъ глазъ ея. Въ комнатѣ казалось ей чрезвычайно душно. Она тихо отворила дверь и вышла изъ дома. Трудолюбивыя поселянки давно уже встали; въ кухнѣ и на дворѣ гостиницы всѣ занимались работою. Юлія замѣтила, что двери въ садъ были не заперты; тихій, упреній въперокъ привосиль ей отшуда пріятнѣйшія благовонія цвѣшовъ. Эшаго было уже довольно, чтобы выманишь ее въ садъ. На краю дороги увидѣла она бесѣдочку, слепенную изъ *козьяго листа*, находившагося въ полномъ цвѣтѣ. Еще два шага и — Юлія была уже въ прохладной ея сѣни.

„Вы конечно писали?“ спросилъ ее тихій голосъ. Юлія испугалась „Ахъ! Эшо Вы Кавалерь и шакъ рано! Я право думала, что Вы покоишесь въ глубокомъ спѣ.“ — „Развѣ можно уснуть, когда чувствуешь живую радость?“ отшвѣчалъ Кавалерь, съ жаромъ схвативъ ея руку. „Да и Вы сами, Юлія, шакже не могли или не хотѣли предаться покою!“ — „Я писала къ Графу“, отшвѣчала она послѣ нѣсколькихъ секундъ мучительнаго молчанія, „и описывала все въ подробносши. Вы можете себѣ предшавишь, Кавалерь, что я не забыла и шого, чего не умѣла сказашь Вамъ самимъ: вѣчной, неизгладимой благодарносши, которою я Вамъ одолжена за все Ваше усердіе и за всю“ — Здѣсь Графиня остановилась: казалось, что она не находила приличнаго слова.

„Юлія!“ возразилъ Кавалеръ; „я знаю, что Вы хопише сказаць; но не произносише эшаго слова, кошорое шакъ слабо, шакъ недоспашочно выражаентъ мои чувспивованія. Вы не имѣете пужды благодарить меня: Вы не знаете, какъ я шеперь богашъ, какъ я счаспливъ и какое услаждение нахожу я въ мысли, что я былъ Вамъ полезнымъ, хотя безъ всякой съ моей спороны заслуги!“

„По крайней мѣрѣ“, сказала Юлія, съ видимымъ спараніемъ, скрышь свое замѣшашельство, „не приписывайше молчанія моего шому, чтообы я не умѣла чувспивоваць“ —

При сихъ словахъ невольный шрепешъ обяль ея душу. Она не могла продолжашъ; дыханіе ея спѣснилось и слезы блеснули въ прекрасныхъ ея глазахъ. „Юлія!“ сказаць Кавалеръ дрожащимъ голосомъ. „Юлія!“ повшорилъ онъ еще разъ и какъ бы въ нѣкошоромъ забвеніи, шихо прижалъ ее къ своему сердцу. „Теперь или никогда! Позволь вѣришь шебѣ шайну, досель меня шягошившую; шайну спрашную и сладоспную. . . .“ — При сихъ словахъ заскрышла дверь сада и въ аллеѣ послышались шаги. Эшо былъ блѣдный Людовикъ, кошорый, подобно Господину своему, нигдѣ не могъ найши покоя и пришелъ разсѣяшь шоску свою подъ цвѣшущою зеленью.

Кавалеръ, какъ бы пробужденный изъ минушнаго ослѣпленія, послѣшвно опуспилъ руки. Юлія блѣдая, шрепещущая, волнуемая разнообразными, непоняш-

ными чувствованіями, — закрыла лицо свое и скорыми шагами удалилась въ домъ. Здѣсь бросилась она на колѣни подлѣ постели спящаго Аршура и, въ тихихъ слезахъ и теплой молитвѣ, ожидала часъ ошѣзда.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

Нѣчто о семействѣ Рафаэля.

Италіянскій Императоръ *Пунджилеони* издалъ, года за полшора предъ симъ, любопытную Біографію отца Рафаэлева, подъ слѣдующимъ заглавіемъ. *Elogio di Giovanni Santi, Pittore e Poeta, padre del gran Raffaello di Urbino.* Мѣстомъ рожденія сего Джіованни *Санти* полагаешь Авшоръ Кольбордоло, замокъ, лежащій близъ Урбино. Отецъ его, *Пируццуоло ди Санте*, былъ простой гражданинъ. Мнѣніе сіе противорѣчитъ шѣмъ Писателямъ, кои производяшъ родъ *Рафаэля* отъ благороднаго поколѣнія *Юлія Санція*, копорый былъ раздѣлишемъ земель во времена Константина Великаго. Отъ сего-то происходитъ наименованіе *Санціо*, копорое ошибочно приняшо вмѣсто *Санте* или *Санти*. — Помянутый Джіованни *Санти* получилъ первые уроки въ Живописи, подражая въ особенності *фрескамъ* Якова и Лоренца *Сань-Северино*, кои жили въ началѣ 15-го столѣтія и шрудилсь въ Орашоріи *Св. Іоанна Крестителя*. Изъ сравненія, копорое дѣлаешь Авшоръ между

произведеніями сего *Санті* и нѣкоторыми древними каршинами, сохранившимися въ церкви *Св. Маріи ди Ломо*, должно заключашь, что не только Джіованни, но и самъ Рафаэль ими пользовался. Здѣсь же приводятся многіе отличные Художники сего времени, кои могли служить образцами для Джіованни, какъ-то: *Антоніо ди Гидо Альберти*, *Ошшавіано Мартини ди Губіо*, *Луціанъ Лаврана-Дельматинно*, Герцогскій Архитекторъ и *Бартоломео Коррадини*, извѣстный подъ именемъ *Фра-Карневале*. — Мать Рафаэля была дочь богатаго купца *Башисша Чіурли*. Время замужества ея съ Джіованни должно полагашь вскорѣ послѣ 1480-го года; ибо Рафаэль родился въ 1483-мъ году. По смерти ея, послѣдовавшей 7-го Октября 1491, отецъ Рафаэля (въ Маѣ 1492) вступилъ во второй бракъ съ *Бернардиною*, дочерью золошыхъ дѣлъ мастера *П. ди Парте*. (Симъ опровергается мнѣніе тѣхъ, кошорые почишають рожденіе Рафаэля незаконнымъ.)

Слѣдую *Вазари* обыкновенно повѣствуютъ, что Джіованни *Санті*, не имѣя способовъ, продолжашь воспитаніе сына своего, поручилъ его *Петру Перуджино*, у кошораго самъ онъ нѣсколько лѣтъ занимался Живописью. Напрошивъ, *Г. Пунджилеони* доказываешь, что Джіованни умеръ 1-го Августа 1494, когда Рафаэлю было только 10 лѣтъ и 5 мѣсяцовъ; слѣдовательно, обещаніе сего не можешь быти справедливымъ. — Засимъ слѣдуешь исчисленіе всѣхъ каршинъ Джіованни *Санті*, о кошо-

рыхъ знаменитые современники опзывались благопріятнѣйшимъ образомъ. Тѣмъ замѣчательнѣе несправедливое и приспращное сужденіе *Боргини*, называвшаго его весьма *обыкновеннымъ* живописцемъ. Доказательствомъ мастерской кисти его служатъ слѣдующія каршины: *Св. Севастьянъ*, писанный въ 1439, для монастыря Св. Петра въ Персюзѣ. *Ланци* опзывается объ оной съ особенною похвалою. Далѣе, каршина, писанная въ 1483-мъ году для церкви Св. Франциска въ Урбино и представляющая *Бога Отца*, съ двумя Ангелами и окруженнаго Херувимами; *Пресвятая Дѣва* съ Младенцемъ Іисусомъ; *Іоаннь Креститель*, превосходнаго рисунка и опдѣлки; другіе образа Святыхъ; также поршреть мальчика, списанный имъ съ маленькаго *Рафаэля*. Лучшимъ же произведеніемъ его признаешь Г. *Шуллиеони* живопись, находящуюся въ одной часовнѣ монастыря Св. Доминика *ди Кальи*. Сюда въ особенности принадлежишь прекрасная каршина *Благовѣщенія*. Въ другой, представляющей *Воскресеніе*, Художникъ превзошелъ самаго себя. Но это было послѣднимъ произведеніемъ его кисти. Четыре молящихся Ангела и четыре другихъ, кои играютъ на арфахъ, окружають воскресшаго Спасителя. Одинъ изъ нихъ до половины сокрытъ въ облакахъ. Замѣчено, что образъ сей встрѣчается на многихъ каршинахъ Рафаэля и принадлежалъ къ любимымъ его идеямъ. Авшоръ нашъ доказываетъ, что онъ и во многихъ другихъ случаяхъ былъ подражателемъ опцовской кисти. Такимъ

образомъ находить онъ знакомое изображеніе въ Рафаэлевой каршинѣ, представляющей бракосочетаніе, которая находится нынѣ въ Миланѣ; онъ утверждаетъ, что юноша, преломляющій жезлъ, есть подражаніе увѣчанному спрылку, въ вышеупомянутой каршинѣ *Св. Себастіана*.

Г. Пунджилеоне упоминаетъ еще объ одномъ изъ первыхъ произведеній Джіованни. Картина сія, представляющая Пресвяшую Дѣву съ Божественнымъ младенцемъ, недавно куплена однимъ Ломбардскимъ купцомъ и вѣроятно находится гдѣ-нибудь въ Испаніи. Другая, писанная на холстѣ и недавно еще бывшая въ церкви Св. Варѣоломея въ Пезаро, представляетъ Св. *Іеронима* сидящаго, съ двумя колѣнопреклоненными фигурами и двумя парящими Ангелами. На другой сторонѣ, неизвѣстно для чего, изображенъ левъ и вообще въ каршинѣ сей мудрено понять идею Художника. — Далѣе приводитъ онъ картину, которая хранится въ Орапоріи Мальфіоре и представляетъ Пресвящую дѣву съ младенцемъ Иисусомъ, окруженную Ангелами, Евангелистомъ *Іоанномъ*, Апостоломъ *Павломъ*, Св. *Себастіаномъ* и *Францискомъ*, и проч. Еще одна, писанная въ 1484-мъ году, находится нынѣ въ Градарѣ и представляетъ Божию Матерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ. Предъ нею изображены: Св. *Собіа*, Святые *Стефанъ*, *Михаилъ* и *Іоаннъ Креститель*, сверхъ того еще нѣсколько другихъ фигуръ и парящіе Ангелы. Въ церкви Св. Креста въ Фано хранится образъ

Божіей Матери, которая правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ цвѣпокъ; подлѣ нея предсавлены Св. Елена, Св. Захарій и проч. Всѣ сіи головы прекрасны, но занимають на каршинѣ невыгодное мѣсто, находясь въ заднемъ грунтѣ ландшафта. На сводѣ сей же церкви изображено посьщеніе Пресвятой дѣвы Св. Елисаветѣ, съ шремя женскими фигурами и Св. Іосифомъ. Подъ онымъ означено имя Художника. *Благосъщеніе*, извѣстное между карпинами Миланской галлерей, находилось прежде въ Спингалліи. Въ Моншефіонно украшенъ олшаръ живописью сего же Художника, предсавляющею Божію Матерь, предъ коей видна группа Ангеловъ и нѣсколько лицъ изъ фамиліи *Оливьери*.

Джіованни *Сантти* былъ не только Живописецъ, но и Поэтъ. Онъ описалъ стихами дѣянія Герцога *Фридерика Урбинскаго*. Поэма сія, состоящая изъ 16-ти книгъ и 99-ти Главъ, посвящена имъ Герцогу Гидобальдо и хранится въ числѣ Вапиканскихъ рукописей 1305-го года. Опрывокъ изъ оной помѣщенъ былъ *Фр. Пуггинотти* въ извѣстномъ періодическомъ изданіи: *Giornale Arcadico*.

Второе ошдѣленіе сего сочиненія содержишь дополнителныя спашьи и примѣчанія къ первому. Здѣсь помѣщено нѣсколько писемъ ученыхъ мужей и другихъ почтенныхъ особъ нашего времени, въ числѣ коихъ находится Маркизь Аншальдо *Антальди*, изъ Пезаро. Наконецъ, въ прешьемъ ошдѣленіи, присовокуплено родословное дерево *Джіованни Сантти*,

когого поколѣніе починаешся опть нѣкопорого *Санте*, жившаго въ 1300-мъ году. Оное помѣщено здѣсь не для шого, чшобы доказашь мнимую древность сей фамиліи, копорую опровергаешь самъ Авшоръ; но для шого единшвенно, чшобы повѣришь и исправишь нѣкопорья Хронологическія ошшибки, вкравшіяся въ Біографіи *Рафаэля* и опца его.

Изъ Kunst-Blatt, сокращенно — С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С л о в а н і е.

Ее ужь нѣшь, моей весны!
Порывы бурь ее умчали!
И жершву мершвой шишины
Ужь не волнуешь счастья сны,
Ни сердцу сладкія печали!
Ее ужь нѣшь, моей весны!

*

Ее ужь нѣшь, моей весны!
Въ шуманахъ раняго закаша
Пощухло солнце спарины;
Дни жизни сердца сочшены —
И нѣшь утраченнымъ возвраша!
Ее ужь нѣшь, моей весны!

*

Ее ужь нѣшь, моей весны!
Раздался въ сердце гласъ печальной,
Какъ ропощъ порванной струны,
Какъ спонь разбившейся волны,
Какъ шихій опзывъ флейшы дальней:
Ее ужь нѣшь, моей весны!

К. Вяземскій.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. X.

П Р О З А.

Мальтійскій Кавалеръ.

(Окончаніе.)

XII.

Во весь слѣдующій день Юлія не видала или почти не видала Кавалера. Казалось, что онъ и самъ избѣгалъ всякой съ нею встрѣчи, всякаго объясненія. Признаніе, какъ бы невольно вырвавшееся изъ устъ его, шягошило его совѣсть. Юлія, съ своей стороны, упрекала себя въ томъ, что выслушала сіе признаніе и, можешь бышь, сама подала къ оному первый поводъ. — Медленно продолжали они путь свой; но сія медленность, во многихъ отношеніяхъ неприяшная, имѣла по крайней мѣрѣ шу выгоду, что поспешенно изглаждала мучительныя ихъ воспоминанія.

Въ 20-тии часахъ ѣзды опть Вѣны предстоялъ имъ послѣдній ночлегъ, въ одномъ большемъ городѣ. Они прибыли шуда довольно поздно. Кавалеръ, по обыкновенію своему, подаль руку Юліи, когда она вы-

шла изъ кареты. Графиня показывала какую-то неръшипельность, слѣдовать ли ей за проводникомъ своимъ; шаги ея были медленны, руки дрожали и на темной лѣспницѣ уронила она свой рабочий мѣшокъ и все, что въ немъ находилось. Кавалеръ, которъй можешь бышь радовался случаю, разсыяшь себя постороннимъ занятіемъ, оставилъ Юлію и, съ помощію свѣшившаго слуги, началъ подбирать разбросанныя вещи. Одинъ изъ первыхъ предметовъ, кои предшавились его взору, былъ — поршрешъ Лауры. Лицо его вдругъ помрачилось, глаза засверкали и, поднявъ поршрешъ, сказалъ онъ съ живо-спію: „Конечно Вильгельмина“ — „Нѣшь, любезный *Д-ль-Карло*,“ прервала его Графиня, „Вы сами оставили однажды эшомъ поршрешъ у меня, по обыкновенной Вашей разсыянности. Теперь случай Вамъ его возвращаешъ.“ „Случай!“ возразилъ онъ со вздохомъ. „Нѣшь, Юлія, и въ эшомъ вижу я наказующую руку Провидѣнія.“

Они простились и каждый заперся въ своей комнатѣ. Ночь насшупила, все утихло въ гостинницѣ и въ городѣ; но сладкій сонъ не смыкалъ ихъ вѣжды. Тягосшныя воспоминанія помрачали ясную душу Юліи. въ одной только молитвѣ находила она опраду и успокоеніе. Вдругъ раздася почтговой рогъ подъ самымъ ея окномъ. Казалось, что кто-то знакомый хошьль разбудилъ ее радостнымъ привѣш-спвіемъ. Юлія всшала, подошла къ окну и при свѣшѣ фонарей, поставленныхъ у ворощъ гостинницы.

узнала — своего супруга. Въ самую эту минушу Графъ выходилъ изъ кареты и имя Юліи было первымъ его словомъ. Онъ влѣшль на лѣстницу, поспѣшно пробѣжалъ чрезъ длинныя корридоры и — въ ту же почти минушу паходился въ ея объятія. Онъ проливалъ сладкія слезы радости, смотря то на нее, то на спящаго Аршура и какъ будто хотѣлъ удословѣрить себя въ томъ, что они живы и что онъ ихъ видитъ. „Я все знаю!“ сказалъ онъ. „Сегодня поутру получилъ я письмо швое. Ты можешь себѣ представишь, сколь разнообразныя чувствованія колебали мою душу, когда я читалъ его. Я поспѣшилъ къ вамъ на встрѣчу. — А добрый нашъ Кавалеръ? Видишь ли, Юлія, что я не обманулся въ выборѣ, ввѣривъ себя его попеченіямъ. Онъ, онъ былъ вашимъ избавителемъ! Пойду, поспѣшу обнять его! Благодарность есть первый, священнѣйшій долгъ, котораго надлежитъ мнѣ исполнить!“

Графъ поспѣшилъ въ комнату Кавалера, не замѣшивъ, какъ Юлія блѣднѣла и краснѣла въ продолженіе сего разговора. Но двери были заперты: казалось, что *де-и-Карло* покоился въ глубокомъ, непробудномъ снѣ. Напрасно Графъ звалъ его, напрасно стучалъ въ дверь; отвѣта не было и — Графъ принужденъ былъ оставить свое изъявленіе признательности до слѣдующаго утра.

Юлія внутренно радовалась, что супругъ ея не видаль Кавалера. Встрѣча ихъ, которая долженствовала подать поводъ къ спраннымъ, но необходимымъ

объясненіямъ, была по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ опдалена. Съ другой стороны Юлія прешла оныя мысли, что будешь свидѣтельницею упреннаго ихъ свиданія.

Она не обманулась въ семь предчувствіи. Едва успѣла она одѣться и сѣла за завпиракъ съ своимъ супругомъ, какъ отворилась дверь и *дель-Карпо*, предводимый Аршуромъ, вошелъ въ комнату. Графъ бросился въ его объятія и благодарилъ его съ проташельнымъ краснорѣчіемъ сердца. На лицѣ Кавалера изображалось необыкновенное соединеніе внушеннаго достоинства съ благородною скромностію. Слезы умиленія блистали въ глазахъ его; Юлія не смѣла возвести на него своихъ взоровъ. „Остановишесь, великодушный другъ,“ сказалъ онъ Графу. „Я не достоинъ Вашей благодарности. Позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно и судите потомъ: кто изъ насъ у другаго въ долгу? Вы думаете, что обязаны мнѣ признательностію, что на опытъ извѣдали мою дружбу. Но Вы ошибаетесь: меня одушевляло другое чувство и это была — нѣжная, пламенная любовь къ Юліи! При первой съ нею встрѣчѣ, при первомъ видѣ сихъ прекрасныхъ глазъ — сердце мое принадлежало уже Графинѣ. Я спарался скрыть, преодолевъ сію пагубную спрась; но слабость человѣческая превозмогла и — въ одну несчастную минушу, тяжкое сіе признаніе вырвалось изъ устъ моихъ. Оскорбленная Графиня наказала меня праведнымъ своимъ гнѣвомъ. Я не смѣю умо-

дальше ее о прощениі: я знаю, что не заслужилъ онаго. Но предъ Вами, почтенный другъ, долженъ я принести искреннее признаніе: если оно не уменьшитъ невольной вины моей, то по крайней мѣрѣ облегчитъ мое сердце. Онь Вашего великодушія зависитъ просити меня; но я буду еще умѣнь наказатъ себя за это минушное, горестное заблужденіе. — А Вамъ, Юлія, повторю я стихи, которые мы нѣкогда вмѣстѣ читали:

„Рази меня, рази! Тебѣ не воспрещая
И благодѣтельный ударъ не ошражаю!“

Измученный Графъ сохранялъ, нѣсколько минушъ, глубокое молчаніе: пронизательный взоръ его усшремленъ былъ на Кавалера. Но вдругъ лицо его просіяло дружественною улыбкою; онъ заключилъ *де-ль-Карпо* въ свои объятія и сказалъ: „Ты ее любишь, ты въ этомъ признаешься и мнѣ ли оскорбляешься своими чувствованіями? Любовь швоя чиста, какъ предметъ ея; безкорысна, какъ благородная душа швоя. Останься навсегда нашимъ другомъ и искреннее уваженіе Юліи да будетъ наградою швоей приверженности!“

„Такъ!“ отвѣчалъ Кавалеръ. „Все счастье моей жизни заключено въ этой любви. Я вижу въ Юліи свѣтлозарное солнце, коего благотворные лучи депреспануть озарять меня, гдѣ бы я ни находился. Всегда и повсюду будетъ она моимъ Геніемъ-Хранителемъ, невидимымъ судьей всѣхъ моихъ дѣланій. Но я не могу (прибавилъ онъ съ горестною улыб-

кою), я не смѣю оставаться съ вами: мнѣ ли, слабому смертному, приблизиться къ величественному свѣспилу Небесъ? Лучи его совѣсь бы меня ослѣпили! — Ишакъ просшите, друзья мои!“ сказалъ онъ, прижимая къ сердцу руки Графа и Юліи. „Я удаляюсь отъ васъ и удаляюсь надолго: пусть добровольная эша разлука изгладитъ минувшее мое заблужденіе и шѣмъ успокоитъ угрызающую меня совѣсь!“

XIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Графъ и Графиня, возвращившіеся въ общество, не имѣли никакого извѣспія о несчастномъ своемъ другѣ. Однажды, когда Юлія сидѣла въ своей комнатѣ, объявили ей, что пришелъ *Людвикъ*, бывший слуга Кавалера *дель-Карпо*. Графиня поблѣдилла при его входѣ. „Я догадываюсь“, сказала она, „что вы привезъ намъ печальное извѣспіе.“ *Людвикъ* кивнулъ головою въ знакъ согласія: слезы прерывали его голосъ. „Блѣдный Господинъ мой приказалъ Вамъ сказать, что *Лаура* увлекла его за собою въ морскую пучину.“ — „Какъ онъ умеръ?“ спросила Юлія, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. „Отъ ранъ, полученныхъ имъ въ морскомъ сраженіи,“ возразилъ *Людвикъ*. „Онъ долго спрадалъ, но скончался прежде, нежели успѣли мы пристать къ берегу. Тѣло несчастнаго Кавалера покоишся на днѣ моря.“

Любезная *Людвика* болѣе не существовала; но добрая старушка, мать его, находилась еще въ

живыхъ. Онъ переѣхалъ къ ней въ пошь же самый домикъ, гдѣ жилъ онъ, бывши лѣснымъ Смотрителемъ. Графиня купила оный, за нѣсколько времени предъ симъ, у его преемника и подарила печальной старушкѣ, дабы хотя нѣкошорымъ образомъ облегчить ея положеніе.

Сюда-то, онъ времени до времени, пріѣзжала Юлія, съ супругомъ своимъ и рѣзвымъ Аршуромъ, который изъ прекраснаго мальчика здѣлался уже цвѣшущимъ юношею. Здѣсь-то, подъ тѣнію березы и на берегу свѣтлаго озера, погружались они въ сладостное воспоминаніе минувшаго; разсуждали о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, о гореспяхъ и радостяхъ жизни и, каждый разъ, благословляли прахъ Кавалера, коего благородная душа доспойна была счастливѣйшей участи.

(Вольный переводъ.)

*Нѣсколько словъ объ Исторіи Государства
Россійскаго, сочиненной Н. М. Карамзиньмъ.*

Онъ беззаботно ждетъ суда
Онъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Зависпниковъ несправедливыхъ!
И имъ не разорвашъ вѣнца,
Который взяло дарованье:
Ихъ злоба — имъ однимъ спрдаданье!

Жуковскій.

На сихъ дняхъ вышедшіе въ свѣсъ *десятый* и *одиннадцатый* томы *Исторіи* даюшь намъ случай, сказашь нѣсколько словъ вообще о семъ швореніи. *Исторія Государства Россійскаго* естъ самый великолѣпный, самый прочный памятникъ, воздвигнушый въ Царшвораніе АЛЕКСАНДРА. Въ первый разъ она, какъ яркій феномень, озарила горизонтъ нашего опечесства въ 1816-мъ году.

Нельзя было сей книгъ явисья болѣе ксшапи, болѣе въ пору: эшо было блиспашельнѣйшее время Царской и народной славы. Наполеонъ започень на оспровѣ Св. Елены; посшавлена плошина гибельному попоку революцій; опрокинушые пресшолы возшпановлены, и Россійскій Монархъ, при радосшныхъ восклицаніяхъ освобожденныхъ народовъ, возвращился въ свою споллицу. — Вниманіе Европы было обращено на Россіянь, на сей народъ великодушный и для нея новый. Всѣ съ благоговѣйнымъ любопышшвомъ спрашивали: какъ создано сіе огромное

Государство, о которомъ еще въ началѣ XVII столѣтія мы рѣдко слыхивали? Какіе Герои возвысили его на сію степень величія и могущества? Кто сіи исполины, которые потрясли Спокогольмъ, Испанію и Константинополь, прикрыли щитою своимъ Вѣну, обуздали своевольство Англичанъ на моряхъ, овладѣли Берлиномъ, низложили Варшаву, покорили Испанію, перешли Кавказъ и Альпы, завоевали Парижъ, возвратили олшари Христу, пресполи Царямъ и независимость Европѣ? Въ книгѣ *Карамзина* они нашли краснорѣчивый описаніе, на доказательстввахъ основанный и вполне удовлетворительный.

Такая книга, какъ явленіе необыкновенное, произвела сильное потрясеніе въ умахъ, и соотечественниковъ нашихъ и иностранцевъ. Наши Читатели безъ сомнѣнія помнятъ, съ какимъ единодушнымъ восторгомъ была она принята жителями здѣшней столицы. *Государь Императоръ* пожаловалъ Сочинителю 60-ть тысячъ рублей на печатаніе, наградиъ его пруды Орденомъ *Св. Анны* 1-го класса и еще болѣе безпримѣрнымъ Своимъ благоволеніемъ. *Государыни Императрицы* и всѣ Члены Царской Фамиліи, въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ, изъявили ему Высочайшую благодарность. Три тысячи экземпляровъ разошлись очень скоро — и потребовалось новое изданіе, также изъ трехъ тысячъ экземпляровъ. — Увѣряюшъ, что даже экипажи, нѣсколько дней, рѣже слушали по мосшовой Петербургской; всѣ съ

спраснымъ любопытствомъ углубились въ чтеніе Исторіи предковъ, коихъ славное имя попомки не уронили, а возвеличили.— Такой благосклонный приѣмъ, по естественному ходу вещей, долженствовалъ возбудить зависть, которая вооружилась самыми оспрыми своими жалами и обратилъ вниманіе Кришки, которая указала ея погрѣшности, будучи увѣрена, что Исторіографъ симъ воспользуется для исправленія оныхъ при будущемъ изданіи. — Равнодушіе Публики есть вѣрное доказательство посредственности и близкой смерти сочиненія.

Здѣсь мы не можемъ не остановиться и не пожалѣть, что *Тургеневъ* (Н. И.), *Дашковъ* или *Блудовъ* не занялись Кришическимъ разборомъ Исторіи Государства Россійскаго. Судя по ихъ глубокимъ свѣденіямъ, по ихъ вкусу, по ихъ знанію древности и языка опечественнаго, какой бы это былъ драгоценный разборъ! Въ какомъ бы блескѣ, съ какимъ бы безприсрасніемъ и благонамѣренностію показали они намъ красоты и достоинства сей книги и великія заслуги *Карамзина*, посвятившаго сему шворенію двадцать пять лучшихъ лѣтъ своей жизни!

Нашъ Историкъ, безъ гордости и унынія, слышалъ похвалы и порицанія и не отвѣчалъ ни слова своимъ Реценzenшамъ. Онъ правъ. Это самый благородный отвѣтъ и лучшее средство, заслуживъ уваженіе въ глазахъ Публики. Если книга хороша,

по хулы забудуся; если худа, то никакія оправданія не помогушь.

Девятый томъ вышелъ въ 1820-мъ году. Онъ невольно напомнилъ о Французскомъ Историкѣ *Мезере*, у котораго *Людвигъ XIV*, прославляемый покровитель Наукъ и Художествъ — ошнѣлъ 4000 Франковъ пансіона за то, что онъ осмѣлился писать правду и осуждать въ предкахъ Королевскихъ достойное осужденія. Сей томъ Исторіи есть лучший свидѣтель попомству, что въ царствованіе АЛЕКСАНДРА благонамѣренные Писатели могли еще свободнѣ мыслишь и писать, нежели при *Екатеринѣ*. Съ ужасомъ пробѣгая кровавыя страницы душегубствъ Царя *Іоанна Васильевича Грознаго*, Чинашеть ощущаетъ въ душѣ своей то же, что путешественникъ, посѣщающій село Преображенское, гдѣ находилась Тайная Канцелярія. „Я видѣлъ“ говоритъ *Карамзинъ* (В. Е. 1803., No. 6., стр. 130.) „глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ Государственныхъ преслупниковъ. Воспоминаніе конечно горестное; но въ шу же минушу вы произносите имя АЛЕКСАНДРА — и сердце ваше опдыхаетъ!“

Чинная *десятый* и *одиннадцатый* томы, въ конхъ описывается Царствование *Федора Іоанновича*, избраніе на Царство *Бориса Федоровича Годунова*, несчастный конецъ его, похищеніе престола *Лжедмитріемъ*, происки *Лашинскаго Духовенства*,

ужасы междуцарствія, оспервенѣніе Поляковъ, ихъ гордыня, ихъ ненавистное господство, изгнаніе изъ предѣловъ Россіи, ненависть двухъ народовъ одного происхожденія,— ошь всего сердца благословляемъ мудрую Полишику воскресителя Польскаго имени. Переносимся воображеніемъ въ Варшаву и слышимъ рѣчь одного изъ Польскихъ Депушатовъ Всемилоспивѣйшему Нашему *Государю*:

„Будучи весьма крѣпко привязаны къ правамъ и обычаямъ нашимъ и не понимая, какъ возможно быши счастливыми безъ опечесства, мы не одинъ разъ принуждены были искать чужой помощи; но только Тебѣ единому, Всепресвѣтлѣйшій *Государь*, можемъ принести искреннюю дань благоговѣнія и любви нашей. *Ваше Величество* явилн на насъ всѣ вдохновенія великой души Своей; а мы обязаны явиши, сколько священная приверженность удобна возбудиши въ насъ признательность: мы съ радостью приняли на себя сію обязанность и подшвердили ее своею присягою.“

„Сердца наши желали увѣковѣчить память эпохи, шолько для насъ любезной и знаменитой. Возстановляя падшую надежду нашу, Всемилоспивѣйшій *Государь*, Ты спяжалъ всѣ благіе наши объшы, возвращая намъ опечесство; Ты обезпечилъ наше счастье, а соединяя насъ неразлучно съ древними братьями нашими, Ты соединилъ всѣхъ подъ мощный, отеческій Свой скипетръ.“

Достопамятій ошвѣтъ *Монарха* незабвенъ для Россіянъ и Поляковъ; въ немъ *Государь* изволилъ сказашь: „Присоединя Польшій народъ къ другому народу Славянскаго же происхожденія, Я ушверждаю благо его и спокойствіе. Наилучшею наградою Моею будешь то, когда увижу его счастливымъ.,,

Въ *двѣнадцатомъ* томѣ будутъ описаны дальнѣйшія бѣдствія Россіи и избраніе на пресшоль *Миханла Осодоровица* и благодѣтельное Царешвованіе сего знаменитаго родоначальника фамиліи *Романовыхъ*.

Окончимъ сію спашью прекрасными стихами *Батюшкова* къ нашему Тису-Ливію:

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отець Исторіи чиналъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушилъ; —
Народъ, любилъ громкой славы,
Забывъ респанья и забавы,
Сшоялъ — и весь вниманье былъ.

Но въ сей полѣ многопародной,
Какъ сшарца слушалъ Фукидидъ,
Любимый опрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной;
Съ какою жаждой онъ внималъ
Ошцевъ дѣянья знамениты
И на горящія ланишы
Какія слезы проливалъ!

И я шакъ плакаль въ восхищеньи,
Когда скрижалъ швою чиналь
И Геній швой благословляль
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи!
Пускай талантъ не мой удѣль;
Но я для Музь дышаль не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой Геній чувствованъ умѣль.

Въ сихъ пламенныхъ стихахъ, *Батюшковъ* опи-
саль то, что чувствуешь каждый Россіянинъ при
чненіи Истории своего Отечества.

В. уел. хол

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д р у з ь я м ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ;
При кликахъ юности безумной,
При блескѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ! Музы васъ благословили,
Въиками свыше осыня,
Когда вы, други, ошличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолопой
Не ослѣпя вашихъ глазъ,
Она не суешной работою
Не рѣзбою плѣняла насъ;
Но пѣмъ однимъ лишь ошличалась,
Что жажду Скиѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Я пилъ — и думою сердечной
Во дни минушіе лешалъ,
И горе жизни скоропечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна —
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезала въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей!

А. Пушкинъ.

Молотокъ и Гвоздь.

Б а с н я.

„По милости пвоей я весь насквозь расколошь,“
Кирпичъ пнялъ гвоздю: „за что такая злосшь?“
„За то, что въ голову меня колошишь молюшь,“
Сказалъ съ досадою гвоздь.

Кн. Вяземскій.

П а с т у ш к а.

(Переводъ съ Сицилійскаго.)

Хочу ль поговорить я съ милымъ паспухомъ
И взглядомъ милаго минушно насладишься;
То съ пряслицей въ рукахъ сажуся подъ окномъ.
Онъ подойдетъ — и вдругъ . . . вдругъ съ нипи по-
кашишся

Верешено мое, а я кричу въ окно :

„Пожалуй, подними, паспухъ верешено!“

И онъ поднявъ его, шакъ сладко улыбнешся

Что вся я виѣ себя и сердце сильно бьешся . . .

Норовъ.

Печашашъ позволяешся: Марша 21-го дня 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XI.

П Р О З А .

О Поэмах А. С. Пушкина и въ особенности о Бакчисарайскомъ фонтанѣ.

Всего удивительнѣе то, что Сочинитель сей Поэмы не имѣеть еще двадцати пяти лѣтъ ось рожденія.

С. О. 1820, №. XXXVII, стр. 154.

Это уже шрепя Поэма, сочиненная А. С. Пушкинымъ! Въ каждой изъ нихъ новое твореніе и новыя красоты! И Поэшь нашъ въ такомъ возрастѣ, когда человекъ соединяетъ съ пылкостью молодости и смѣлостью цвѣшущаго воображенія умъ зрѣлый, начитанность и опытность! Чего не льзя ожидать ось этаго могущесшвеннаго дарованія, которое исполненскими шагами идетъ къ совершеншву?

Въ *Русланѣ* Авторъ представилъ намъ древнюю Русь православную, златоверхій Кіевъ, пышнаго Князя *Владимира*, роскошныхъ Бояръ, сильныхъ богатырей Двора его и вѣщаго *Баяна*, поющаго победы Славянъ, ихъ великодушные подвиги. Содержаніемъ

сей Поэмы — похищеніе Царевны *Людмилы* изъ обьяшій супруга ея, Вишязя *Руслана*, волшебникомъ *Терпоморомъ*. Любовь Героевъ Поэмы взаимная; сердца и руки ихъ соединены. Разлука и преняшсвія къ ихъ блаженству опъ поспоронней причины; счастливая развязка еще въ первой Пѣсни предсказана. Благодѣшельный волшебникъ, покровишель нашего Вишязя, говоритъ ему:

„Русланъ, лишился пы Людмилы;
 Твой швердый духъ шеряешъ силы;
 Но зла промчишя быспрый мигъ:
 На время рокъ шебя постигъ.

 и злодѣй
 Погибнешъ опъ руки швоей.

Рама сей первожденной Поэмы обширнѣе двухъ, послѣ нея вышедшихъ. Она въ шести Пѣсняхъ; множесшво дѣйствующихъ лицъ, эпизодовъ, приключеній; чершежъ довольно сложный и незапушанный; характеры выдержаны, описанія живы, подобія вѣрны, шушки оспры, слогъ и списхи прелесшны. Вообще въ цѣлой Поэмѣ естъ цѣль нравешвенная, и она достигнуша: злодѣйство наказано, добродѣшель шоржесшвуешъ. Но говоря о подробносняхъ, нашъ молодой Поэштъ ямѣешъ право называшъ списхи свои *грѣшными*, а приключенія Хазарскаго Князя Рашипра въ жилищѣ двѣнадцати дѣвъ — *многогрѣшными*.

Въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* мѣшомъ дѣйшвія избралъ опъ великодѣшныя горы Кавказскія; изобразилъ въ ней варварскіе нравы Горцевъ, образъ жизни,

обычай, набыги сихъ воинственныхъ народовъ. Содержаніе также — любовь, но *любовь несчастная*. Въ Поэмѣ (а) два только дѣйствующія лица: *Черкешенка* и *Руской плѣнникъ*. Характеръ первой несравненно щастливѣе и совершеннѣе ошдѣланъ: она спрасшна — и спрасшь ея непорочна; душа ея возвышенна, пылка и сострадапельна.

Руской захваченъ въ плѣнь, скованъ и окровавленный брошенъ безъ чувствъ у забора

Но кто въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины,
Идѣшь, украдкою спупая?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣшомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоишь Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришь онъ
И мыслишь: „Это лживый сонъ,
Ушальныхъ чувствъ игра пустая!“
Луною чупъ озарена,
Съ улыбкой жалоспи опрадной
Кольна преклонивъ, она
Къ его ушамъ кумысь прохладной
Подносишь шихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловишь жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланишь,
Но голось нѣжный говоришь:
Живи! — и плѣнникъ оживаешь;
И онъ, собравъ ошпашокъ силъ,

(а) Мы пользуемся превосходнымъ разборомъ П. А. Плешнева. *Сорев. просв. и благод.*, 1822, No. X, стр. 24 и слѣд. В.

Вельнью милому покорной,
Привспаль — и чашей благошворной
Томленье жажды утопиль.
Пошомъ на камень вновьъ склопился
Опягощенною главою;
Но все къ Черкешенкъ молодой
Угасшій взоръ его спремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участиемъ нѣмымъ
Упѣшишь плѣнника хопѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начашой рѣчью опкрывались;
Она вздыхала — и не разъ
Слезами очи наполнялись.

Въ первый разъ жалостьъ привела добродушную
Черкешенку къ Рускому плѣннику; въ послѣдствіи
любовь, кошорой искра глубоко заронилась въ ея
сердце, — была ея вожашаемъ.

За днями дни прошли, какъ шѣнь
Въ горахъ, окованный, у спада,
Проводишь плѣнникъ каждый день.
Пещеры шемная прохлада
Его скрываетъ въ льпнній зной;
Когда же рогъ луны сребришой
Блеснешъ за мрачною горой,
Черкешенка, шропой шѣнишой,
Приносишь плѣннику вино,
Кумысь и ульевъ сошь душишой
И бѣлоснѣжное пшено.
Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешь;
На немъ покоишь нѣжный взоръ;
Съ неясной рѣчію сливаешь
Очей и знаковъ разговоръ;
Поешъ ему и пѣсни горь,
И пѣсни Грузіи счастливой

И памяти неперпѣливой
Передаешь языкъ чужой.

Замѣшимъ мимоходомъ, что въ слогъ нашего Поэта, уже давно занимающаго одно изъ почешнѣйшихъ мѣстъ между первоклассными ошечешвенными Писателями, видна вѣрная рука, водимая вкусомъ: нѣтъ ничего не яснаго, неопредѣленнаго, запушаннаго, тяжелаго. Почти вездѣ точность выраженій, съ разборчивоспью употребленнхъ; стихи плѣняютъ легкоспью, свѣжеспью, проспшою и гармонією; кажешся, что они не спшли никакой работы, а сами собою скашывались съ лебединаго пера его. (b)

Но здѣсь не о стихахъ дѣло. Намъ хочешся только очершпшь сей сильный характеръ *дѣвы горь*, ибо онъ ешть переходъ къ характерамъ Героинь *Бакисарайскаго фонтана*. Для эшаго мы принуждены выбирать мѣста, гдѣ Поэшь раскрылъ душу своей Героини. Послушаемъ, съ какою живоспью спраешся она перелишь въ равнодушнаго *Плѣнника* любовь, волнующую кровь ея.

. „Плѣнникъ милый!

Развесели свой взоръ унылый,

Склонись главою ко мнѣ на грудь,

Свободу, родину забудь.

Скрывашься рада я въ пущынь

Съ тобою, Царь души моей!

Люби меня: ничто донынѣ

Не цѣловаль моихъ очей;

Къ моей последь одинокой

Черкешь молодой и черноокой

Не крася въ шипинѣ ночной;
 Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красой.
 Я знаю жребій, мнѣ гошовый:
 Меня отецъ и брашъ суровый
 Немилому продать хощашъ
 Въ чужой ауль, цѣною злата.
 Но умолю опца и браша;
 Не шо, найду кинжалъ иль ядъ,
 Непоспѣжимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена;
 Люблю себя, невольникъ милой,
 Душа шобой упоена

Можешъ ли спрасшь изъясняшься живѣе, пламеннѣе? Замѣшьше, какъ масперски воспользовался *Пушкинъ* пылкимъ и неукротимымъ характеромъ дикихъ Горцевъ: онъ долженъ бытъ видѣнъ и въ самой невинной, молодой Черкешенкѣ. У нее гошово Азіяшское лѣкарство прошивъ принужденнаго замужства: „найду кинжалъ иль ядъ!“ говоришь она съ рѣшимостью.

И шогда, какъ она ослѣплена была надеждою; когда ей казалось, что ея счастье сшоль опъ нея близко; когда, преодолевъ Азіяшскую гордость и дѣвическую спыдливость, она первая говоришь плѣннику: *люблю тебя!* — онъ разрушаетъ все зданіе ея блаженства; открываетъ, что онъ любишь другую. Какое быстрое, сильное, внезапное пошрясеніе должно произойти въ душѣ ея! Какой неизмѣримый переходъ опъ вѣрной надежды къ опчаянію!

Раскрывъ уста, безъ словъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:

Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ ;
 Блѣдна какъ шѣнь, она дрожала ;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука ;
 И наконецъ, любви поска
 Въ печальной рѣчи излилася :
 „Ахъ, Руской, Руской! для чего,
 Не зная сердца швоего,
 Твоей любви я предалася?
 Недолго на груди швоей
 Въ забвеньи дѣва опдыхала ;
 Немного радостныхъ ей дней
 Судьба на долю ниспослала!
 Придушъ ли вновь когда нибудь?
 Ужель на вѣкъ погибла радость?
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обманушь
 Мою неопытную младосшь,
 Хотябъ изъ жадосши одной,
 Молчаньемъ, ласкою припворной!
 Я услаждалабъ жребій швой
 Забойной нѣжной и покорной ;
 Я сшереглабъ минушы сна,
 Покой поскующаго друга ; —
 Ты не хощь ;

Въ характеръ *Плѣнника* не находимъ мы такой
 опредѣленности : онъ не докончанъ. Есть однако же
 мѣста, которыя возбуждаютъ и къ нему сосре-
 даніе.

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно
 Ты пьешь лобзанія мои
 И для себя часы любви
 Проходяшь быспро, безмящечно ;
 Снѣдая слезы въ пишинтъ,
 Тогда, разстянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ, вѣчно милый ;

Его зову, къ нему спремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И шайный призракъ обнимаю.
О немъ въ пусшнѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную шоску наводишь
На душу сирую мою.,,

Далье — онъ изъясняется еще опкровеннѣе:

„Не плачь! и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ! я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, спрадалъ одинъ
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средъ пусшыхъ долинь.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будешь гробомъ эша спень;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавишь шягосшная цѣпь

Прочисавъ сїи сшхш, каждый сосшавилъ бы
ясное пониманїе о характерѣ челошѣка, въ опечесшвѣ
своемъ пылавшаго несчастною, нераздѣляемою вза-
имно спрасшїю. Еслибъ Авшоръ на эшомъ оспа-
новился: шо *Пльнникъ* его былъ бы лицомъ занима-
пельнымъ. Но онъ къ симъ чершамъ прибавилъ чер-
шпы шашемняющїя и даже унижающїя его характеръ.
На примѣрь, онъ засшавляетъ его говоришь, чшо
онъ лишился опечесшва,

. . . . Гдѣ пламенную младосшь
Онъ гордо началъ безъ зашосъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радосшь,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обшлалъ грозное спраданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ

*Надежду, радость и желанье —
И лучших дней воспоминанье
В увядшемъ сердцѣ заключилъ.*

*.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Узналъ невѣрной жизни цѣну:
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ.
Наскуча жертвой бышь привычной
Давно презрѣнной суебы,
И непріязни двуязычной,
И просодушной клеветы,
Ошшупникъ свѣша, другъ Природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.*

По этому описанію, воображеніе по представ-
ляешь челоѣка, истощеннаго наслажденіями сладо-
спрасія; по возненавидѣвшаго порочный свѣтъ и
вырвавшагося изъ стѣны, чтобы подышать сво-
бодою и насладишься красотою Природы.

*„Забудь меня; твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не шрашь со мною;
.
Безъ упоенья, безъ желаній,
Я влну жершвою спрасшей.„*

Такія щемныя слова въ ушахъ челоѣка, пламенно
любимаго, невольно заспавлиють насъ видѣшь въ
немъ холоднаго эгоиста, разврашнаго въшреника.
Ему бы легче и благороднѣе было опказаться опъ
новой любви посшоянною своею привязанностью,
хоща первая любовь его и опвергнуша: шѣмъ

вѣрите заслужилъ бы онъ состраданіе и уваженіе Черкешенки (с) Между шѣмъ, слова: *твоихъ восторговъ я не стою*, или: *безъ желаній, я вяну жертвою страстей* — охлаждающъ всякое участіе въ судьбѣ его. Несчастнѣйшій любовникъ могъ бы сказать ей: *мое сердце гуждо новой любви*; но кто имѣешь причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, пошъ разрушаешь всякое очарованіе на счетъ своей нравственности. По сихъ поръ *Руской пльничкѣ* заспавляешь насъ жалъшъ о своей холодности; но сказавъ:

Другаго юношу зови!

.
*Недолго женскую любовь
 Пегалитъ хладная разлука;
 Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
 Красавица полюбитъ вновь. —*

Пльничкѣ производилъ въ сердцѣ негодованіе. Такія слова прилично сказать измѣнившей ему свѣтской прелестницѣ, а не дѣвицѣ добродѣтельной, сельской, пылающей неистощимою страстью, копорая пошухла шолько съ ея жизнію.

Довольно о характерахъ! Какъ въ *Русланѣ* картина стараго поля битвы, единоборства Руслана съ Рогдаемъ, свадебнаго пира, шакъ въ *Кавказскомъ пльничкѣ* великолѣпная картина заоблачныхъ горъ, набѣги и хищности, образъ жизни, нравы и обычай

(с) Покорнѣйше просимъ нашихъ Читателей не выпускать изъ виду, что мы руководствуемся въ сужденіяхъ о *Кавказскомъ пльничкѣ* Кривикою П. А. Плещинева, безпристрастною и на шравилахъ хорошаго вкуса основанною. В.

Горцевъ, начершаны вѣрною и опважною кистью,
красками яркими. Сии ошрывки могли бы съ чесцію
заняшь мѣсто въ Поэмѣ Эпической.

Кавказскій пльиникъ выше *Руслана* и *Людмильы*
въ *Лишперашурномъ* и *нравшвенномъ* опношеніи,
и обѣ должны усшунить *Бакгисарайскому* *фонтану*.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ О. Н. Глинкѣ и С. Е. Митѣеву:

Друзья! Лишь шолько шопь Писашель
Досшопнь высочайшей славы,
Бышь названъ благодѣшель смершныхъ,
Кшо жизнью чистшой, нешорочной
И благодашними шрудами,
Жрецъ добродѣтели вершопный
И проповѣдникъ жаркій Вѣры,
Одушешляемый любовью,
Благоволеньемъ къ человекамъ,
Воспламеняешъ въ нихъ спремленье
Къ возвышенному и свашому.

Погибеленъ шаланшъ блестящій
И умъ игривый ошпроумца,
Когда онъ развращаешъ нравы
И опнимаешъ Вѣру въ Бога,
Надъ безкорышнемъ смѣшся,
Зовешъ невинношъ предразсудкомъ,
Любовь къ ошечешву мечшюю,
Души безсмершье небылицей,
А сошсть дѣшскою привычкой
И привидѣнемъ слабоумныхъ,
Красношѣчивый ишпрешителъ
Всего прекраснаго, благаго

И освященнаго вѣками,
Напрасно золошо и мраморъ
Въ чершюгахъ пышно разсыпаетъ,
Когда украсивши снаружи
Онъ подрываетъ ихъ основу.

Пусть намъ отвѣщъ дадутъ Софисты,
Гельвецій, Дидерошъ, Спиноза:

Кого безбожіе ушъшишь?

Кому ничтожество пріятно?

Кому не нуженъ якорь Вѣры?

Несчастному ль, кошорый въ гробѣ

Похоронилъ свое блаженство? —

Нѣтъ! взоръ его, въ слезахъ пошухшій,

Педьяшъ горѣ, къ сшранѣ свиданья.

Вдовѣ ль и машери, сидящей

Съ груднымъ пренещущимъ младенцемъ

На пелѣ хижины сторѣвшей? —

Но безпріюшная съ надеждой

Покрова просишь опъ ненастья

У Богомашери Скорбѣщей;

Съ молишвой руки просшираешъ

Къ Тому, кшо въ небесахъ обширныхъ,

Обишели имѣетъ многи.

Иль сирощъ, кошорый въ люлькѣ

Забышь опщемъ себя-любивымъ

И брошенъ машерью разврашшой? —

Ахъ, нѣтъ съ смиреньемъ и любовью

Онъ опъ Опца сирощъ бездомныхъ

Моляся ждешъ усыновленья,

Счастливицу ли? — Но онъ желаетъ

Продлишь за гробомъ наслажденье

И жишь въ сшранѣ, гдѣ нѣтъ разлуки,

Съ подругою, съ дѣшми, съ семействомъ

Имъ одолженныхъ брашій — нищихъ.

Когожь безбожіе ушъшишь?

Кому ничтожество пріятно?

Кому не нуженъ якорь Вѣры?

Монарху ли? — Царь добрый видишь
Надзоръ Святаго Провидѣнья;
Онъ видишь, что Цари и Царства
Онъ дуновенія Господня
Расшуть, цвѣшуть и померкають;
Онъ видишь — и съ душою ясною
Госновъ отдашь опчешь въ правленьи
Царю Царей и Сердцевѣдцу
И промѣняшь корону міра
На праведныхъ вѣнецъ нешлѣнный.
Герою ли, который въ брани
За честь, опчизну и свободу
Во прахъ бросаешь жизнь опважно? —
Нѣтъ! онъ среди ужасовъ и крови
Зришь храмъ безсмертія опшверстымъ
Для Вишазей добра и чести,
Зарю величія и славы
Всенасладипельной и чистой.
Судьѣ ль, который подъ сверканьемъ
Сѣкирь, при видѣ эшафота,
Прошивъ мучителя съ спокойной
Рѣшимостью и швердымъ духомъ
Свяшую правду защищаешь? —
Нѣтъ! Презирая казнь и ссылку,
Зашупникъ крѣпкій за невинность,
Не въ семь — въ помъ міръ ждешь награды
Ошь Бога истины и свѣта.
Нашавнику ли? — Умъ незрѣлый
Воспитанниковъ развернувши
И къ добродѣтели высокой
Ихъ чистыя сердца направля,
Онъ видишь съ сладкимъ восхищеньемъ
Въ младыхъ цвѣшахъ плоды безсмертья.
Не земледѣльцу ли, который,
Склонясь на плугъ, лешъ пошь кровавый
И въ горь, нищеть, работъ,
И безпрерывной и тяжелой,
Нерѣдко не имѣешь корки

Насущнаго сухаго хлѣба,
 Чшобы смочить его слезами
 И раздѣлишь съ полунагими
 Дѣвными и милою женою,
 Полуиссохшею онѣ скорби? —
 Нѣтъ! цѣлый вѣкъ неся съ шерстьемъ
 Тяжелую сей жизни ношу,
 Покорный власни предержащей,
 Онъ видѣть при концѣ дороги,
 Какъ мореходецъ послѣ бури,
 Какъ рашникъ послѣ грозной биввы, —
 Зелены пальмы предъ собою,
 И смерть къ одру его слѣшаетъ
 Съ улыбкой, въ образѣ младенца.
 Какъ будшо шихимъ сномъ забывшись,
 Блаженный спарець умираешь,
 Сказавъ сынамъ: „До воскресенья!“

Безбожіе — злодѣевъ вѣра,
 Ничпожество — приющъ разврата,
 Убийства, мести и коварства.
 Безбожники-Софисмы видящъ
 Во всей вселенной неусиройство,
 Землетрясенія и пламень
 Горь огнедышущихъ кровавий,
 И змій и смрадныя болоша.
 Доводы ихъ — проказа, язва,
 Безуміе, война и сердце,
 Холодное къ красамъ Природы,
 Безжалостное къ чловѣкамъ,
 Неблагодарное къ благому
 Виновнику прекрасной жизни.
 Ихъ өміамъ курящъ несчашья,
 Ихъ жрець — печальный оставъ смерти,
 Ошарь — ужасная могила,
 Ихъ богъ, досшойный ихъ, — ничпожность!

Друзья, сравнимъ! Какая разность
 У Бога ихъ съ Творцомъ и Богомъ
 Паскаля, Лейбница, Невшона,

Сихъ мудрецовъ Христолюбивыхъ,
Сихъ Христіанъ смиренномудрыхъ.
Паскаль, Невшонъ, Боннешъ и Лейбницъ

Указывающъ человѣкамъ

Его — Вину любви и свѣща:

Въ великолѣпнй вселенной,

Въ разнообразіи, въ единствѣ,

Въ величествѣ, красѣ, богашествѣ,

Въ согласіи, въ порядкѣ спройномъ

И въ постепенности творенья;

Въ высокихъ чувствованьяхъ сердца,

Въ любви супруговъ непорочной,

Въ святой привязанности къ дѣтямъ,

Въ покорной нѣжлости къ родившимъ,

Въ смиреннй, самоопверженьи,

Въ небесной спраснй пылкой дружбы,

Въ готовности для счастья ближнихъ

Погибнушь съ сладкимъ наслажденьемъ!

Богъ Христіанъ — Богъ утѣшитель.

Онъ опираетъ наши слезы,

Онъ насъ пріемлетъ въ колыбели,

Ведетъ дорогой шрудной жизни,

Не оставляетъ и въ несчастьи,

Когда насъ другъ и братъ осшавишь,

И у могилы намъ вѣщаетъ:

„Утѣшьшесе, спрадальцы въ жизни!

„Есть лучшій міръ, есть жизнь другая!„

Блаженъ, спокрапъ блаженъ Писатель

Славолюбивый, не щеславный,

Свободный, но не своевольный;

Писатель — своего паланша

Ни изъ награды, ни изъ спраха,

Ни изъ желанья славы міра

Не помрачившій лешью низкой,

Ни подлой жадностью къ корысти,

Который, освятивши душу,

Какъ чистый храмъ, обителъ Бога,

Самъ шель прямой дорогой жизни,

Съ свѣшльникомъ небесной Вѣры,
И освѣщаль другимъ дорогу
Сквозь мракъ спрасшей и заблужденій.

Блаженъ, спокрашъ блаженъ пошъ смерпный,
Который, такъ какъ вы, въ семь мѣрѣ
Онъ юноши умѣль поспигнуть
Цѣль истинную нашей жизни
И не шеряль ее изъ вида!
Всегда съ самимъ собой согласный,
Дѣлами исполнишь Вѣры
И правосудія блющишь,
Онъ съ каждымъ днемъ яснѣ видишь
Ликъ свѣшльй истины небесной,
Которая на краѣ гроба
Предъ нимъ покровъ шуманный сбросишь,
И взорамъ добраго предстанешь
Во всемъ величествѣ и блескѣ.

Восѣковъ.

Дерпшъ, 1818.

Печашашъ позволяешся: Марша 26-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. *Бирюковъ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XII.

П Р О З А .

*О Поэмахъ А. С. Пушкина и въ особенности
о Бакчисарайскомъ фонтанѣ.*

(Окончаніе.)

Въ сей послѣдней Поэмѣ дѣйствіе происходитъ въ Тавридѣ. На семь полуостровѣ прекрасная Природа величественна, но не ужасна; дика, но не мрачна. Поэшь изобразилъ здѣсь полуварварскіе нравы Ташаръ, нѣсколько смягченные роскошью, сосѣдствомъ съ Европейцами, знойнымъ климатомъ и Искусствами; раболовный Дворъ Хана; жизнь несчастныхъ невольницъ его, заключенныхъ въ Гаремѣ; ихъ занятія, забавы, скуку; спросити Азіяшокъ, вооруженныхъ кинжаломъ, всегда готовыхъ на убійство и преступленіе.

Планъ не хитрый; не многосложный, но искусно развернутый; ходъ легкій, связь естественная, занимательность, часъ опъ часу, возр стаетъ; характеры привязываютъ, положенія прогаютъ. Пушкинъ

вездѣ находишь случай говоришь сердцу и не приводишь насъ въ досаду неумѣстной шумливостью шамъ, гдѣ должно шроганъ; не чуждаешься *высокаго*, если оно ему предшавляется, и *Трагическаго*, если оно не чуждо его предмету. Все это требовало глубокаго знанія мѣстности, необыкновенной кисти и яркихъ, особенныхъ красокъ, для сихъ новыхъ картинъ, при взглядѣ на конюры Европейскій Чипашель переносился бы въ Тавриду, въ роскошные чертоги Хана, гдѣ вѣчно бьются холодные фоншаны; въ сады его, гдѣ всегда благоухающъ розы и ясины, зрѣющъ золотой лимонъ и смѣющся яхонтовые кисти винограда.

Гирей, Ханъ Крымскій, въ набѣгъ своемъ взялъ въ плѣнь Марію, Княжну Польскую, влюбился въ нее и для сей новой спраски, измѣнилъ прежней своей любимицѣ — Заремѣ. Сія ревнивая Грузинка, отдавшая его сердцемъ и сама спрасно въ него влюбленная, умерщвляетъ невинную соперницу свою и за то осуждена къ смерти и — брошена въ море. Неупышный Гирей

Воздвигнулъ мраморный фоншанъ,
Въ углу дворца уединенный:
Надъ нимъ Кресномъ осынена
Магомешанская луна.
(Символь, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина!)
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сглажена она.
За чуждыми ея чертами,
Журчишь во мраморъ вода

И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачешь мать въ дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ ной спранѣ
 Преданье старины узнали
 И мрачный памятникъ оиѣ
Фонтаномъ слезъ имяновали.

Вопиь содержаніе! Разсмотримъ подробности;
 опредѣлимъ особенноти сей драгоценной бездѣлки,
 сего алмаза, ешоль прелесно обдѣланнаго. Грозный
 Ханъ печально курилъ шрубку, безмолвные рабы
 шѣснились вкругъ него, онѣ махнулъ рукою — и
 всѣ псчезли. Гирей остался одинъ и вздыхашеъ
 свободнѣе. Но онѣ чего онѣ шакъ грушенъ?

Чшо движенъ гордою душою?
 Какою мыслью заняшъ онѣ?
 На Русь ли вновь идешъ войною,
 Несешъ ли Польшѣ свой законъ?
 Горншъ ли месшю кровавой?
 Ошкрылъ ли въ войскѣ заговоръ?
 Спрашишся ли народовъ горъ
 Иль козней Генуи лукавой?

Прочитавъ сіи стихи, мы имѣемъ уже досшашоч-
 ное понятіе о правахъ хищныхъ Ташаръ, о Поли-
 шическихъ отношеніяхъ Крыма къ сосѣдственнымъ
 Государствамъ; объ ужасѣ сихъ временъ, когда не знали
 никакихъ народныхъ правъ, кромѣ силы; когда все
 рѣшалось — копьемъ и саблею и плѣнныхъ про-
 давали въ рабство, безъ различія пола и возраста.
 Вся Исторія Ташарскихъ набѣговъ заключена въ
 семь опрывкѣ.

Прекрасна картина Гарема; мастерски описаны забавы прелестных невольницъ, въ немъ заключенныхъ; превосходно начертанъ характеръ Гирей, неукротимаго Воспочнаго Деспота, укрощеннаго любовью, изъ шигра сдѣлавшагося агнцемъ; жалкое существованіе раболѣпнаго Евнуха, кошораго

— — ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.
 Его спараньемъ заведёнъ
 Порядокъ вѣчный: воля Хана
 Его единственнѣйшій законъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ пшуканъ онъ переноситъ
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,

 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и на волѣ;

поршреть Заремы — звѣзды любви, красоты Гарема; но описаніе плѣна, и несчастныхъ приключеній Польской Княжны Маріи составляетъ существенное достоинство Бакчисарайскаго фоншана и сшавишь его несравненно выше *Руслана и Кавказскаго плѣнника*. До сихъ поръ *Пушкинъ* не написалъ ничего благороднѣе, возвышеннѣе, свяшѣе!

Вѣрно нашъ молодой соотечественникъ прочиталъ краснорѣчивый ошривокъ *Шатобріана* о *Вольтерѣ*: „Еслибъ намъ неизвѣсна была,“ говоритъ онъ, „несчастливая система, кошорая оледнѣяла Пшшическое дарованіе *Вольтера*; то для насъ трудно было бы понять, что заставило его предпочесть Аллегорическія божества Христіянству. У него есть нѣко-

шорая шеплоша въ шѣхъ мѣсцахъ его Поэмы, гдѣ онъ пересѣкаешъ бышь Философомъ и дѣлаешся Христіяниномъ. Какъ скоро коснулся онъ Религіи, сего источника всего Писшического; по родникъ хлынулъ изобильно. Еслибъ *Вольтеръ*, пакже какъ Сочинишель Говоліи, былъ напишанъ духомъ Религіи; еслибъ, подобно ему, изучилъ Св. Ошцовъ и древности; еслибъ не бросался во всѣ роды и за всѣми предметами; — шо въ его Поэзіи было бы несравненно болѣе мужества и силы, а проза его приобрѣла бы шу скромность и важность, кошорыхъ споль часто недошашешъ въ ней.“

О другъ! служенье Музь
Должно бышь ихъ досшойно.

Возвратимся къ Бакчисарайскому фоншану. Недавно непорочная Марія, Ангель красошы, заключена въ Гаремъ; ошець ея погибъ, замокъ разграбленъ, свѣшлица ея опустѣла

Увы! Дворецъ Бакчи-Сарая,
Скрываешъ юную Княжну.
Въ неволѣ шихой увядая,
Марія плачешъ и грушишь.
Гирей несчастную щадишь:
Ея унынье, слезы, споны
Тревожашъ Хана крашкій сонъ
И для нея смягчаешъ онъ
Гарема спроеіе законы.
Угрюмый спорожь Ханскихъ жёнъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входишь;
Рукой забошливой не онъ
На ложе сна еѣ возводишь;
Не смѣешъ усшремишься къ ней
Обидный взоръ сго очей;

Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ Ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущашъ покой;
Гарема въ дальнемъ ошдѣленьи
Позволено ей жить одной
И, мнился, въ шомъ уединеньи
Сокрылся нѣкшо не земной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души поскующей опрада —
Тамъ упованье въ пишинѣ
Съ смиренной Вѣрой общаешь
И сердцу все напоминаешь
О близкой, лучшей споронѣ.
Тамъ дѣва слезы проливаешь
Вдали завистливыхъ подругъ,
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ ушопаетъ,
Святыню спрөгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ
Такъ сердце, жершва заблуждений,
Среди порочныхъ упоений
Хранишь одинъ свяшой залогъ,
Одно божественное чувшво

.

Съ какимъ искусствомъ описаль онъ ошорожность
Евнуха; возможность, прокрасься Заремъ въ спальню
къ Польской Княжтѣ; съ какою хипросшю приго-
шовлены къ этому свиданію всѣ обшояшельсшва—
и какая сцена!

Насшала почъ

Дворецъ ушихъ; уснулъ Гаремъ,
.

. спражъ надежный,

Дозором обошелъ Евнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилѣжный
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму:
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чуждые ему.
Обмануемый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Испуганнымъ прикинулъ ухомъ;
Но все вокругъ его молчитъ.

.
Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна;

Едва дыша всматъ она.

Идешь Рукою поропливой

Открыла дверь; во шмѣ ночной

Спускаешь легкою ногой.

Въ дремошѣ чушкой и пугливой

Предъ ней лежишь Евнухъ съдой

.
Какъ духъ, она промчалась мимо!

.
Предъ нею дверь. — Съ недоумѣньемъ

Ея дрожащая рука

Коснулась вѣрнаго замка

Вошла, взираешь съ изумленьемъ —

И тайный страхъ въ нее проникъ.

Лампады свѣтъ уединенный,

Кивотъ печалью озаренный,

Пречистой Дѣвы крошкѣй ликъ

И Крестъ, любви символъ священный

.
Предъ ней покоилась Княжна,

.
Спорхнувшій съ неба сынъ Эдема,

Казалось, Ангель почиваль

И сонный слезы проливалъ

О бѣдной плѣнницѣ Гарема.
 Увы, Зарема! что съ тобой?
 Спѣснилась грудь ея поскою,
 Невольно клоняшся кольна
 И молишь: „Сжался надо мной,
 Не опвергай моихъ моленій!“,
 Ея слова, движенье, спонь
 Прервали дѣвы шихій сою;
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришь,
 Въ смяшени, пренешной рукою
 Ее подьемля, говоришь:
 „Кшо ты? одна, порой ночью
 За чѣмъ ты здѣсь?“ — „Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня!“

Въ этомъ словѣ заключающся и увѣренность въ высокой добродѣтели ея соперницы, и вся дерзкая рѣшимость Грузинки Заремы, и весь адъ любви и ревности, кипящій въ груди ея. Сіе посѣщеніе, сія подогнувшіяся кольна, сіе признаніе, невольно вырвавшееся изъ ея сердца и открывающее шайну, кошорую она опъ себя самой ушайшь бы желала: вопъ шоржештво Генія! Вопъ Природа, кошорую поймалъ онъ въ самыхъ сокровенныхъ ея дѣйствіяхъ! Кажешся, что слезы и споны задушашъ Зарему, что послѣ эшаго слова она ничего произнеси не будешъ въ соспоаніи. Но Поэшь знаешъ, что при внезапномъ сильномъ потрясеніи, человекъ находить въ себѣ и силы необыкновенныя. Грузинка продолжашъ:

„ Въ моеи судьбѣ
 „Одна надежда мнѣ осталась;

Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день опъ дня
 И шѣнь блаженства миновалась!
 Я гибну. Выслушай меня.“

„Родилась я не здѣсь; далѣко,
 Далекое но миновавшихъ дней
 Предмешы въ памяти моей
 Донинѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Пошоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море
 И человекъ въ вышинѣ
 Надъ парусами Сстрахъ и горе
 Донинѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ,
 Въ шѣни Гарема процвѣтала
 И первыхъ опышовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья шайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣлъ;
 Пресѣкъ ужасныя набѣги
 И свой Гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ Хана въ смущномъ ожиданьи
 Предспали мы. Онъ свѣщлый взоръ
 Оспановилъ на мнѣ въ молчаньи;
 Позвалъ меня и съ эшихъ поръ
 Мы въ безпрерывномъ упоеньи
 Дышали счастьемъ — и ни разъ
 Ни клевета, ни подозрѣнье,
 Ни злобной ревности мученье,
 Ни скука не смущала насъ.
 Марія! Ты предъ нимъ явилась
 Увы! Съ шѣхъ поръ его душа

Преступной думой омрачилась;
 Гирей измѣною дыша,
 Моихъ не слушаешь укоровъ;
 Ему докучень сердца спонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преступленью не причастна,
 Я знаю; не швоя вина
 И шакъ, послушай! я прекрасна;
 Во всемъ Гаремъ шы одна
 Моглабъ еще мнѣ бышь опасна;
 Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь!
 За чемъ же хладной красошой
 Ты сердце слабое превозишь?
Оставь Гирея мнѣ; онъ мой!
 На мнѣ горять его лобзанья,
 Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
 Давно все думы, все желанья
 Гирей съ моими согеталъ.
 Меня убьетъ его измѣна.“

Поэшь нашель дорогу къ сердцу Чипашеля;
 шеперь онъ проникаеть въ него глубже и глубже.
Онъ мой! Меня убьетъ его измѣна! поднимають
 волосы дыбомъ. Чего не лзя ожидать онъ жен-
 щины, у кошорой любовь и ревность дошли до
 шакой шепенени?

„Я плачу; видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ шобой.
 Молю, винишь шебя не смѣя:
 Ошдай мнѣ радостъ и покой,
 Ошдай мнѣ прежняго Гирея! . . .
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой! Онъ осмѣленъ тобою;
 Презрѣшьемъ, прозьбами, шоскою,

Чѣмъ хочешь отврати его!

Клянись!“

Слова ужасныя: въ нихъ соединены зависть, ненависть, угрозы, бунтующія въ сердце Заремы. Чипателъ уже видитъ вдали мщеніе, подающее кинжалъ сей ослѣпленной женщинѣ; знаешь, что Религія и правила Нравственности не остановяшь руки ея — и пренецешь за Марію.

„Но слушай! . . . если я должна
Тебѣ кинжаломъ я владѣю;
Я близъ Кавказа рождена.„

Слова ненавистныя: но онѣ сообразны съ характеромъ, положеніемъ и нравами Заремы. Въ Сераль не щадящъ соперницу, онѣ кошорой кинжалъ свободишь можешь.

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣешь слѣдовать Княжна.
Невинной дѣвѣ непоняшенъ
Языкъ мучительныхъ спраспей;
Но голосъ ихъ ей смутно вяшенъ,
Онѣ спраненъ, онѣ ужасенъ ей.

Онѣ сего стиха до конца, вся Поэма есть прогашельная Элегія. Сердце не вынесло бы болѣе, — нашъ Поэтъ это знаешь; онѣ спѣшишь дашь опдохнушь ему. Сильныя, мучительныя спраспи умолкли и шихое чувство гореспи, заспуная ихъ мѣсно, непримѣтно переходишь къ чувству унынія.

Какія слезы и моленья
Ее спасушь онѣ посрамленья?
Чшо ждешъ ее? Ужели ей
Ошпашокъ горькихъ юныхъ дней
Провесшь наложницей презрѣнной?

О Боже! если бы Гирей
Въ ея шемницѣ ошдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ!
Съ какой бы радостью Марія
Оспавила печальный свѣшь!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣшь.
Что дѣлашь ей въ пустынь мѣра?
Ужь ей пора: Марію ждущь!
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовущь.

.
Промчались дни: Маріи нѣшь!

.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоскаль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло?
Кшо знаешь? Нѣшь Маріи нѣжной!
Дворецъ угрюмый опустиль;
Его Гирей давно оспавилъ;
Съ шолпой Ташаръ въ чужой предѣль
Онъ злой набѣгъ ояшь направилъ.

.
Забышый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зришь его лица;
Тамъ обреченныя мученью,
Подъ спражей хладнаго скопца,
Сшарбюшъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣшь; она
Гарема спражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ шу ночь, какъ умерла Княжна,
Свершилось и ея спраданье!

Какаябъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Пушкинъ оканчиваетъ прекраснымъ Эпилогомъ въ честь Тавриды и общаніемъ, скоро возвратишься на веселыя берега Салгира; въ сады, гдѣ яншарь и яхонть винограда маняшь жадный взоръ Сѣвернаго путешественника,

И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумишь
Вокругъ утесовъ Аю-Дага

А мы окончимъ сію спашью Папріотическимъ желаніемъ, чшобы нашъ славный соотечественникъ, столь много исполнившій и столь многое обещающій, рѣшился посвятивъ нѣсколько лѣтъ на сооруженіе отечеству и себѣ вѣчнаго памятника: подарилъ бы Россіи — Эпическую Поэму! Наша Исторія богата предметами, достойными Эпопеи: Владиміръ Великій, Іоаннъ покоритель Казани, Ермакъ завоеватель Сибири — ожидающъ Пѣснопѣвца.

Эпическая Поэма есть такой памятникъ, который переживетъ вѣки. Аѳины и Римъ живы въ пѣсляхъ Гомера и Виргилія!

В. Смирновъ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Чувствованія во время грозы.

Какъ мрачной ризою, черны тучи
 Подернули небесъ лазурь;
 Въ поляхъ клубишся прахъ лешучій
 Дыханіемъ грозящихъ бурь.
 Дубравъ колеблюшя вершины,
 Содрогаешъ горы и пучины,
 Разсыпашъ молнійной браздой,
 Ударилъ громъ въ концы вселенны —
 И смершнній, въ спрахъ ниць склоненный,
 Зовешъ Незримаго мольбой.

*

„Се Онъ! Се грянулъ Вседержитель!
 Се Онъ, сердцеъ всѣхъ Судія!
 Поборникъ правыхъ, злобныхъ мешишель,
 Въ чьей длани жребій бышія!,, —
 О слабый смершнній! Нужны ль громы,
 На огненныхъ крилахъ несомы,
 Къ повѣданью тебѣ Творца?
 Рождень съ безсмертною душою,
 Познай любовію свяшою
 Всецедраго къ тебѣ Ошца.

*

Твой сердца гласъ краснорѣчивый
 О немъ всечасно говоришь.
 И сонмъ свѣшилъ сихъ молчаливый
 Хвалу Сотворшесму гремишь.
 Дерзнешъ ли духъ небесъ къ престолу,
 Иль мыслию нисходишь долу, —
 Равно швореня въ глубинѣ,
 Какъ капля въ безднѣ, исчезаетъ,
 И умиленный, обожаешъ
 Его въ священной нишинѣ.

G.

С о б о л ь и К о ш к а.

Б а с н я.

Однажды съ кошкою домашней
Сошелся соболь Гдѣ? Когда?
Вопросъ Чашателей всегдашній;
Да нужноть ошвѣчашь всегда?

Они сошлись: вошь вамъ и все шунь! Соболю
Знакомкѣ говоривъ: „Я выросъ со звѣрми;

А ты живешь съ людьми,

И знаешь ихъ, конечно, рдвоволь.

Хощель бы слышать я, кто изъ звѣрей пушныхъ

Всѣхъ болѣе въ чесши у нихъ?

Какъ судишь о мѣхахъ народъ шорговой?

Скажи жь пожалуй, мнѣ:

Вошь мой мѣхъ, на примѣръ, въ какой у нихъ цѣнѣ?—

„Да не въ дешевой.

Живу я у купца, который шоргъ гуршовой

Ведеть мѣхами лѣншъ ужь шесшь —

И въ лавкахъ у него мѣховъ не перечесшь;

Но швоему — большая чесшь!

При мнѣ онъ всякой разъ предъ бѣлкою, лисицей,

И даже предъ куницей

За пышношь и за ось шебя превозносилъ.“ —

„Ну штожь! Онъ дѣло говорилъ

И, видно, шеловкѣ толковой.“ —

„Однакожь, знаешь ли: чей мѣхъ

Онъ выше швоего и выше ставишь всѣхъ?

Бобровой!

Вошь мѣхъ, онъ говоривъ, и прочный и гусшой;

Сгоривъ — не полиняешь!“ — —

„Ну што онъ понимаетъ?

И, видно, шеловкѣ пустой!“

Иллѣевскій.

Пѣснь Рускихъ сонновъ.

(Музыка Г. Маурера.)

Свяшая шо у насъ была война!

И шы, и шы увѣдала смяшенье,

О милый край, о Руская спрана!

И намъ, и намъ грозило покоренье!

Враги, какъ буря, къ намъ войной —

И слѣдъ ихъ былъ — пожаръ и степи!

Для насъ звенѣли рабства цѣпи

И врагъ ругался надъ Москвой! . . .

Но стали Рускіе спѣной,

И ошеспояли шронъ и Царешво.

Насъ Руской Богъ водилъ къ свяшой войнѣ

И въ прахъ ошъ насъ — угрозы и коварештво!

Я признаюсь, мнѣ часпо въ сладкомъ снѣ

Гремилъ шопъ бой, когда спасалось Царешво.

Тушь прежнимъ грудь полна огнѣмъ;

Въ мечтахъ я простираю руки

И въ перекашахъ рашный громъ

И спрашной битвы слышу звуки . . .

Но зашихаешь дальній бой

И слышенъ гласъ привѣстной славы! . . .

Они бѣгушь — сін полны враговъ

Бѣгушь ошъ насъ — какъ спрашная зараза!

А Руской Царъ — съ Днѣпровскихъ береговъ

Съ Задонскихъ спранъ, съ сѣдыхъ вершинъ Кавказа,

Привель, подъ знамемъ чеспи, рашъ

Ошъ береговъ пустынной Лены,

На берега роскошной Сены,

Побѣды праздникъ пировать! —

Забышо все, и Руской жилъ

Какъ госпъ, въ спѣнахъ сптолицы славной!

Ө. Глишка.

Конецъ 7-й книжки.

(При семь листкъ Ношы.)

Печашать позволяется: Марша 29-го дня 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.